

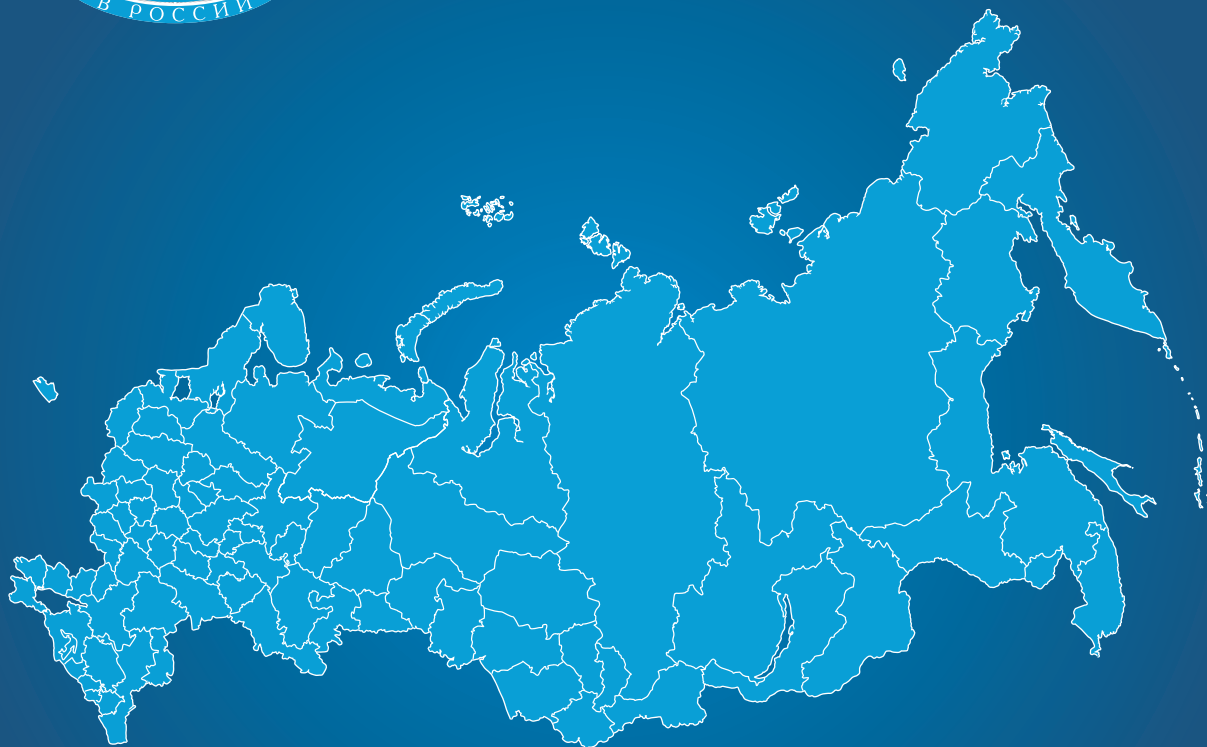
ВЫСШЕЕ образование в РОССИИ

ISSN 0869-3617 (Print)
ISSN 2072-0459 (Online)

8-9/2024

НАУЧНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Vysshee obrazovanie v Rossii / Higher Education in Russia

«Пресса России» индекс: 83142

Журнал издается с 1992 года

Независимая оценка уровня образовательных достижений студентов

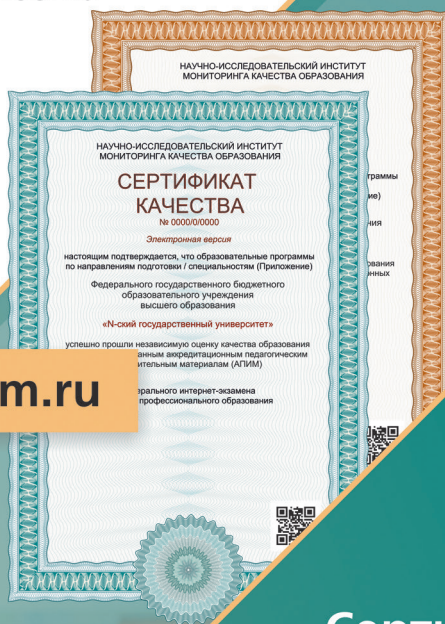
в рамках ФЭПО

Федеральный
интернет-экзамен в сфере
профессионального
образования (ФЭПО)

Образовательная организация
получает **два сертификата качества**
при успешном тестировании
студентов:

- по дисциплинам ВО и СПО
- по дисциплинам
общеобразовательного
цикла

fepo.i-exam.ru

Сертификаты качества

дают преимущество при
прохождении профессионально-
общественной аккредитации,
участии в проекте «Лучшие
образовательные программы
инновационной России»
и учитываются в Национальном
агрегированном рейтинге

 nii.mko@yandex.ru

 8 (8362) 64-16-88

 fepo.i-exam.ru

ВЫСШЕЕ образование в РОССИИ

8-9/2024

НАУЧНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
Vysshee obrazovanie v Rossii / Higher Education in Russia

Содержание

Contents 3

«Обучение служением» на фронтире молодежной политики

НИКОЛЬСКИЙ В.С., АМБАРОВА П.А., ШАБРОВА Н.В.,
ЗЕМЦОВ Д.И., МЕТЕЛЕВ А.П. Готовность студентов вузов
к общественному служению 9–26

ПЕВНАЯ М.В., БОРОНИНА Л.Н., ПОЧАТКОВА Е.И.

Гражданственность студенчества в рамках социально-
ориентированного проектного обучения. 27–41

ПРОХОРОВА М.В., ЧЕПЬЮК О.Р., МАЗАНОВА А.Е.,

БРЯНДИНСКАЯ Н.Г., НЕМИРОВА С.В. Обучение служением
в медицинском вузе: основные подходы к проектированию
дисциплины 42–62

АСЛАНОВ Я.А., ДЕТОЧЕНКО А.С., ЛЕПИН А.П.,

МАРТЫНОВА Е.В. Детерминанты успешности и риски
реализации подхода «Обучение служением» в условиях
проектно-ориентированного обучения 63–83

Соучредители: Московский
политехнический
университет;

Ассоциация технических
университетов

Главный редактор:
В.С. Никольский

Зам. главного редактора:
Н.П. Лябина

Редакторы:
Н.Н. Жильцов
Д.А. Видавская
Э.Ю. Шишкова

Ответственный секретарь:
Д.В. Давыдова

Адрес редакции:
127550, Москва,
ул. Прянишникова, д. 2А
e-mail: vovrus@inbox.ru
vovr@bk.ru

Журнал зарегистрирован
в Роскомнадзоре
Рег. св. ПИ № ФС7754511
от 17 июня 2013 года

Издатели:

Московский политехнический
университет

Адрес: 107023, Россия, г. Москва,
ул. Б. Семеновская, д. 38

Российский университет
дружбы народов

Адрес: 117198, Россия, Москва,
ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Подписано в печать с
оригинал-макета 10.10.2024

Выход в свет 15.10.2024.

Усл. п. л. 11. Тираж 500 экз.

Заказ №

Отпечатано в типографии
Издательско-полиграфического
комплекса РУДН.

Адрес:

115419, Москва, Россия,
ул. Орджоникидзе, д. 3,
тел.: (495) 952-04-41;

e-mail: publishing@rudn.ru

© «Высшее образование
в России»

www.vovr.elpub.ru;

www.vovr.ru

НИКОЛЬСКИЙ В.С. «Обучение служением»
или “Service Learning”? Дискуссия о
концептуальных основаниях
педагогического подхода 84–94

Статьи

ЕФИМОВ В.С., ЛАПТЕВА А.В.

Поколения университетов: особенности
культивируемых типов мышления. Каким
будет мышление в Университете 4.0? 95–122

ГАБДРАХМАНОВА Г.Ф. Имеет ли значение

наличие высшего образования для
поведения молодёжи в сети Интернет? ... 123–139

ЛЯДОВА А.В. Здоровьесбережение

в представлениях студентов: особенности
и факторы формирования 140–160

Двухлетний импакт-фактор
РИНЦ-2022, без самоцитирования

ВОПРОСЫ ОБРАЗОВАНИЯ	3,938
ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ В РОССИИ	3,139
ОБРАЗОВАНИЕ И НАУКА	2,986
ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ НАУКА И ОБРАЗОВАНИЕ	2,943
УНИВЕРСИТЕТСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ: ПРАКТИКА И АНАЛИЗ	1,928
ИНТЕГРАЦИЯ ОБРАЗОВАНИЯ	1,613
СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ	1,491
ЭПИСТЕМОЛОГИЯ И ФИЛОСОФИЯ НАУКИ	0,689
ВОПРОСЫ ФИЛОСОФИИ	0,655
ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ СЕГОДНЯ	0,524
АЛМА МАТЕР (ВЕСТНИК ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ)	0,276
ПЕДАГОГИКА	0,006

Contents

“Service Learning” on the Frontier of Youth Policy

NIKOLSKIY, V.S., AMBAROVA, P.A.,
SHABROVA, N.V., ZEMTSOV, D.I., METELEV, A.P.
Readiness of University Students for Public Service.
Pp. 9-26

PEVNAYA, M.V., BORONINA, L.N.,
POCHATKOVA, E.I. Students’ Civic Consciousness
in the Framework of Socially Oriented Project-based
Learning. Pp. 27-41

PROKHOROVA, M.V., CHEPYUK, O.R.,
MAZANOVA, A.E., BRIANDINSKAIA, N.G.,
NEMIROVA, S.V. Service Learning in Medical
Education: Basic Approaches to Discipline Design.
Pp. 42-62

ASLANOV, Ya.A., DETOCHENKO, L.S.,
LEPIN, A.P., MARTYNOVA, E.V. Determinants of
Success and Risks of Implementing the “Service Learning”
Approach in a Project-Oriented Learning Environment.
Pp. 63-83

NIKOLSKIY, V.S. “Obuchenie Sluzheniem” or
“Service Learning”? A Discussion on the Conceptual
Foundations of the Pedagogical Approach. Pp. 84-94

Articles

EFIMOV, V.S., LAPTEVA, A.V. Generations of
Universities: Features of Cultivated Thinking Types.
What Will the Thinking be Like in University 4.0?
Pp. 95-122

GABDRAKHMANOVA, G.F. Is It Matters to Have
a Higher Education for the Young People Behavior on the
Internet? Pp. 123-139

LIADOVA A.V. Health Keeping in the Views
of Students: Features and Formation Factors.
Pp. 140-160

Co-founders:
Moscow Polytechnic University,
Association of Technical
Universities. Founded in 1991

Editor-in-Chief:
V.S. Nikolsky

Deputy Editor-in-Chief:
N.P. Lyabina

Executive secretary:
D.V. Davydova

Editors:
N.N. Zhiltsov
D.A. Vidavskaya
E.Yu. Shishkova

Editorial office. Postal address:
2A, Pryanishnikova str., Moscow,
127550, Russian Federation
e-mail: vovrus@inbox.ru,
vovr@bk.ru

www.vovr.elpub.ru;
www.vovr.ru

The journal's registration by the
Federal Service for Supervision of
Communications, Information
Technology and Mass Media was
renewed on 17 June 2013.

The Certificate of Mass Media
registration: No. FC 7754511

ISSN 0869-3617 (Print);
2072-0459 (Online)

11 issues per year

Languages: Russian, English

Publishers:
Moscow Polytechnic University
Address: 38 Bolshaya
Semenovskaya str., Moscow,
107023, Russian Federation

Peoples' Friendship
University of Russia
Address: 6 Miklukho-Maklaya str.,
Moscow, 117198, Russian
Federation

Printed at RUDN
Publishing House:
3 Ordzhonikidze str., Moscow,
115419, Russian Federation
Ph. +7 (495) 952-04-41;
e-mail: publishing@rudn.ru

Copies printed – 500

© *Vysshee obrazovanie v Rossii*
(Higher Education in Russia)

VYSSHEE OBRAZOVANIE V ROSSII

www.vovr.elpub.ru; www.vovr.ru
(*Higher Education in Russia*)

Vysshee obrazovanie v Rossii is a monthly scholarly refereed journal that provides a forum for disseminating information about advances in higher education among educational researchers, educators, administrators and policy-makers across Russia. The journal welcomes authors to submit articles and research/discussion papers on topics relevant to modernization of education and trends, challenges and opportunities in teaching and learning.

Vysshee obrazovanie v Rossii publishes articles, book reviews and conference reports on issues such as institutional development and management, innovative practices in university curricula, assessment and evaluation, as well as theory and philosophy of higher education.

Vysshee obrazovanie v Rossii aims to stimulate interdisciplinary, problem-oriented and critical approach to research, to facilitate the discussion on specific topics of interest to educational researchers including international audiences. The primary objective of the journal is supporting of the research space in the field of educational sciences taking into account two dimensions – geographical and epistemological, consolidation of the broad educational community. This can be provided by creating the unified language of understanding and description of the processes that take place in the contemporary higher education. This language should facilitate rallying of the whole community of educators and researchers on the basis of such values as solidarity, concord, cooperation, and co-creation.

Our audience includes academics, faculty and administrators, teachers, researchers, practitioners, organizational developers, and policy designers.

The journal's rubrics correspond to three research areas: philosophical sciences, sociological sciences, educational sciences. We design our activities relying on the professional associations in higher education sphere, such as the Russian Union of Rectors, Association of Technical Universities, Association of Classical Universities of Russia, International Society for Engineering Education (IGIP).

Indexation. The papers in *Vysshee obrazovanie v Rossii* are indexed by Russian Science Citation Index and Scopus.

ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ В РОССИИ

www.vovr.elpub.ru; www.vovr.ru
НАУЧНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Журнал входит в перечень изданий, рекомендованных ВАК при Министерстве науки и высшего образования РФ для публикации результатов научных исследований.

Редакционная коллегия

БЕДНЫЙ Б.И. (проф., ННГУ им. Н.И. Лобачевского); **БЕЛОЦЕРКОВСКИЙ А.В.** (проф., Тверской государственный университет); **ГРЕБНЕВ А.С.** (проф., НИУ «Вышая школа экономики»); **ЕНДОВИЦКИЙ Д.А.** (проф., ректор, вице-президент РСР, Воронежский государственный университет); **ЖУРАКОВСКИЙ В.М.** (проф., акад. РАО); **ЗБОРОВСКИЙ Г.Е.** (проф., Уральский федеральный университет им. Б.Н. Ельцина); **ИВАНОВ В.Г.** (д. пед. н., проф.), **ИВАХНЕНКО Е.Н.** (проф., МГУ им. М.В. Ломоносова); **КИРАБАЕВ Н.С.** (проф., РУДН); **КУЗНЕЦОВА Н.И.** (д. филос. н., ИИЕТ РАН); **ЛУКАШЕНКО М.А.** (проф., МФПУ «Синергия»); **МЕЛИК-ГАЙКАЗЯН И.В.** (проф., ТГПУ); **НИКОЛЬСКИЙ В.С.** (журнал «Высшее образование в России»); **ПЕТРОВ В.А.** (проф., НИТУ «МИСиС»); **РАИЦКАЯ А.К.** (проф., МГИМО); **СЕНАШЕНКО В.С.** (проф., РУДН); **СИЛЛАСТЕ Г.Г.** (проф., Финансовый университет при Правительстве РФ); **СТРИХАНОВ М.Н.** (проф., акад. РАО); **ТЕРЕНТЬЕВ Е.А.** (Институт образования, НИУ «Вышая школа экономики»); **ФИЛИППОВ В.М.** (проф., акад. РАО, президент РУДН); **ЧУЧАЛИН А.И.** (проф.); **ШЕЙНБАУМ В.С.** (проф., Губкинский университет)

Международный редакционный совет

АЛЕКСАНДРОВ А.А. (проф., президент МГТУ им. Н.Э. Баумана, президент Ассоциации технических университетов); **АУЭР Михаэль** (проф., Университет прикладных наук Каринтии); **БАДАРЧ Дендев** (проф., директор департамента ЮНЕСКО, Париж); **де ГРААФ Эрик** (проф., Алборгский университет); **ГРУДЗИНСКИЙ А.О.** (проф., член рабочей группы по Болонскому процессу при Минобрнауки России); **ЖЕНЬ НАНЬЦИ** (акад., Харбинский политехнический университет, исполнительный директор АТУРК); **ЗГУРОВСКИЙ М.З.** (акад. НАН Украины, ректор, Национальный технический университет Украины); **ЗЕРНОВ В.А.** (проф., ректор, РосНОУ, председатель совета Ассоциации негосударственных вузов); **НЕЧАЕВ В.Д.** (проф., ректор, Севастопольский государственный университет); **ОЧИРБАТ Баатар** (ректор, Монгольский государственный университет науки и технологий); **ПРИХОДЬКО В.М.** (проф., чл.-корр. РАН, президент Российского мониторингового комитета IGIP); **САДОВНИЧИЙ В.А.** (проф., акад. РАН, ректор, МГУ им. М.В. Ломоносова, президент РСР); **САНГЕР Филип** (проф., Университет Пурдю, США)

ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ В РОССИИ

www.vovr.elpub.ru; www.vovr.ru
(*Higher Education in Russia*)

EDITORIAL BOARD

Boris I. BEDNYI – Dr. Sci. (Physics), Prof., Director of the Institute of Doctoral Studies, N.I. Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod, bib@unn.ru

Andrey V. BELOTSEKOVSKY – Dr. Sci. (Physics), Prof., Tver State University, A.belotserkovsky@tversu.ru

Alexander I. CHUCHALIN – Dr. Sci. (Engineering), Prof., chai@tpu.ru

Dmitry A. ENDOVITSKY – Dr. Sci. (Economics), Prof., Rector, Voronezh State University, Vice-president of the Russian Rectors' Union, eda@econ.vsu.ru

Vladimir M. FILIPPOV – Dr. Sci. (Engineering), Prof., Academician of the RAE, RUDN University, president@rudn.ru

Leonid S. GREBNEV – Dr. Sci. (Economics), Prof., National Research University Higher School of Economics, lsg-99@mail.ru

Evgeniy N. IVAKHNENKO – Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Lomonosov Moscow State University, ivahnen@rambler.ru

Vasiliy G. IVANOV – Dr. Sci. (Education), Prof., mrcpkrt@mail.ru

Nur S. KIRABAEV – Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Peoples' Friendship University of Russia, kirabaev@gmail.com

Natalia I. KUZNETSOVA – Dr. Sci. (Philosophy), Leading Researcher, S. Vavilov Institute for the History of Science and Technology, the RAS, cap-cap@inbox.ru

Marianna A. LUKASHENKO – Dr. Sci. (Economics), Prof., Moscow University for Industry and Finance “Synergy”, mlukashenko@mfpa.ru

Irina V. MELIK-GAYKAZYAN – Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Tomsk State Pedagogical University, melik-irina@yandex.ru

Vladimir S. NIKOLSKY – Dr. Sci. (Philosophy), Editor-in-Chief of the journal “Vysshee Obrazovanie v Rossii”, logos101@yandex.ru

Vadim L. PETROV – Dr. Sci. (Engineering), Prof., The National University of Science and Technology MISiS, petrovv@misis.ru

Lilia K. RAITSKAYA – Dr. Sci. (Education), Cand. Sci. (Economics), Prof., MGIMO University (Moscow) – Moscow State Institute of International Relations (University), e-mail: raitskaya.l.k@inno.mgimo.ru

Vasiliy S. SENASHENKO – Dr. Sci. (Physics), Prof. of the Department of Comparative Educational Policy, People's Friendship University of Russia, vsenashenko@mail.ru

Viktor S. SHEINBAUM – Cand. Sci. (Engineering), Prof., Gubkin Russian State University of Oil and Gas, shvs@gubkin.ru

Galina G. SILLASTE – Dr. Sci. (Sociology), Prof., Financial University under the Government of the Russian Federation, galinasillaste@yandex.ru

Mikhail N. STRIKHANOV – Dr. Sci. (Physics), Prof., Corr. Member of the Russian Academy of Education

Evgeniy A. TERENCEV – Cand. Sci. (Sociology), Institute of Education, National Research University Higher School of Economics, eterentev@hse.ru

Garold E. ZBOROVSKY – Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, g.e.zborovsky@urfu.ru; garoldzborovsky@gmail.com

Vasiliy M. ZHURAKOVSKY – Dr. Sci. (Engineering), Prof., Academician of the Russian Academy of Education, Head of the Expert and Analytical Center of National Training Foundation, zhurakovsky@ntf.ru

INTERNATIONAL COUNCIL MEMBERS

Anatoly A. ALEXANDROV – Dr. Sci. (Engineering), Prof., President of Bauman Moscow State Technical University, President of Technical Universities Association, bauman@bmstu.ru

Michael E. AUER – PhD, Prof., Carinthia University of Applied Sciences (Austria), gs@igip.org

Dendev BADARCH – PhD, Director of the Division of Social Transformations and Intercultural Dialogue, UNESCO, France, d.badarch@unesco.org

Erik de GRAAF – Prof., Aalborg University (Denmark), degraafe@plan.aau.dk

Alexander O. GRUDZINSKY – Dr. Sci. (Sociology), Prof., Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod, member of the working group on Bologna Process at the Ministry of Education and Science of the RF, aog@unn.ru

Vladimir D. NECHAEV – Dr. Sci. (Politics), Prof., Rector of Sevastopol State University, VDNechev@sevsu.ru

Baatar OCHIRBAT – PhD, Prof., Rector of Mongolian University of Science and Technology, baatar@must.edu.mn

Vyacheslav M. PRIKHOD'KO – Dr. Sci. (Engineering), Prof., Corr. Member of the RAS, Moscow State Automobile and Road Technical University (MADI), President of RMC IGIP, rector@madi.ru

Nanqi REN – Vice President of Harbin Institute of Technology, Association of Sino-Russian Technical Universities (ASRTU), Permanent Secretariat of Chinese part, asrtu@hit.edu.cn

Viktor A. SADOVNICHYI – Dr. Sci. (Physics), RAS Academician, Rector of Lomonosov Moscow State University, President of the Russian Rectors' Union, info@rector.msu.ru

Phillip A. SANGER – PhD, Full Professor, Executive Director of Center for Accelerating Technology and Innovation, College of Technology, Purdue University, psanger@purdue.edu

Vladimir A. ZERNOV – Dr. Sci. (Physics), Prof., Rector of the Russian New University, Chairman of the Council of the Association of Non-Governmental Universities, rector@rosnou.ru

Mykhailo Z. ZGUROVSKY – Dr. Sci. (Engineering), Prof., Rector of National Technical University of Ukraine “Kyiv Polytechnic Institute”, Academician of the NAS of Ukraine, zgurovsm@hotmail.com

AUTHOR'S GUIDE

Publishing Ethics

The journal *Vysshee obrazovanie v Rossii* is committed to promoting the standards of publication ethics in accordance with COPE (Code of Conduct and Best Practice Guidelines for Journal Editors) and takes all possible measures against any publication malpractices. We pursue the principles of transparency and best practices in scholarly publishing and aspire to ensure fair, unbiased, and transparent peer review processes and editorial decisions.

Peer-review procedure

All the manuscripts submitted to *Vysshee obrazovanie v Rossii* are reviewed by the Editor to assess its suitability for the journal according to the guidelines determined by the editorial policy. On this step of the initial filtering the manuscript can be rejected if the content doesn't fall within the scope of the journal or it fails to meet sufficiently our basic criteria and the submission requirements.

The papers accepted for publication are subjected to the blind peer review process which can be accomplished either by the members of Editorial staff (Heads of Departments) or by involved additional reviewers. The assigned reviewer is an expert within a topic area of the research conducted.

Manuscript Submission

Manuscript is expected to report the original research. The paper content should be relevant to the scope of the journal. Authors must certify that the manuscript is not currently being considered for publication elsewhere and has not been published before.

Manuscripts are submitted at email address: vovrus@inbox.ru. They must be prepared according to the manuscript requirements. Author's document set should include the following positions.

- *Authors' data*: first name, middle initial and last name; affiliation (full name of the organization and position); academic degree; Author ID; ORSID; Researcher ID; postal address of the organization; e-mail address; mobile telephone number.
- *Manuscript file* in Word format (font – 11-point Times New Roman).
- *Title* (no more than 5-7 words).
- *Abstract* (250-300 words summarizing concisely the content and conclusions of the paper).
- *Keywords* (5-7).
- *Reference list* (approx. 20-25). Each reference should be numbered, ordered sequentially as it appears in a text; all authors should be included in reference list; references to web-sites should give authors if known, title of cited page, DOI if available, URL in full, and year of posting in parentheses. Please, adhere the journal style of referencing.

We strongly recommend that authors use the professional academic proofreading services. The language editing certificate is highly advisable.

Готовность студентов вузов к общественному служению

Научная статья

DOI: 10.31992/0869-3617-2024-33-8-9-9-26

Никольский Владимир Святославович – д-р филос. наук, профессор Центра проектной деятельности, гл. редактор журнала «Высшее образование в России», главный научный сотрудник проектно-учебной лаборатории «Молодежная политика», SPIN-code: 7196-8065, ORCID: 0000-0002-4290-1443, v.s.nikolskij@mospolytech.ru

Московский государственный политехнический университет, Москва, Россия

Адрес: 107023, г. Москва, ул. Б. Семёновская, 38

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Москва, Россия

Адрес: 109028, г. Москва, Покровский б-р, 11

Амбарова Полина Анатольевна – д-р социол. наук, профессор кафедры социологии и технологий государственного и муниципального управления, SPIN-code: 1351-6671, ORCID: 0000-0003-3613-4003, borges75@mail.ru

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия

Адрес: 620002, г. Екатеринбург, ул. Мира, 19

Шаброва Нина Васильевна – д-р социол. наук, доцент кафедры социологии и технологий государственного и муниципального управления, SPIN-code: 9074-1730, ORCID: 0000-0002-5694-1040, n.v.shabrova@urfu.ru

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия

Адрес: 620002, г. Екатеринбург, ул. Мира, 19

Земцов Дмитрий Игоревич – научный сотрудник, проректор, ORCID: 0000-0002-2603-0393, SPIN-code: 9053-7508, Researcher ID: GXW-3421-2022, Scopus Author ID: 57418383700, zemtsov.d@gmail.com

Институт образования, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия

Адрес: 109028, г. Москва, Покровский б-р, 11

Метелев Артём Павлович – председатель Комитета Государственной Думы по молодёжной политике, Председатель Совета Ассоциации Добро.рф, ORCID: 0009-0008-0308-7304, SPIN-code: 5928871, metelev@avcrf.ru

Адрес: 115114, г. Москва, Летниковская ул, д. 10 стр. 2

Аннотация. В статье рассматривается реализация одного из важнейших аксиологических оснований высшего образования – формирование у студентов установок на обще-

ственное служение как социальную ценность. Актуальность исследования обусловлена необходимостью оценки образовательных практик, выполняющих в системе высшей школы данную социальную функцию. В фокусе внимания – готовность студентов к общественному служению как результат внедрения в учебный процесс нового педагогического подхода «Обучение служением». В качестве исследовательских вопросов проанализированы: концепт общественного служения и его интерпретация в контексте высшего образования; ключевые показатели готовности студентов вузов к общественному служению; возможности обучения служением формировать готовность к общественному служению. Предложено рассматривать общественное служение как деятельность в интересах других людей, реализуемую в двух формах – как социальное и как профессиональное служение. Первая форма связана с реализацией ответственного и реципрокного поведения, вторая – с общественной миссией профессии. На основе данных всероссийского социологического исследования (2024) показаны особенности и проблемы формирования готовности к социальному и профессиональному служению у студентов российских вузов. Значимым результатом исследования стала фиксация изменения в процессе обучения служением личностных качеств студентов, служащих предикторами их включённости в практики общественного служения во время и после обучения в вузе.

Ключевые слова: общественное служение, социальное и профессиональное служение, обучение служением, студенты, университеты, социальная миссия вузов

Для цитирования: Никольский В.С., Амбарова П.А., Шаброва Н.В., Земцов Д.И., Метелев А.П. Готовность студентов вузов к общественному служению // Высшее образование в России. 2024. Т. 33. № 8-9. С. 9–26. DOI: 10.31992/0869-3617-2024-33-8-9-9-26

Readiness of University Students for Public Service

Original article

DOI: 10.31992/0869-3617-2024-33-8-9-9-26

Vladimir S. Nikolskiy – Dr. Sci. (Philosophy), Professor of the Project Activity Centre, Chief Editor of the journal of “Higher Education in Russia”, Senior Researcher at the Youth Policy Project and Training Laboratory, SPIN-code: 7196-8065, ORCID: 0000-0002-4290-1443, v.s.nikolskij@mospolytech.ru

Moscow State Polytechnic University, Moscow, Russia

Address: 38, B. Semenovskaya str., Moscow, 107023, Russian Federation

Polina A. Ambarova – Dr. Sci. (Sociology), Professor of the Department of Sociology and Technologies of State and Municipal Administration, SPIN-code: 1351-6671, ORCID: 0000-0003-3613-4003, borges75@mail.ru

Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russia

Address: 19, Mira str., Yekaterinburg, 620002, Russian Federation

Nina V. Shabrova – Dr. Sci (Sociology), Associate Professor of the Department of Sociology and Technologies of State and Municipal Administration, SPIN-code: 9074-1730, ORCID: 0000-0002-5694-1040, n.v.shabrova@urfu.ru

Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russia

Address: 19, Mira str., Yekaterinburg, 620002, Russian Federation

Dmitry I. Zemtsov – Research Fellow, Vice-Rector, ORCID: 0000-0002-2603-0393, Researcher ID: GXW-3421-2022, Scopus Author ID: 57418383700, zemtsov.d@gmail.com Institute of Education

Higher School of Economics, Moscow, Russia

Address: 11 Pokrovsky Bulvar, 109028, Moscow, Russian Federation

Artem P. Metelev – Chairman of the State Duma Committee on Youth Policy, Chairman of the Council of the Dobro.rf Association, ORCID: 0009-0008-0308-7304, SPIN-code: 5928871, metelev@avcrf.ru

Address: 10/2 Letnikovskaya str., 115114, Moscow, Russia

Abstract. The article examines the implementation of one of the most important axiological foundations of higher education – the formation of attitudes among students towards public service as a social value. The relevance of the study is due to the need to evaluate educational practices that perform this social function in the higher education system. The focus of attention is on the readiness of students for public service as a result of the introduction of a new pedagogical approach «Service Learning» into the education. Some research questions are analyzed: the concept of public service and its interpretation in the context of higher education; key indicators of university students' readiness for public service; opportunities for Service Learning to develop readiness for public service. It is proposed to consider public service as an activity in the interests of other people, implemented in two forms – as social and professional service. The first form is associated with the implementation of responsible and reciprocal behavior, the second form is the social mission of the profession. Based on the data of the sociological study (2024), the features and problems of forming readiness for social and professional service among students of Russian universities are shown. A significant result of the study was the fixation of changes in the personal qualities of students in the process of Service Learning, which are as predictors of their involvement in the practice of public service during and after university studies.

Keywords: public service, social and professional service, Service Learning, students, universities, social mission of universities

Cite as: Nikolskiy, V.S., Ambarova, P.A., Shabrova, N.V., Zemtsov, D.I., Metelev, A.P. (2024). Readiness of University Students for Public Service. *Vysshee obrazovanie v Rossii = Higher Education in Russia*. Vol. 33, no. 8-9, pp. 9-26, doi: 10.31992/0869-3617-2024-33-8-9-9-26 (In Russ., abstract in Eng.).

Введение

Приоритеты российской образовательной политики актуализировали оценку образовательных практик, ориентированных на реализацию социальной миссии университетов с участием студентов. Они также активизировали поиск новых подходов к формированию и развитию у студентов ценностных установок на конструктивное социальное поведение, позволяющее им осуществлять самореализацию путём интеграции в общественные отношения [1]. Новый педагогический подход «Обучение служением» был предложен к апробации в 2023/24 учебном году во всероссийском пилотном проекте как метод не только формирования, но и со-

хранения в сознании и поведении будущего профессионала установок на деятельность в интересах других людей. Новый педагогический подход призван, во-первых, способствовать активному вовлечению молодёжи в практики социального участия, а во-вторых, предоставить возможность молодым людям реализовать уже сформировавшейся запрос на общественно полезную деятельность. Актуальность подобной задачи подтверждена сформированным общественным запросом среди граждан, включая молодёжь, на участие в общественных и социальных проектах, а также результатами проводимой последние 10 лет молодёжной политики, одной из целей которой является вовлечение моло-

дых людей в решение социально значимых проблем, участие в волонтерском движении, помощь людям.

Так, по данным исследования ВЦИОМ¹ в 2023 г., 34% людей в возрасте от 18 до 34 лет заявляют о своём участии в волонтерской деятельности. Среди ключевых мотивов волонтерской деятельности респонденты особо выделяли желание чувствовать себя полезным (54%). Вторым по значимости мотивом участия в волонтерской деятельности является возможность решить проблемы других людей – его отметили 36% опрошенных. Третьей важной причиной стать волонтером является желание реализовать свои убеждения и ценности (22%)². С 2020 по 2024 г. кардинально изменился подход к стимулированию волонтерства со стороны государства и российских университетов: если в 2020 г. по данным Минобрнауки добровольческий опыт абитуриента учитывали при поступлении лишь около 100 университетов, то в 2024 г. уже в 603. Таким образом, целенаправленная государственная политика, наличие многочисленных программ и стимулов формирует готовность среди российской молодежи к раскрытию своего потенциала через участие в служении, реализации общественных проектов.

Новый педагогический подход был призван решать задачи, схожие с волонтерской, проектной, воспитательной деятельностью вуза [2; 3]. В то же время у него есть специфические возможности и инструменты для этого, требующие своего осмысления и оценки.

Сложность самого явления служения и многообразие его трактовок в разных научных, социокультурных и идеологических

контекстах каждый раз требуют прояснения смысла используемого понятия [4; 5]. В рамках социологического дискурса представляется уместным предложить понятие *общественного служения*. Оно интегрирует представления о двух видах служения как деятельности, реализующейся посредством:

1) добровольческих практик (волонтерства, благотворительности, помощи, взаимопомощи);

2) профессиональных практик, которым присуща в том числе и социальная миссия.

Подобное разделение видов служения ранее было обосновано исследователями, изучавшими возможности формирования готовности молодежи к служению посредством образования, педагогических технологий [6; 7]. Безусловно, существуют и другие виды служения [8]. Так, служение в рамках института государственной службы можно рассматривать как разновидность профессионального служения [9]. Однако религиозное служение остаётся за рамками института образования в силу светского характера последнего.

В нашем исследовании предметом изучения стала готовность студентов российских университетов к общественному – социальному и профессиональному – служению. При этом мы учитывали то обстоятельство, что эта готовность может формироваться у молодежи до поступления в вуз, а её развитие поддерживаться факторами как вузовской, так и вневузовской среды. В то же время образовательная (учебная) деятельность является ведущей для данной группы учащейся молодежи, поэтому она обладает высоким потенциалом для формирования и развития готовности к общественному служению.

¹ Аналитический отчёт по результатам телефонного опроса на тему: «Востребованные векторы поддержки добровольчества в Российской Федерации. Исследование 3. 2023. URL: <https://edu.dobro.ru/materials/share/vosprinimaemye-effekty-i-potencia-razvitiya-dobrovolchestva-v-rossijskoj-federacii-issledovanie-3/> (дата обращения: 16.08.2024).

² Аналитический отчёт по результатам телефонного опроса на тему: «Востребованные векторы поддержки добровольчества в Российской Федерации. Исследование 1. 2023. URL: <https://edu.dobro.ru/materials/share/vosprinimaemye-effekty-i-potencia-razvitiya-dobrovolchestva-v-rossijskoj-federacii-issledovanie-1/> (дата обращения: 16.08.2024).

жению. Особенно если речь идёт о профессиональном служении.

Учитывая сложные взаимовлияния внесловесных факторов, внеучебной общественной и учебной активности, мы исследовали возможности влияния на готовность студентов к общественному служению педагогического подхода «Обучение служением». Этот подход, имеющий историю развития в образовании различных стран, имеет свои предпосылки и предысторию в российской высшей школе [10]. Отечественные и зарубежные исследователи признают, что он эффективно формирует ценностные, компетентностные и поведенческие установки, которые студенты способны воспроизводить и после окончания вуза.

Обзор литературы

Научная литература, связанная с подходом «Обучение служением», впервые появляется в конце 1960-х годов после первой тематической научной конференции [11]. В дальнейшем многочисленные исследования раскрывают отдельные аспекты применения этого подхода для достижения таких образовательных результатов, как социальная ответственность, готовность к помогающему поведению, готовность улучшать мир вокруг себя, готовность к профессиональному служению. При этом более 75% документов опубликованы с 2010 г. Это говорит о том, что данная предметная область в мировой науке представляет собой с одной стороны зрелую, а с другой быстро развивающуюся междисциплинарную область знаний [12].

Большой объём эмпирических данных, собранных за время исследований «обучения служением», выводит на первый план вопрос о возможности сопоставления данных, полученных в разное время и в различных социальных условиях. В связи с этим особый интерес вызывают работы, созданные в жанре систематических обзоров литературы и метаанализа. Так, исследователи из Италии провели систематический обзор литературы [13] по влиянию «обучения служением» на

развитие «мягких навыков» и показали, что обучение служением является эффективным образовательным подходом для развития этих навыков у студентов, особенно в социальных (коммуникация), методологических (навыки анализа и критического мышления) и личных (лидерство) областях. Кроме этого, систематические обзоры показали, что большинство исследований «обучения служением» базируется на использовании не количественных, а качественных методов, в частности, на анализе записей в рефлексивных журналах студентов. Такой подход глубоко раскрывает содержательные и личностные аспекты реализации «обучения служением», но не позволяет зафиксировать общие тенденции и закономерности. В этой связи авторы рекомендуют применять смешанную методологию исследований.

Исследователи также фокусируют внимание на отдельных направлениях подготовки и сферах применения. Например, обзор материалов, опубликованных с 1995 по 2023 г., фиксирует роль «обучения служением» в инженерном образовании как эффективного метода формирования эмпатии и человекоориентированного подхода у будущих инженеров [14], а также будущих специалистов в ИТ-сфере [15]. Метаанализ публикаций о применении «обучения служением» для обучения студентов с ограниченными возможностями здоровья показывает его эффективность и для этой категории [16]. Сопоставимые результаты показывают метаисследования применения «обучения служением» в национальных контекстах Китая [17], Перу [18] и др. В число конкретных исследований, учтённых в метаанализе, вошли исследования студентов разных групп: обучающихся по техническим специальностям [19], будущих стоматологов [20], студентов, окончивших среднюю школу с отличием [21], участников программ академической мобильности [22] и др.

В число проблем, интересующих исследователей, входят вопросы о конкретных формах интеграции обучения служением в ака-

демические дисциплины [23], о подготовке преподавателей к использованию этого метода [24], о формировании конкретных теоретических концептов, например, концепта «социальной справедливости» [25], вопрос об отношениях «взаимности» между университетом и социальными партнёрами [26]. Особое внимание исследователей привлекает роль рефлексии полученного в процессе обучения служением опыта: утверждается, что развитие студента «не обязательно происходит в результате самого опыта, но чаще в ходе рефлексии» [27]. Рефлексивный процесс исследователи относят к основному, а не дополнительному, элементам метода [28; 29]. Он способствует более глубокому пониманию социальных проблем и формированию социальной ответственности [30].

В российской науке обучение служением представляет собой относительно новый предмет исследования. Поиск по Российскому индексу научного цитирования даёт около сотни релевантных публикаций. Три четверти из них относятся к 2023–2024 гг., когда в России по поручению Президента Владимира Путина³ стартовала программа внедрения соответствующего модуля в образовательные программы университетов.

Подробный обзор российского научного ландшафта по теме «Обучение служением» приведён в статье В.С. Никольского [2]. Значительная часть российских работ представляют собой описание конкретных примеров внедрения «обучения служением» в университетах, выполненные в жанре кейс-стади. Так, Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова демонстрирует примеры внедрения подхода в подготовке специалистов по работе с молодёжью [31; 32] и рефлексировать опыт работы «юридической клиники» [33]. Амурский государственный университет делится опытом взаимодействия с НКО [34]. Вопросы интеграции социально значимых технологий в учебно-

воспитательный процесс образовательных организаций высшего образования рассматривают коллеги из Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого [35].

Особое значение имеют теоретические работы, описывающие общие принципы подхода «Обучение служением» [36], фиксирующие роль этого метода в формировании социальной ответственности и гражданственности, социальной солидарности [37], потенциал для формирования политики идентичности [38], связь с воспитательной работой [39], проводятся исследования зарубежного опыта [39; 40]. Одной из наиболее известных методических работ по исследуемой тематике является вышедшее в 2020 г. пособие под редакцией О.В. Решетникова, С.В. Тетерского [41].

Можно констатировать, что при общем росте внимания научно-образовательного сообщества к тематике обучения служением в последние два года российская исследовательская школа находится в процессе становления, а практика эмпирических исследований ещё не сложилась. Таким образом, мы ставим перед собой цель восполнить дефицит эмпирических данных о влиянии педагогического подхода «Обучение служением» на развитие гражданственности и личностное развитие студентов в российских условиях. Особая роль настоящей статьи представляется в том, чтобы дать толчок в развитии эмпирических исследований обучения служением в России.

Эмпирическая база и методы

Полевой этап исследования влияния педагогического подхода «Обучение служением» на развитие гражданственности и личностное развитие студентов был проведён в марте–апреле 2024 г. Он был реализован в форме онлайн-анкетирования студентов, имевших опыт участия в обучении служением.

³ См. Перечень поручений по итогам заседания Госсовета от 29 января 2023 г. Пр-173ГС, п. 8. URL: <http://kremlin.ru/acts/assignments/orders/70421> (дата обращения 01.08.2024).

ем ($n=597$ чел.). В генеральную совокупность вошли 135 вузов, участвующих в пилотной программе «Обучение служением». Выборочная совокупность – 18 вузов. Разведывательный характер исследования определил возможность использования стихийного отбора. Опрос был проведён с использованием онлайн-сервиса Яндекс.Формы. Ссылка на анкету рассылалась ответственным за проведение опроса в вузе, которые распространяли её в своём университете среди студентов.

Анкета включала в себя блоки вопросов, нацеленные на выявление установок и готовности студентов к общественному служению (социальному и профессиональному). Анализ установок и готовности студентов к *социальному служению* был осуществлён через набор таких показателей как социальная ответственность, помощь незнакомым людям и улучшение жизни в месте проживания, а к *профессиональному* – через оценку студентами их будущей профессии с точки зрения блага людей и решения общественных проблем. Кроме того, в анкете был представлен блок вопросов, ориентированный на изучение влияния участия студентов в педагогическом подходе «Обучение служением» на изменение их социальных и профессиональных характеристик.

Полученные количественные данные были обработаны в программе *Vortex 10.34.2*. Для статистического анализа информации были использованы частотный, корреляционный методы и метод кросстабуляции (сопряжения). Последние два метода применялись для изучения влияния на установки и готовность студентов к общественному служению таких социально-демографических характеристик студентов как пол, курс, уровень и направление подготовки, а также опыт участия в общественных организациях. В качестве значимых были приняты связи, которые имели асимптотическую значимость (2-стороннюю) $< 0,05$ (далее – значимость).

Бо льшая доля участников исследования – девушки (66,1%). Данная ситуация

сложилась вполне закономерно, поскольку новый подход реализуется на первом (пилотном) этапе преимущественно на образовательных программах гуманитарного и социально-экономического профиля. В ходе исследования примерно 90% респондентов отметили, что они обучаются на гуманитарных и социально-экономических направлениях подготовки. Чуть более половины студентов (51,9%) обучаются на бюджетной основе. Абсолютное большинство (более 90%) опрошенных – студенты 1–3 курсов бакалавриата или специалитета. Доля магистрантов не превышала 5,4%.

Говоря о структуре респондентов по месту проживания, отметим, что менее трети опрошенных (29,0%) до поступления в вуз проживали в мегаполисе и ещё 10% в очень крупных городах (от 500 тыс. до 1 млн чел.). Лишь каждый девятый опрошенный (11%) жил до поступления в вуз в посёлке или в селе. По субъективной оценке респондентами материального положения их семьи, около 2/3 опрошенных студентов относят себя к среднему слою (62,9%). Ещё чуть более четверти – к обеспеченным (29,7%). О тяжёлом материальном положении семьи сообщили 4,8% респондентов.

Результаты

Важным показателем готовности студентов к *социальному служению* выступает чувство ответственности за то, что происходит в их окружении, в частности в месте проживания. Результаты опроса показали, что высокий уровень ответственности студенты ощущают по отношению к тем социальным процессам и явлениям, которые происходят рядом с ними, «на короткой дистанции» – в доме, дворе, где они живут (*табл. 1*). Более 2/3 опрошенных (69%) отметили, что они чувствуют такую ответственность. Ситуация обусловлена тем, что у молодых людей имеются не только чёткие представления о том, как можно изменить ситуацию на локальном уровне, но и возможности предпринять собственные действия. Вместе с тем вполне по-

Таблица 1

Чувство ответственности студентов за то, что происходит в месте их проживания,
в % от числа ответивших

Table 1

Students' feeling of responsibility for what is happening in their place of residence,
% of the number of respondents

Территория проживания	Есть чувство ответственности	Нет чувства ответственности
Дом, двор	69,0	31,0
Населённый пункт (город, посёлок, село)	58,5	41,5
Страна	59,1	40,9

зитивным результатом опроса можно считать ответы студентов об ответственности за то, что происходит в том населённом пункте, где они проживают, и стране в целом. Данные результаты отличаются от ответов об ответственности за то, что происходит на локальном уровне, лишь на 10% (58,5% и 59,1% соответственно).

Корреляционный анализ показал отсутствие связей между оценкой студентами их социальной ответственности и их полом, курсом, уровнем обучения. Однако был зафиксирован интересный факт: направление подготовки студента не влияет на чувство его ответственности за происходящее в ближайшем окружении и в населённом пункте, но в некоторой степени определяет ответственность за происходящее в стране. Так, студенты социально-экономических и гуманитарных направлений чувствуют большую ответственность за то, что происходит в стране, чем студенты естественно-научных и инженерно-технических специальностей (61,1% против 45,2%)⁴. Схожие результаты были обнаружены при анализе влияния опыта участия студентов в деятельности общественных организаций. Как оказалось, такой опыт не влияет на чувство ответственности студентов на локальном уровне и уровне места проживания, но в некоторой степени от него зависит ответственность за события и процессы, происходящие в стране. Студенты с опытом участия в общественных органи-

зациях чувствуют большую ответственность за то, что происходит в стране, чем студенты, не имеющие такого опыта (64,8% против 51,9%)⁵.

Следующий показатель готовности студентов к социальному служению – отношение к практикам помощи окружающим. Результаты исследования показали, что готовность помогать родственникам и знакомым является безусловной установкой для абсолютного большинства (95,8%) опрошенных студентов. Что же касается незнакомых людей, то здесь ситуация несколько иная. Так помощь незнакомым людям выступает нормой человеческих отношений для 71,4% респондентов. Обратим внимание на группу студентов (6,2%), считающих, что не нужно помогать родственникам и знакомым, а также незнакомым людям, потому что такая помощь лишь поощряет их к иждивенчеству. Корреляционный анализ не выявил связей между социально-демографическими характеристиками студентов и их установками на помощь незнакомым людям. Однако хотелось бы отметить, что студенты естественно-научного направления подготовки несколько реже, чем студенты других направлений, говорили о том, что помощь незнакомым людям выступает для них нормой человеческих отношений (58,6% против 71,4% в целом по массиву).

Ещё одним показателем готовности студентов к социальному служению выступи-

⁴ Коэффициент Крамера 0,106; вероятность ошибки (значимость) 0,010.

⁵ Коэффициент Крамера 0,131; вероятность ошибки (значимость) 0,001.

Таблица 2

Выбор студентов способов улучшения жизни в населённом пункте, в котором они живут,
в % от числа ответивших

Table 2

Students' opinion on ways to improve life in the locality in which they live,
% of the number of respondents

Продолжение высказывания «Вы можете улучшить жизнь в населённом пункте, в котором живёте...	Скорее согласен	Скорее не согласен	Затруднились с ответом
участвуя в благотворительных и социальных акциях, организуемых в вузе	73,2	9,4	17,4
помогая некоммерческим организациям, занимающимся благотворительностью, социальными проектами	70,4	11,4	18,2
объединяясь на неформальной основе с единомышленниками	64,3	15,7	20,0
участвуя в социальных проектах органов власти	64,2	14,7	21,1
участвуя в благотворительных и социальных акциях, организуемых коммерческими организациями	64,2	12,7	23,1
участвуя в благотворительных и социальных акциях, организуемых государственными организациями	63,1	12,9	24,0
действуя индивидуально, опираясь на свои силы	28,0	53,2	18,8

ло желание улучшения жизни в населённом пункте, в котором они живут. Данные *таблицы 2* демонстрируют широкий спектр способов реализации такого стремления. Более 2/3 респондентов считают, что это можно сделать посредством участия в благотворительных и социальных акциях, организуемых в вузе (73,2%), и помощи НКО, занимающимся благотворительностью, социальными проектами (70,4%). Обратим внимание на то, что 64,3% студентов осознают важность кооперации, объединения усилий с единомышленниками для решения социальных проблем. Только 28% опрошенных чувствуют в себе силы действовать индивидуально.

Уровень подготовки (бакалавриат/магистратура) и курс обучения не влияют на выбор студентами способов улучшения жизни в населённом пункте, представленных в таблице 2. Однако оказалось, что к индивидуальным действиям в этом плане больше склонны молодые люди, нежели девушки (35% против 24,5%)⁶. Наибольшее влияние

на выбор способов улучшения жизни в населённом пункте, в котором они живут, оказывает направление подготовки студентов и наличие у них опыта участия в общественных объединениях (по четырём из семи пунктов). Правда следует оговориться, что связь эта весьма слабая⁷. Наиболее ярко различия проявляются по участию в социальных проектах органов власти. Студенты социо-гуманитарных направлений подготовки чаще, чем студенты естественнонаучных и инженерно-технических направлений говорили о возможности улучшить жизнь в своём населённом пункте посредством участия в социальных проектах органов власти (67% против 43,8%)⁸. То же самое можно сказать и о студентах, имеющих опыт участия в общественных организациях, по сравнению с теми, у кого его нет (71,1% и 56,9% соответственно)⁹.

Для выявления готовности студентов к *профессиональному служению* мы попросили респондентов выразить их мнение относительно нескольких высказываний о воз-

⁶ Коэффициент Крамера 0,111; вероятность ошибки (значимость) 0,025.

⁷ Значение коэффициента Крамера в пределах от 0,111 до 0,164.

⁸ Коэффициент Крамера 0,159; вероятность ошибки (значимость) 0,001.

⁹ Коэффициент Крамера 0,164; вероятность ошибки (значимость) 0,000.

Таблица 3

Отношение студентов к высказываниям о возможности профессии приносить пользу обществу,
в % от числа ответивших

Table 3

The attitude of students to statements about the possibility of a profession to benefit society,
% of the number of respondents

Высказывания о возможности профессии приносить пользу обществу	Скорее согласен	Скорее не согласен	Затруднились с ответом
Я знаю, как выбранная мной профессия может изменить жизнь людей к лучшему	70,5	9,9	19,6
Я стремлюсь понять, как моё образование и профессия могут помочь окружающим меня людям	70,4	12,7	16,9
Я уже сейчас могу применить знания, полученные в вузе, для решения общественных проблем	58,1	20,6	21,3
Я получаю высшее образование для себя и своей семьи, а не для помощи другим людям	42,5	31,8	25,7
Студенты только некоторых образовательных программ могут использовать свои знания для помощи окружающим людям	34,3	43,1	22,6

возможности их профессии приносить пользу обществу. Данные *таблицы 3* показывают, что примерно 2/3 опрошенных уже знают, как выбранная ими профессия может изменить жизнь людей к лучшему (70,5%), и стремятся понять, как получаемое ими образование и профессия могут помочь непосредственно окружающим их людям (70,4%). Более половины (58,1%) студентов считают, что уже сейчас могут применить знания, полученные в вузе, для решения общественных проблем. В то же время достаточно велика доля (42,5%) студентов, полагающих, что получают высшее образование для себя и своей семьи, а не для помощи другим людям. Кроме того, 34,3% опрошенных считают, что использовать профессиональные знания для помощи людям могут студенты не всех, а только некоторых образовательных программ.

Как показал корреляционный анализ, наибольшее влияние на формирование готовности студентов к профессиональному

служению оказывает опыт участия в общественных объединениях. Несмотря на то, что эта связь слабая¹⁰, она была выявлена по всем высказываниям, кроме последнего¹¹. Кроме того, была выявлена связь социально-демографических характеристик студентов с высказыванием о получении высшего образования для себя и своей семьи, а не для помощи другим людям. Чаще с данным высказыванием соглашались молодые люди, чем девушки (49,7% против 39%)¹². Выявлена прямая зависимость данного высказывания от курса и уровня образования: чем младше курс и ниже уровень образования (бакалавриат/магистратура), тем чаще студенты соглашались с высказыванием. Так, с ним оказались согласны 48,1% студентов 1 курса бакалавриата и специалитета, 30,0% студентов 4 курса бакалавриата и специалитета и только 16,7% студентов 1 курса магистратуры¹³. Кроме того, согласие с данным высказыванием чаще выражали студенты социогуманитарных направлений подготовки, чем

¹⁰ Значение коэффициента Крамера в пределах от 0,145 до 0,168.

¹¹ По высказыванию «студенты только некоторых образовательных программ могут использовать свои знания для помощи окружающим людям» связи выявлено не было.

¹² Коэффициент Крамера 0,106; вероятность ошибки (значимость) 0,034.

¹³ Коэффициент Крамера 0,175; вероятность ошибки (значимость) 0,000.

Таблица 4

Оценка студентами изменений их личных качеств в результате обучения служением,
в % от числа ответивших

Table 4

Students' assessment of changes in their personal qualities as a result of Service Learning,
% of the number of respondents

Личные качества	Получили развитие	Остались прежними	Затруднились с ответом
Навыки общения, убеждения и конструктивной коммуникации в команде	60,3	18,4	21,3
Способность к командной работе на благо граждан и их объединений	59,0	19,3	21,7
Способность применять знания на практике, использовать профессиональные компетенции при реализации общественно-значимых проектов	56,1	20,6	23,3
Умение анализировать социальные проблемы, выделять ключевые аспекты этих проблем и предлагать конструктивные решения	54,9	21,1	24,0
Способность осмысливать опыт реализации общественных проектов	54,1	21,4	24,5
Способность сочетать собственные интересы с общественными	50,9	25,5	23,6
Понимание значения будущей профессии для других людей	50,6	25,1	24,3
Способность брать на себя роль лидера – вдохновлять и направлять других, брать ответственность за принятие решений	48,9	27,3	23,8
Готовность принимать активное участие в общественных делах и решении общественных проблем	48,7	27,0	24,3
Чувство принадлежности к стране и её культуре	43,4	33,5	23,1
Чувство гражданской солидарности с другими людьми	41,9	34,0	24,1
Приверженность традиционным российским ценностям	37,5	38,5	24,0

естественнонаучных и инженерно-технических (44,7% против 27,4%)¹⁴.

Результаты исследования показали позитивное влияние педагогического подхода «Обучение служением» на формирование и/или развитие готовности студентов к общественному служению (социальному и профессиональному). Данные таблицы 4 демонстрируют развитие важных для этой деятельности личностных качеств студентов. Среди них: навыки общения, убеждения и конструктивной коммуникации в команде (60,3%), способность к командной работе на благо граждан и их объединений (59,0%); способность применять знания на практике, использовать профессиональные компетенции при реализации общественно-значимых

проектов (56,1%), умение анализировать социальные проблемы, выделять ключевые аспекты этих проблем и предлагать конструктивные решения (54,9%). Наименьшее развитие получило такое качество, как приверженность традиционным российским ценностям (37,5%). Вероятно, это связано с тем, что современная молодёжь недостаточно чётко представляет, что такое традиционные ценности и какова их специфика в текущих российских реалиях, в отличие, например, от общечеловеческих ценностей.

Корреляционный анализ показал отсутствие связей между социально-демографическими характеристиками студентов (пол, курсом, уровнем образования) и параметрами изменений личных качеств студен-

¹⁴ Коэффициент Крамера 0,119; вероятность ошибки (значимость) 0,015.

тов в процессе обучения служением. Однако можно говорить о слабой связи¹⁵ между процессом изменений личных качеств студентов в рамках обучения служением и направлением подготовки. Студенты социально-гуманитарных направлений подготовки чаще, чем представители естественнонаучных и инженерно-технических направлений, говорили о том, что по результатам участия в социальном проекте у них получили развитие все представленные в таблице 4 личные качества. Например, развитие способности применять знания на практике, использовать профессиональные компетенции при реализации общественно значимых проектов было отмечено 58% студентов социо-гуманитарных направлений подготовки и только 42,5% студентов естественнонаучных и инженерно-технических направлений.

Заключение

Проведённое исследование показало, что примерно 2/3 студентов, включившихся в практики обучения служением, в целом признают, что обладают установками на общественное служение – в формате как социальных, так и профессиональных практик. Наличие таких установок и знание возможностей их реализации в практической деятельности мы можем трактовать как готовность к общественному служению. Полученные данные свидетельствуют, во-первых, о субъективном измерении готовности к служению, поскольку отражают самооценки студентов их способностей, знаний, ценностных представлений, во-вторых – об актуальном опыте студентов, складывающемся в период обучения в вузе. В дальнейшем возможности воспроизводства полученных компетенций и ценностных установок на общественное служение могут быть детерминированы условиями поствузовской жизни. Установки на социальное и профессиональное служение могут быть поддержаны и усилены, например, благода-

ря практикам корпоративного волонтерства или специфике профессии, ориентированной на реализацию социальной миссии. Но они могут быть и ослаблены или разрушены, если условия жизни, особенно трудовой или профессиональной, не будут способствовать реализации полученного в вузе социального капитала.

С этой целью в рамках образовательного процесса студенты знакомятся и активно взаимодействуют с различными элементами экосистемы социального развития: платформой Добро.рф, местными и региональными центрами общественного развития «Добро.Центр», тематическими программами, социальными партнёрами из НКО и социально ответственного бизнеса.

Наше исследование показало различный уровень готовности к общественному служению студентов разных направлений подготовки. У студентов социо-гуманитарных специальностей он оказался выше. Тем самым было подтверждено предположение о том, что само содержание социально-гуманитарного образования обладает большим потенциалом для формирования готовности к общественному служению и, соответственно, требует меньших инвестиций или усилий для раскрытия потенциала обучения служением. Учитывая значительную долю студентов инженерно-технических и естественно-научных специальностей в российских вузах и её рост благодаря государственным инвестициями в эти направления подготовки, мы можем обратить внимание на необходимость и значимость организационной и педагогической работы по внедрению и развитию технологии «Обучение служением» в этом сегменте высшего образования. Очевидно, что здесь требуются специфические организационные подходы, качественная проработка подготовительных и рефлексивных мероприятий, возможно, разработка концептуальных основ профессионального служения в сфере негуманитарных профессий.

¹⁵ Коэффициент Крамера в пределах от 0,100 до 0,175.

Позитивное влияние педагогического подхода «Обучение служением» на развитие установок и готовности студентов к общественному служению (социальному и профессиональному) проявилось в развитии у них особых личностных качеств. Однако данные опроса показали, что лучшие результаты в этом плане были достигнуты студентами, которые имели довузовский опыт участия в деятельности общественных объединений. Следовательно, обучение служением можно рассматривать как логическое продолжение воспитательных и образовательных практик, развиваемых школой и системой СПО, а также различных практик социального участия, в которые молодёжь вовлекается вне системы образования. С целью формирования единого ценностного поля и готовности большинства поступающих в российские университеты абитуриентов участвовать в обучении служением, с сентября 2024 г. программа «Обучение служением» внедряется в 120 пилотных российских школах и 10 колледжей в формате вариативной дисциплины в объёме 34 часов среди 8–11 классов и студентов колледжей. По итогам пилотного внедрения в 2024–2025 гг. программа будет масштабирована на все уровни образования и образовательные организации в рамках реализации национального проекта «Молодёжь и дети».

Таким образом, благодаря регулярно-му, организованному характеру обучение служением способно интегрировать старый и новый опыт общественного служения у студентов, придать ему системность как на уровне сознания, так и на уровне поведения, а также нарастить новое качество в формате профессионального служения.

Литература

1. *Парма Р.В.* Гражданская активность поколений в современном российском обществе // Вестник Института социологии. 2022. Т. 13. № 2. С. 31–47. DOI: 10.19181/vis.2022.13.2.788
2. *Николюкский В.С.* Обучение служением в России: становление предметного поля // Высшее образование в России. 2023. Т. 32. № 12. С. 9–28. DOI: 10.31992/0869-3617-2023-32-12-9-28
3. *Ковров В.В., Беликова Н.Ю., Очирова Т.С.* Социальное служение как фундамент гражданского общества // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2023. № 5. С. 23–27. DOI: 10.23672/SAE.2023.43.77.001
4. *Костылева Т.А.* Категории социального служения и основные понятия, связанные с ним // Омский научный вестник. 2013. № 3. С. 89–92. EDN: RCONYJ.
5. *Маслакова А.В.* Философское осмысление социального служения: история и современность // НОМОТНЕТИКА: Философия. Социология. Право. 2022. Т. 47. № 2. С. 381–388. DOI: 10.52575/2712-746X-2022-47-2-381-388
6. *Калегина Ю.В.* Готовность выпускника вуза к социальному и профессиональному служению // Казанский педагогический журнал. 2023. № 1. С. 110–119. DOI: 10.51379/KPJ.2023.158.1.011
7. *Заякина Р.А.* Готовность российского студента к профессиональному служению: от действительного к желаемому // Высшее образование в России. 2024. Т. 33. № 2. С. 73–88. DOI: 10.31992/0869-3617-2024-33-2-73-88
8. *Зубанова С.Г.* Благотворительность и социальное служение женщин в дореволюционной России // Теория и практика общественного развития. 2015. № 17. С. 128–134. EDN: UIXBAR.
9. *Барыкина А.И.* Представления о понятии «служение» представителей различных профессиональных групп // Российский психологический журнал. 2020. Т. 17. № 3. С. 44–59. DOI: 10.21702/grj.2020.3.4
10. *Печегина Т., Яшина А.* «Обучение служением». Мировой тренд приходит в Россию // Позитивные изменения. 2023. Т. 3. № 3. С. 15–25. DOI: 10.55140/2782-5817-2023-3-3-15-25
11. Southern Regional Education Board, “Atlanta Service-Learning Conference Report” (1970) // Conference Proceedings, 10. 77 p. URL: <https://digitalcommons.unomaha.edu/cgi/viewcontent.cgi?referer=&httpsredir=1&article=1007&context=slceproceedings> (дата доступа: 12.08.2024).
12. *Hallinger P., Narong D.K.* A Bibliometric Review of Service Learning Research (1950–2022) // Journal of Experiential Education. 2024. Vol. 0. No. 0 (accepted). DOI: 10.1177/10538259241245137

13. *Culcasi I., Paz Fontana Venegas R.* Service-Learning and soft skills in higher education: a systematic literature review // *Form@re. Open Journal Per La Formazione in Rete*. 2023. Vol. 23. No. 2. P. 24–43. DOI: 10.36253/form-14639
14. *Narong D.K., Hallinger P.* The evolution of service learning in engineering education: a bibliometric review of research (1995–2023) // *European Journal of Engineering Education*. 2024. DOI: 10.1080/03043797.2024.2368148
15. *Yamamoto F.R., Barker L., Volda A.* CISing Up Service Learning: A Systematic Review of Service Learning Experiences in Computer and Information Science // *ACM Transactions on Computing Education*. 2023. Vol. 23. No. 3. Article no. 37. DOI: 10.1145/3610776
16. *Garwood J.D., Peltier C., Ciullo S., Wissinger D., McKenna J.W., Giangreco M.F., Kervick C.* The Experiences of Students with Disabilities Actually Doing Service Learning: A Systematic Review // *Journal of Experiential Education*. 2023. Vol. 46. No. 1. P. 5–31. DOI: 10.1177/10538259221109374
17. *Hong L., Wan Y., Yang W. et al.* Two Decades of Academic Service-Learning in Chinese Higher Education: A Review of Research Literature // *Applied Research Quality Life*. 2024. DOI: 10.1007/s11482-024-10318-9
18. *Arbieto Mamani O., Mendoza Vargas M.G., Pozo Enciso R.S. et al.* University social responsibility (USR) in the context of Peruvian society: A systematic review // *F1000Research*. 2023. No. 12. Article no. 1170. DOI: 10.12688/f1000research.138153.1
19. *Denby R.A.* The Impact of Service-Learning on Students' sense of Civic Responsibility. 2008. Digitized Theses. Article no. 4395. URL: <https://ir.lib.uwo.ca/digitizedtheses/4395> (дата обращения: 12.08.2024).
20. *Dharams S., Espinoza N., Cramer C., Amin M., Bainbridge L., Poole G.* Nurturing social responsibility through community service-learning: Lessons learned from a pilot project // *Medical Teacher*. 2010. Vol. 32. No. 11. P. 905–911. DOI: 10.3109/01421590903434169
21. *Trae S.* Honours service-learning & civic responsibility // *The International Journal of the First Year in Higher Education*. 2012. Vol. 3. No. 1. P. 49–60. DOI: 10.5204/intjfyhe.v3i1.99
22. *Coelho M., Menezes I.* University Social Responsibility, Service Learning, and Students' Personal, Professional, and Civic Education // *Frontiers in Psychology*. 2021. Vol. 12. Article no. 617300. DOI: 10.3389/fpsyg.2021.617300
23. *Salam M., Awang Iskandar D.N., Ibrahim D.H.A. et al.* Service learning in higher education: a systematic literature review // *Asia Pacific Education Review*. 2019. Vol. 20. P. 573–593. DOI: 10.1007/s12564-019-09580-6
24. *Bandi S.R., Joshi G., Shettar A., Kandakatta R.* A Systematic Literature Review on Faculty Learning in Service-Learning // 2023 IEEE Global Engineering Education Conference (EDUCON). Kuwait, 2023. P. 1–10. DOI: 10.1109/EDUCON54358.2023.10125223
25. *Compare C., Albanesi C.* Belief, attitude and critical understanding. A systematic review of social justice in Service Learning experiences // *Journal of Community and Applied Social Psychology*. 2023. Vol. 33. No. 2. P. 332–355. DOI: 10.1002/casp.2639
26. *Delaine D.A., Redick S., Radhakrishnan D., Shermadou A., Smith M.M. et al.* A systematic literature review of reciprocity in engineering service learning/community engagement // *Journal of Engineering Education*. 2023. P. 1–34. DOI: 10.1002/jee.20561
27. *Jacoby B.* Building Partnerships for Service-Learning. San Francisco: Jossey-Bass/John Wiley & Sons, 2003. 400 p. ISBN: 978-0-787-97122-9.
28. *Butin D.W.* Service-learning in theory and practice: The future of community engagement in higher education. New York: Palgrave MacMillan, 2010. 174 p. DOI: 10.1057/9780230106154
29. *Jacoby B.* Service-learning essentials: Questions, answers, and lessons learned. San Francisco, CA: Jossey-Bass, 2014. 352 p. ISBN: 978-1-118-62794-5.
30. *Eyler J.* Reflection: Linking service and learning-linking students and communities // *Journal of Social Issues*. 2002. Vol. 58. No. 3. P. 517–534. DOI: 10.1111/1540-4560.00274
31. *Палачева Ю.А.* Внедрение модуля «Обучение служением» в подготовку студентов направления «Организация работы с молодёжью» // *Актуальные проблемы совершенствования высшего образования: Тезисы докладов XVI Всероссийской научно-методической конференции (Ярославль, 28–29 марта 2024 г.)*. Ярославль: ООО «Филигрань», 2024. С. 455–457. EDN: CCESSN.
32. *Обвинникова Н.В.* Практика внедрения модуля «обучение служением»: опыт ЯрГУ // *Актуальные проблемы совершенствования*

- высшего образования : Тезисы докладов XVI Всероссийской научно-методической конференции (Ярославль, 28–29 марта 2024 г.). Ярославль: ООО «Филигрань», 2024. С. 438–441. EDN: GXAFXH.
33. Исаева Е.А., Иванчин А.В., Тарусина Н.Н. Обучение служением: пятилетний опыт преподавания // Актуальные проблемы совершенствования высшего образования: Тезисы докладов XVI Всероссийской научно-методической конференции (Ярославль, 28–29 марта 2024 г.). Ярославль: ООО «Филигрань», 2024. С. 189–192. EDN: CSFZBY.
 34. Полевая Н.М., Ситникова В.В. Реализация программы «Обучение служением»: анализ социальных заказов // Вестник Амурского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2024. № 104. С. 55–57. EDN: YBFVHT.
 35. Нам Т.А., Смирнов М.В. Социально значимые технологии в профессиональном образовании на примере «Обучение служением» // Вопросы методики преподавания в вузе. 2024. Т. 13. № 1. С. 99–115. DOI: 10.57769/2227-8591.12.1.07
 36. Суржиков М.А., Усенко А.М., Самыгин С.И. Курс «Обучение служением» как инновационная российская образовательная методика // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2023. Т. 16. № 2. С. 275–283. DOI: 10.17213/2075-2067-2023-2-275-283
 37. Самыгин С.И., Малущев Г.С., Шевченко А.М. Курс «Обучение служением» как механизм укрепления социальной солидарности и доверия в российском обществе // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2023. Т. 16. № 2. С. 266–274. DOI: 10.17213/2075-2067-2023-2-266-274
 38. Новикова П.А. Молодёжная политика идентичности: потенциал обучения служением в её формировании // Гуманитарный форум в Политехническом: Материалы II Всероссийской молодёжной научно-практической конференции: в 2 т. (Санкт-Петербург, 5–7 апреля 2023 г.). СПб.: Политех-Пресс, 2023. С. 422–429. EDN: HWCCLB.
 39. Земцов Д.И., Метелев А.П., Яшина А.В. Обучение служением: ключевые результаты исследования зарубежного опыта: Доклад к XXIV Ясинской (Апрельской) международной научной конференции по проблемам развития экономики и общества (Москва, 2023 г.). М.: НИУ ВШЭ, 2023. 24 с. ISBN: 978-5-7598-2788-7. EDN: QIPQVB.
 40. Галкина А.Д., Никольский В.С. «Воспитание чувства долга и ответственности перед обществом»: специфика подхода «Обучение служением» в Китае // Высшее образование в России. 2024. Т. 33. № 3. С. 141–161. DOI: 10.31992/0869-3617-2024-33-3-141-161
 41. Обучение служением: методическое пособие / Под ред. О.В. Решетникова, С.В. Тертерского. М.: АБЦ, 2020. 216 с. URL: https://www.minobrnauki.gov.ru/files/Metodicheskoe_posobie_Obuchenie_sluzheniem.pdf (дата обращения: 10.08.2024).

Поступила в редакцию 15.08.2024

Принята к публикации 19.09.2024

References

1. Parma, R.V. (2022). Civil Activity of Generations in Modern Russian Society. *Vestnik instituta sotziologii = Bulletin of the Institute of Sociology*. Vol. 13, no. 2, pp. 31–47, doi: 10.19181/vis.2022.13.2.788 (In Russ., abstract in Eng.).
2. Nikolskiy, V.S. (2023). Service Learning in Russia: Scoping Review. *Vysshee obrazovanie v Rossii = Higher Education in Russia*. Vol. 32, no. 12, pp. 9–28, doi: 10.31992/0869-3617-2023-32-12-9-28. (In Russ., abstract in Eng.).
3. Kovrov, V.V., Belikova, N.Yu., Ochirova, T.S. (2023). Service-learning as the Foundation of Civil Society. *Gumanitarnye, social'no-ekonomicheskie i obschestvennyye nauki = Humanities, Socio-economic and Social Sciences*. No. 5, pp. 23–27, doi: 10.23672/SAE.2023.43.77.001 (In Russ., abstract in Eng.).
4. Kostyleva, T.A. (2013). Categories of Social Service and Basic Concepts Related to It. *Omskij nauchnyy vestnik = Omsk Scientific Bulletin*. No. 3, pp. 89–92. Available at: https://elibrary.ru/download/elibrary_20315283_66314217.pdf (accessed: 03.08.2024). (In Russ.).

5. Maslakova, A.V. (2022). Philosophical Understanding of Social Service at the History and Present. *NOMOTHETIKA: Filosofiya. Sociologiya. Pravo = NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*. 2022. Vol. 47, no. 2. pp. 381-388, doi: 10.52575/2712-746X-2022-47-2-381-388 (In Russ., abstract in Eng.).
6. Kalegina, Yu. (2023). Readiness of a University-Graduate to Social and Professional Service. *Kazanskiy pedagogicheskiy zhurnal = Kazan Pedagogical Journal*. No. 1, pp. 110-119, doi: 10.51379/KPJ.2023.158.1.011 (In Russ., abstract in Eng.).
7. Zayakina, R.A. (2024). Russian Student Readiness for Professional Service: from Actual to Desired. *Vysshee obrazovanie v Rossii = Higher Education in Russia*. Vol. 33, no. 2, pp. 73-88, doi: 10.31992/0869-3617-2024-33-2-73-88 (In Russ., abstract in Eng.).
8. Zubanova, S.G. (2015). Female Charity and Social Service in the Pre-Revolutionary Russia. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya = Theory and Practice of Social Development*. No. 17. Available at: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_24168827_57618539.pdf. (accessed: 10.08.2024). (In Russ., abstract in Eng.).
9. Barykina, A.I. (2020). Ideas about Serving among Representatives of Various Professional Groups. *Rossiiskii psikhologicheskii zhurnal = Russian Psychological Journal*. Vol. 17, no. 3, pp. 44-59, doi: 10.21702/rpj.2020.3.4 (In Russ., abstract in Eng.).
10. Pechegina, T., Yashina, A. (2023). Service Learning: Global Trend Comes to Russia. *Pozitivnye izmeneniya = Positive Changes*. Vol. 3, no. 3, pp. 15-25, doi: 10.55140/2782-5817-2023-3-3-15-25 (In Russ., abstract in Eng.).
11. Southern Regional Education Board, "Atlanta Service-Learning Conference Report" (1970). Conference Proceedings. 10. 77 p. Available at: <https://digitalcommons.unomaha.edu/cgi/viewcontent.cgi?referer=&httpsredir=1&article=1007&context=slceproceedings> (accessed: 12.08.2024).
12. Hallinger, P., Narong, D.K. (2024). A Bibliometric Review of Service Learning Research, 1950–2022. *Journal of Experiential Education*. Vol. 0, no. 0 (accepted). April, doi: 10.1177/10538259241245137
13. Culcasi, I., Paz Fontana Venegas, R. (2023). Service-Learning and Soft Skills in Higher Education: A Systematic Literature Review. *Form@re – Open Journal Per La Formazione in Rete*. Vol. 23, no. 2, pp. 24-43, doi: 10.36253/form-14639
14. Narong, D.K., Hallinger, P. (2024). The Evolution of Service Learning in Engineering Education: A Bibliometric Review of Research (1995–2023). *European Journal of Engineering Education*. Pp. 1-22, doi: 10.1080/03043797.2024.2368148
15. Yamamoto, F.R., Barker, L., Volda, A. (2023). CIsing Up Service Learning: A Systematic Review of Service Learning Experiences in Computer and Information Science. *ACM Transactions on Computing Education*. Vol. 23, no. 3, article no. 37, pp. 1-56, doi: 10.1145/3610776
16. Garwood, J.D., Peltier, C., Ciullo, S., Wissinger, D., McKenna, J.W., Giangreco, M.F., Kervick, C. (2023). The Experiences of Students with Disabilities Actually Doing Service Learning: A Systematic Review. *Journal of Experiential Education*. Vol. 46, no. 1, pp. 5-31, doi: 10.1177/10538259221109374
17. Hong, L., Wan, Y., Yang, W. et al. (2024). Two Decades of Academic Service-Learning in Chinese Higher Education: A Review of Research Literature. *Applied Research Quality Life*, doi: 10.1007/s11482-024-10318-9
18. Arbieta Mamani, O., Mendoza Vargas, M.G., Pozo Enciso, R.S. et al. (2023). University Social Responsibility (USR) in the Context of Peruvian Society: A Systematic Review. *F1000Research*. No. 12, article no. 1170, doi: 10.12688/f1000research.138153.1
19. Denby, R.A. (2008). The Impact of Service-Learning on Students' sense of Civic Responsibility.

- Digitized Theses*. Article no. 4395. Available at: <https://ir.lib.uwo.ca/digitizedtheses/4395> (accessed: 12.08.2024).
20. Dharamsi, S., Espinoza, N., Cramer, C., Amin, M., Bainbridge, L., Poole, G. (2010). Nurturing Social Responsibility Through Community Service-Learning: Lessons Learned from a Pilot Project. *Medical Teacher*. Vol. 32, no. 11, pp. 905-911, doi: 10.3109/01421590903434169
 21. Trae, S. (2012). Honours Service-Learning & Civic Responsibility. *The International Journal of the First Year in Higher Education*. Vol. 3, no. 1, pp. 49-60, doi: 10.5204/intjfyhe.v3i1.99
 22. Coelho, M., Menezes, I. (2021). University Social Responsibility, Service Learning, and Students' Personal, Professional, and Civic Education. *Frontiers in Psychology*. Vol. 12, article no. 617300, doi: 10.3389/fpsyg.2021.617300
 23. Salam, M., Awang Iskandar, D.N., Ibrahim, D.H.A. et al. (2019). Service Learning in Higher Education: A Systematic Literature Review. *Asia Pacific Education Review*. Vol. 20, pp. 573-593, doi: 10.1007/s12564-019-09580-6
 24. Bandi, S.R., Joshi, G., Shettar, A., Kandakatla, R.A (2023). Systematic Literature Review on Faculty Learning in Service-Learning. *2023 IEEE Global Engineering Education Conference (EDUCON)*, Kuwait, pp. 1-10, doi: 10.1109/EDUCON54358.2023.10125223
 25. Compare, C., Albanesi, C. (2022). Belief, Attitude and Critical Understanding. A Systematic Review of Social Justice in Service-Learning Experiences. *Journal of Community and Applied Social Psychology*. Vol. 33, no. 2, pp. 332-355, doi: 10.1002/casp.2639
 26. Delaine, D.A., Redick, S., Radhakrishnan, D., Shermadou, A., Smith, M.M. et al. (2023). A Systematic Literature Review of Reciprocity in Engineering Service-Learning/Community Engagement. *Journal of Engineering Education*. Pp. 1-34, doi: 10.1002/jee.20561
 27. Jacoby, B. (2003). *Building Partnerships for Service-Learning*. San Francisco: Jossey-Bass/John Wiley & Sons. 400 p. ISBN: 978-0-787-97122-9.
 28. Butin, D. (2010). *Service-learning in Theory and Practice: The Future of Community Engagement in Higher Education*. Springer, doi:10.1057/9780230106154
 29. Jacoby, B. (2014). *Service-learning Essentials: Questions, Answers, and Lessons Learned*. John Wiley & Sons, 2014. ISBN: 978-1-118-62794-5.
 30. Eyler, J. (2002). Reflection: Linking Service and Learning-Linking Students and Communities. *Journal of Social Issues*. Vol. 58, no. 3, pp. 517-534, doi: 10.1111/1540-4560.00274
 31. Palacheva, J.A. (2014). The Introduction of the Module "Teaching by Ministry" in the Training of Students in the Direction of "Organization of Work with Youth". In: *Aktual'nye problemy sovershenstvovaniya vysshego obrazovaniya: Tezisy dokladov XVI Vserossijskoj nauchno-metodicheskoy konferencii, Yaroslavl'*, 28-29 March 2024, Yaroslavl', pp. 455-457. Available at: https://elibrary.ru/download/elibrary_65114579_36855752.pdf (accessed: 10.08.2024). (In Russ., abstract in Eng.).
 32. Ovchinnikova, N.V. (2024). The Practice of Implementing the Module "Learning by Service": the Experience of P.G. Demidov Yaroslavl State University. In: *Aktual'nye problemy sovershenstvovaniya vysshego obrazovaniya: Tezisy dokladov XVI Vserossijskoj nauchno-metodicheskoy konferencii, Yaroslavl'*, 28-29 March 2024, Yaroslavl', pp. 438-441. Available at: https://elibrary.ru/download/elibrary_65114568_60826547.pdf (accessed: 10.08.2024). (In Russ., abstract in Eng.).
 33. Isaeva, E.A., Ivanchin, A.V., Tarusina, N.N. (2024). Ministry Training: five years of teaching experience. In: *Aktual'nye problemy sovershenstvovaniya vysshego obrazovaniya: Tezisy dokladov XVI Vserossijskoj nauchno-metodicheskoy konferencii, Yaroslavl'*, 28-29 March 2024, Yaroslavl', pp. 189-192. Available at: https://elibrary.ru/download/elibrary_65114334_15168740.pdf (accessed: 10.08.2024). (In Russ., abstract in Eng.).

34. Polevaya, N.M., Sitnikova, V.V. (2024). Implementation of the Service-Learning Program: Analysis of Social Orders. *Vestnik Amurskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki* = *Bulletin of the Amur State University. Series: Humanities*. No. 104, pp. 55-57. Available at: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_63427724_47294137.pdf (accessed: 10.08.2024). (In Russ., abstract in Eng.).
35. Nam, T.A., Smirnov, M.V. (2024). Socially Significant Technologies in Professional Education With “Service Learning” Project as Example. *Voprosy metodiki prepodavaniya v vuze* = *Teaching Methodology in Higher Education*. Vol. 13, no. 1, pp. 99-115, doi: 10.57769/2227-8591.12.1.07 (In Russ., abstract in Eng.).
36. Surzhikov, M.A., Usenko, A.M., Samygin, S. (2023). The Course “Learning by Service” as an Innovative Russian Educational Methodology. *Vestnik Yuzhno-Rossijskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. Seriya: Social'no-ekonomicheskie nauki* = *Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences*. Vol. 16, no. 2, pp. 275-283, doi: 10.17213/2075-2067-2023-2-275-283 (In Russ., abstract in Eng.).
37. Samygin, S.I., Maluchiev, G.S., Shevchenko, A.M. (2023). The Course “Learning by Service” as a Mechanism for Strengthening Social Solidarity and Trust in Russian Society. *Vestnik Yuzhno-Rossijskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. Seriya: Social'no-ekonomicheskie nauki* = *Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences*. Vol. 16, no. 2, pp. 266-274, doi: 10.17213/2075-2067-2023-2-266-274 (In Russ., abstract in Eng.).
38. Novikova, P.A. Youth Identity Policy: The Potential of Service Learning in its Formation. In: *Gumanitarnyj forum v Politekhnicheskom: Materialy II Vserossijskoj molodezbnnoj nauchno-prakticheskoj konferencii*. V 2-h tomah, Sankt-Peterburg, 05–07 April 2023, pp. 422-429. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=54267412> (accessed: 10.08.2024). (In Russ.).
39. Zemtsov, D.I., Metelev, A.P., Yashina, A.V. (2023). Service-learning: Key Findings from a Study of Overseas Experiences. In: *Proc. of the XXIV Yasinsk (April) International Scientific Conference on Problems of Economic and Social Development*. Moscow: National Research University Higher School of Economics. 24 p. ISBN: 978-5-7598-2788-7. (In Russ.).
40. Galkina, A.D., Nikolsky, V.S. (2024). “Cultivating a Sense of Duty and Responsibility to Society”: The Specificity of the “Service-Learning” Approach in China. *Vysshee obrazovanie v Rossii* = *Higher Education in Russia*. Vol. 33, no. 3, pp. 141-161, doi: 10.31992/0869-3617-2024-33-3-141-161 (In Russ., abstract in Eng.).
41. Reshetnikova, O.V., Teterskiy, S.V. (Eds). (2020). *Obuchenie sluzheniem: Metodicheskoe posobie* [Service Learning: Handbook]. Moscow: AVC. 216 p. Available at: https://www.minobrnauki.gov.ru/files/Metodicheskoe_posobie_Obuchenie_sluzheniem.pdf (accessed: 10.08.2024). (In Russ.).

*The paper was submitted 15.08.2024
Accepted for publication 19.09.2024*

Гражданственность студенчества в рамках социально-ориентированного проектного обучения

Научная статья

DOI: 10.31992/0869-3617-2024-33-8-9-27-41

ПЕВНАЯ Мария Владимировна – д-р социол. наук, профессор, заведующий кафедрой социологии и технологий государственного и муниципального управления, ORCID: 0000-0003-3591-1181, m.v.pevnaya@urfu.ru

БОРОНИНА Людмила Николаевна – канд. философ. наук, доцент, доцент кафедры социологии и технологий государственного и муниципального управления, l.n.boronina@urfu.ru

ПОЧАТКОВА Екатерина Ивановна – магистрант кафедры социологии и технологий государственного и муниципального управления, pochatkova.ekaterina@gmail.com

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия

Адрес: 620002, г. Екатеринбург, ул. Мира, 19

***Аннотация.** Формирование гражданской ответственности студенческой молодёжи является одной из важных целей воспитательной и образовательной деятельности в российских университетах, где проектное обучение успешно интегрирует эти процессы. Институционализация программы «Обучение служением» в высшей школе актуализирует поиск методологических оснований и методических решений по оценке социальной эффективности и результативности реализации этого подхода в логике проектного обучения с учётом российской специфики. В статье анализируются данные полуформализованного опроса экспертов, представляющих 52 высших учебных заведения России из 32 городов всех федеральных округов РФ (выборка целевая, N=65, 2024). Исследование доказывает, что участие студентов российских вузов в социальных проектах, выполняемых в рамках проектного обучения, влияет на формирование их гражданской ответственности. Положительная оценка влияния участия студентов в социальных проектах на их гражданственность связана с убеждённостью экспертов в том, что проектное обучение формирует профессионализм и агентность учащейся молодёжи. Участие студентов в социально-ориентированной проектной деятельности связано не столько с институциональной средой проектного обучения в вузах, сколько с заинтересованностью и профессионализмом персонала, участвующего в организации и реализации студенческих проектов. Эффективность проектного обучения в формировании гражданской ответственности студентов выше в университетах, участвующих в пилотной программе «Обучение служением». Доказано, что реализация этого подхода в проектном обучении активизирует взаимодействие внешних заказчиков со студентами, тем самым сближая высшую школу и практическую сферу.*

Ключевые слова: проектное обучение, обучение служением, гражданственность, студенчество, социальная эффективность

Для цитирования: Певная М.В., Боронина Л.Н., Початкова Е.И. Гражданственность студенчества в рамках социально-ориентированного проектного обучения // Высшее образование в России. 2024. Т. 33. № 8-9. С. 27–41. DOI: 10.31992/0869-3617-2024-33-8-9-27-41

Students' Civic Consciousness in the Framework of Socially Oriented Project-Based Learning

Original article

DOI: 10.31992/0869-3617-2024-33-8-9-27-41

Maria V. PEVNAYA – Dr. Sci. (Sociology), Professor, Head of the Department of Sociology and Technologies of State and Municipal Administration, ORCID: 0000-0003-3591-1181, m.v.pevnaya@urfu.ru

Ludmila N. BORONINA – Cand. Sci. (Sociology), Associate Professor, Department of Sociology and Technologies of State and Municipal Administration, l.n.boronina@urfu.ru

Ekaterina I. POCHATKOVA – Student, Department of Sociology and Technologies of State and Municipal Administration, pochatkova.ekaterina@gmail.com

Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia
Address: 19, Mira st., Ekaterinburg, 620002, Russian Federation

Abstract. The development of student civic consciousness is an essential aim of upbringing and educational activities in Russian universities, where project-based learning successfully integrates these processes. The institutionalisation of the “Service Learning” programme in higher education actualises the search for methodological foundations and methodical solutions to assess the social effectiveness and efficiency of the implementation of this approach in the logic of project-based learning, considering the particularities of the Russian context. The article presents the findings of a semi-formalised survey of experts representing 52 higher education institutions across Russia, located in 32 cities across all federal districts of the Russian Federation (purposive sampling, N-65; 2024). The study provides evidence that the engagement of Russian university students in social projects conducted within the framework of project-based learning has an impact on the process of their civic consciousness formation. The evaluation of the influence of students' participation in social projects on their civic consciousness is connected to the conviction of experts that project-based learning cultivates the professionalism and agency of students. The extent to which students engage with socially oriented project activities is dependent less on the institutional context of project-based learning in higher education institutions and more on the interest and professionalism of the staff involved in the organisation and implementation of student projects. The effectiveness of project-based learning in developing students' citizenship is higher in universities participating in the pilot “Service Learning” programme. It has been proven that the implementation of this approach in project-based learning activates the interaction of external customers with students, thus bringing higher education and practical sphere closer together.

Keywords: project-based learning, service learning, civic consciousness, students, social effectiveness of project-service learning

Cite as: Pevnaya, M.V., Boronina, L.N., Pochatkova, E.I. (2024). Students' Civic Consciousness in the Framework of Socially Oriented Project-Based Learning. *Vysshee obrazovanie v Rossii = Higher Education in Russia*. Vol. 33, no. 8-9, pp. 27-41, doi: 10.31992/0869-3617-2024-33-8-9-27-41 (In Russ., abstract in Eng.).

Введение

Политическая повестка остро поставила вопрос о пересмотре подходов к организации воспитательной деятельности в российских вузах. В конце 2023 г. В.В. Путин публично заявил о том, что наша страна возвращается к российским педагогическим традициям. «Мы берём всё самое лучшее, чем гордилась и дореволюционная, и советская система образования, восстанавливаем воспитательную, ценностную составляющую в школах, вузах, техникумах и колледжах»¹. В июле 2022 г. в Федеральный закон «Об образовании в РФ» были внесены значимые правки по вопросам воспитания обучающихся. В соответствии с ними обозначено, что «воспитание – деятельность, направленная на развитие личности, создание условий для самоопределения и социализации обучающихся на основе социокультурных, духовно-нравственных ценностей и принятых в российском обществе правил и норм поведения в интересах человека, семьи, общества и государства»². Федеральным законодательством чётко определяется, что в процессе воспитания у молодёжи должно формироваться чувство патриотизма, гражданственности и уважения к памяти защитников Отечества и подвигам героев Отечества, закону и правопорядку, человеку труда и старшему поколению...³.

Запросы современного рынка труда на новую генерацию профессиональных кадров, обладающих высоким уровнем профессио-

нализма и гражданственности, стимулируют реформирование образовательного процесса, в рамках которого проектное обучение начинает играть значимую роль в интеграции образования и практической сферы. Примером успешной интеграции проектного обучения и воспитания является подход «Обучение служением» (*Service Learning*), легитимизация которого в зарубежных странах на всех уровнях образования прошла в конце XX века. Сегодня данный подход развивается в 110 странах, представляя собой успешную педагогическую практику [1–4], педагогическую систему, нацеленную на специфические образовательные результаты [5], социальную технологию [6] и междисциплинарную область исследований [7; 8]. Широко представлены международные исследовательские практики, направленные на оценку эффектов обучения служением в рамках проектного обучения [9]. Однако в зарубежной научной литературе обучение служением преимущественно анализируется как педагогический метод [10]. В нашей стране данный подход пока чаще рассматривается как инновационная методика обучения [11]. Российские исследователи концентрируются вокруг вопросов концептуализации обучения служением, выявления его педагогической специфики; существующих практик применения, в том числе с использованием доказательного подхода; ролевого поведения преподавателей вузов и взаимо-

¹ Путин заявил о возвращении РФ к лучшим традициям образования и воспитания // ТАСС. 27 декабря 2023 г. URL: <https://tass.ru/obschestvo/19639503?ysclid=lyjpmblu4e228928529> (дата обращения: 01.08.2024).

² Об образовании в РФ // Федер. закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 22.06.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 23.06.2024). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/b819c620a8c698de35861ad4c-9d9696ee0c3ee7a/ (дата обращения: 01.08.2024).

³ Законопроект № 960545-7. О внесении изменений в Федеральный закон «Об образовании в РФ» по вопросам воспитания обучающихся // Система обеспечения законодательной деятельности Государственной автоматизированной системы «Законотворчество». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/960545-7> (дата обращения: 01.08.2024).

действия с внешними партнёрами; влияния этого подхода на студенчество, в том числе на развитие его гражданственности [12].

В образовательных программах высшей школы реализация курса «Обучение служением» в статусе пилотного проекта в 2023/24 учебном году прошла в 133 российских университетах⁴. Цель данного курса заключалась в развитии профессиональных навыков и надпрофессиональных компетенций при решении важных социальных задач и проектов по заказу некоммерческих организаций (НКО), социальных предприятий, бизнеса, реализующего программы корпоративной социальной ответственности, государственных и муниципальных учреждений⁵. В отличие от традиционного студенческого волонтерства, осуществляемого за пределами образовательной деятельности, методика «Обучение служением» была интегрирована в учебные планы образовательных программ вузов, в том числе она сработала в рамках проектного обучения студентов.

По результатам заседания консорциума по развитию федеральной программы «Обучение служением» в рамках «Добро.Конференции-2024» принято решение о масштабировании данного проекта. Его участниками в 2024/25 учебном году станут ещё 374 университета. Включение федеральной программы «Обучение служением» в будущий национальный проект «Молодёжь и дети», его стремительное развитие в вузах страны обуславливает актуализацию исследовательских изысканий по оценке эффективности институционализации программы «Обучение служением» в высшей школе. Важным видится не только поиск методологических оснований, но и методических решений по оценке социальной эффективности и ре-

зультативности реализации подхода обучения служением в логике проектного обучения с учётом российской специфики.

В связи с этим возникает ряд исследовательских вопросов. Влияет ли участие студентов в социально-ориентированном проектном обучении на формирование их гражданственности? Формирует ли участие в социальных проектах агентность студентов в разрезе их профессионализма и гражданственности? Какова эффективность проектного обучения в формировании гражданственности студентов в университетах, участвующих в пилотной программе «Обучение служением», в сравнении с другими вузами?

Цель статьи заключается в определении потенциала социально-ориентированного проектного обучения в целом и пилотной программы «Обучение служением» в частности в формировании гражданственности российских студентов.

Гражданственность и её оценка у молодёжи

В зарубежных исследованиях гражданственность, следуя традициям Аристотеля, как правило, рассматривается в континууме осознания субъектами своих прав и обязанностей, формирования чувства принадлежности и привязанности к политическому сообществу (человечеству в глобальном смысле или гражданам конкретного государства – в национальном), его способности участвовать в политической и социально-экономической жизни общества [13]. В отечественной науке гражданственность интерпретируется как интегративное качество субъекта, включающее в себя осознание своей гражданской и социальной идентичности; прав, обязанностей и личной ответствен-

⁴ Доклад о реализации государственной политики в сфере высшего образования и соответствующего дополнительного профессионального образования // Министерство науки и высшего образования РФ. 2024. С. 92. URL: <http://static.government.ru/media/files/9FSaRZ2GJ7GRZc1hTICXDQAV9orIaXtI.pdf> (дата обращения: 01.08.2024).

⁵ «Обучение служением» в реализации третьей миссии университета // Сетевое издание «Национальная система квалификаций России». 2023. №. 5. URL: <https://journal.nark.ru/articles/kvalifikatsii-xxi-veka/obuchenie-sluzheniem-v-realizatsii-tretey-missii-universiteta/> (дата обращения: 01.08.2024).

ности за своё поведение; действенное отношение «к социальной реальности на основе свободного личного выбора, моральных убеждений и побуждений» [14]. Гражданственность трактуется как принадлежность к национальному государству, где категории «гражданство» (*citizenship*) и «участие граждан» (*citizens participation*), связываются чаще с категориями участия в жизни общества как «гражданская принадлежность» (*civil affiliation*), за которой стоит «гражданское участие» (*civil engagement*), «гражданская жизнь» (*civil life*) и «гражданский опыт» [15].

Гражданственность тесно связана с культурой гражданственности, которая, зарождающаяся в сознании индивида, выражается в конкретных действиях, связанных с социальным взаимодействием в разных сообществах. Тем самым интегрируется гражданское сознание и гражданская активность индивидов [16, с. 56], а гражданственность проявляется в единстве субъектных и деятельностных характеристик личности [17, с. 98]. Зарубежные исследователи, рассматривая гражданственность, часто соотносят высокий уровень гражданской культуры с активным политическим участием [13]. Для российского научного дискурса характерна интерпретация гражданской активности как гражданского участия – «способа самопроявления граждан и их объединений (формализованных и неформализованных) в разных сферах жизни общества – в социальной сфере, в политике, экономике, культуре, религии» [18, с. 6]. Последнее реализуется в практиках вертикального взаимодействия общества и власти, когда граждане непосредственно или опосредованно влияют на принятие органами власти решений, затрагивающих общественные интересы [19, с. 48], либо в репертуаре практик формальной или неформальной горизонтальной граждан-

ской активности для консолидации общественных объединений и отдельных индивидов с целью решения общественно-значимых проблем в местных сообществах [20].

Диагностика уровня гражданственности, его социологическое измерение в авторских зарубежных и отечественных исследованиях традиционно осуществляется комплексно, с учётом когнитивного (гражданское самосознание), аффективного (гражданские чувства) и конативного (гражданское участие) компонентов гражданственности социального субъекта [21–23]. Количественные оценки осуществляются посредством измерения индекса гражданственности на основе вычисления средневзвешенной каждого элемента гражданственности и их равного удельного веса [22].

Национальный контекст гражданственности студенческой молодёжи задаётся курсом государственной молодёжной политики, нацеленной не столько на повышение правовой и политической субъектности молодых россиян, сколько на выработку в молодёжной среде приоритета национально-государственной идентичности, а также воспитание у молодёжи чувства гордости за Отечество. Ключевой задачей в этом смысле является воспитание патриотично настроенной молодёжи с независимым мышлением, обладающей созидательным мировоззрением, профессиональными знаниями...⁶. Важно подчеркнуть, что для формирования гражданственности молодых россиян в системе образования создаются определённые условия. Планируемая к утверждению в 2024 г. Стратегия молодёжной политики РФ до 2030 г. выступит основой для проведения молодёжной политики и воспитательной работы в высшей школе, определяя в числе приоритетных два ключевых: развитие традиционных российских ценностно-смысловых и нравственных ориентиров,

⁶ Об утверждении Основ государственной молодёжной политики РФ на период до 2025 года // Распоряжение Правительства РФ от 29.11.2014 № 2403-р URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_171835/ (дата обращения: 01.08.2024).

гражданственности и патриотизма в молодой среде; профессиональное развитие молодёжи...⁷. В этом ключе формирование молодых профессионалов в высшей школе связывается с агентностью студентов – их проактивным поведением, привязанным к конкретному локальному контексту [24], выражающимся в способности действовать самостоятельно, умении мыслить на основании фундаментальных знаний о природе и обществе, а не только конкретных и узких компетенций, ценности творческого и сложного труда (креативности), ответственности за свои действия [25], в реализации их инновационного потенциала через лидерство и проектную командную работу [26].

Развитие гражданской ответственности реализуется посредством патриотического воспитания, волонтёрского участия и расширение вовлечённости молодёжи в деятельность различных молодёжных организаций, объединений и ассоциаций.

В контексте государственной молодёжной политики РФ оценка гражданской ответственности студенческой молодёжи в данном исследовании осуществлялась посредством двух групп показателей: гражданского самосознания и гражданского участия. В качестве индикаторов гражданского самосознания можно выделить: информированность студентов о существующих проблемах разных социальных групп; информированность студентов о молодёжных объединениях, НКО и благотворительных фондах, помогающих разным людям; понимание студентами механизмов взаимодействия с чиновниками и политиками. Индикаторами гражданской активности могут являться следующие практики гражданского участия: участие студентов в мероприятиях патриотической направленности; проявление студентами милосердия и оказание помощи нуждающимся в рамках волонтёрской деятельности.

Данные и метод исследования

В марте-апреле 2024 г. по полустандартизированной анкете было опрошено 65 экспертов, в том числе пять проректоров вузов, 10 руководителей институтов, структурных подразделений разного профиля, 20 руководителей и заместителей руководителей специализированных подразделений по проектному обучению (офисов, департаментов, управлений). Трое из четверых экспертов имеют научную степень – 15 человек являются докторами наук, 34 эксперта имеют степень кандидата наук. Вовлечённые в опрос эксперты по базовому образованию представляют разных отрасли. Каждый четвертый (16 человек) имеет социально-экономическое или гуманитарное (15 человек) образование, 25 экспертов обозначили своё основное образование как инженерно-техническое. Естественно-научное образование является базовым у семи экспертов, иное образование имеют двое человек.

В опросе приняли участие сотрудники, работающие в 52 высших учебных заведениях России из 32 городов, представляющие все федеральные округа РФ. Экспертные позиции отражают организацию проектного обучения в девяти национально-исследовательских университетах, в семи федеральных университетах, шести опорных, четырёх ведомственных и 23 учреждениях высшего образования, относящихся к категории «иные».

Практически двое из трёх экспертов (42 человека) имеют стаж работы в высшем образовании более 10 лет, 17 экспертов работают в вузах от 3 до 10 лет, у шести экспертов опыт работы в вузах составляет менее 3 лет. Привлечённых к исследованию экспертов характеризует высокий уровень компетентности в области управления проектным обучением: 56 человек проходили дополнительное обучение, повышение квалификации по данной тематике. Являются ответственными

⁷ Доклад о реализации государственной политики в сфере высшего образования и соответствующего дополнительного профессионального образования // Министерство науки и высшего образования РФ. 2024. С. 184. URL: <http://static.government.ru/media/files/9FSaRZ2GJ7GRZc1hTICXDQAV9orIaXtI.pdf> (дата обращения: 01.08.2024).

руководителями в своём университете за реализацию проектного обучения 15 экспертов, девять человек – ответственные лица за проектное обучение в институте/школе, ещё девять опрошенных координируют проектное обучение в своём институте, школе или на факультете, 15 экспертов – координаторы в рамках образовательной программы, группы программ, 30 человек имеют опыт кураторства отдельных проектов. Практически каждый второй (36 человек) идентифицирует себя как эксперта в области организации проектного обучения. Каждый третий из числа экспертов (22 человека) хорошо знаком с подходом «Обучение служением», так как эта программа реализуется в его университете.

Результаты исследования

Масштабность университетских практик реализации социальных проектов в рамках проектного обучения студентов измерялась вопросом о вовлечённости студентов в социальное проектирование. Большинство экспертов ответили, что студентами их университета реализуются социальные проекты. Среди опрошенных только два эксперта затруднились ответить на вопрос и ещё четыре – ответили отрицательно. Отсутствие широкой практики реализации социальных проектов у экспертов четырёх университетов (НГТУ (НЭТИ), ТюмГУ, УрФУ, УрГУПС) объясняется институциональными ограничениями – вовлечённость студентов в социально ориентированные проекты характерна только для отдельных структурных подразделений или образовательных программ, но не для университета в целом. Данные опроса показывают отсутствие влияния на оценки экспертов их субъектных характеристик (возраст, стаж, наличие учёной степени, роль в проектном обучении), что нивелирует какие-либо субъективные искажения в дальнейшей оценке экспертами эффективности социальных проектов и проектного обучения в целом.

По данным экспертного опроса, участие студентов российских вузов в социальных проектах, выполняемых в рамках проект-

ного обучения, влияет на формирование их гражданской ответственности. Оценка степени влияния участия студентов в социальных проектах на различные проявления их гражданской ответственности замерялась вопросом, в котором экспертам предлагалось дать ответы на вопрос по порядковой шкале от 0 (точно не влияет) до 1 балла (точно влияет). В итоге это позволяло рассчитать как частные, так и сводный индексы влияния (табл. 1).

Положительная модальность и значение сводного индекса в оценках экспертов (0,79) свидетельствует о высоком уровне влияния участия студентов в социальных проектах на формирование их гражданской ответственности. Сравнительный анализ значений частных индексов выявляет дифференцированный характер влияния проектной деятельности обучающихся на индикаторы гражданской ответственности как внутри каждой группы, так и на межгрупповые показатели. Самое высокое и сравнимое значение индексов обнаружено в формировании гражданского самосознания, замеряемого через информированность студентов о существующих проблемах разных социальных групп (0,86) и различных организациях, оказывающих помощь и поддержку социально незащищённым гражданам (0,84); а также гражданском участии – проявлении студентами милосердия и оказание помощи нуждающимся в рамках волонёрской деятельности (0,86). В меньшей степени социально-ориентированное проектное обучение в гражданском самосознании влияет на понимание студентами механизмов взаимодействия общества и власти (0,65); в гражданском поведении – на вовлечённость студенчества в патриотические мероприятия (0,75).

Исследование доказывает, что оценка влияния участия студентов в социальных проектах на их гражданственность связана с убеждёностью экспертов в том, что проектное обучение формирует профессионализм и агентность учащейся молодёжи. Конкретизация влияния социально-ориентированного проектного обучения на индикаторы гражданской ответственности студентов осуществ-

Таблица 1

Индексы влияния социально-ориентированного проектного обучения на формирование
гражданственности студентов российских вузов*

Table 1

Indices of the impact of socially oriented project-based learning on citizenship development
of Russian university students*

Индикаторы гражданственности		Значение индекса (от 0 до 1)
Гражданское самосознание	Информированность студентов о существующих проблемах разных социальных групп	0,86
	Информированность студентов о молодёжных объединениях, НКО и благотворительных фондах, помогающих разным людям	0,84
	Понимание студентами механизмов взаимодействия с чиновниками и политиками	0,65
Гражданское участие	Участие студентов в мероприятиях патриотической направленности	0,75
	Проявление студентами милосердия и оказание помощи нуждающимся в рамках волонёрской деятельности	0,86
Сводный индекс влияния		0,79

* Рассчитано на основании оценок экспертов / Calculated on the basis of experts' assessments

влялась посредством оценки влияния проектного обучения на развитие профессионализма студентов, стимулирование агентности в профессиональной сфере и формирование трансформирующей агентности как групп параметров эффективности проектного обучения в целом, на основе которых были рассчитаны индексы (представлены на стр. 35).

Для расчёта индексов были взяты оценки экспертов различных параметров эффективности проектного обучения по 10-балльной шкале (от 0 – минимальная до 10 – максимальная). Расчёт коэффициентов корреляции Пирсона позволил обнаружить связь на уровне значимости 0,01 и 0,05 между индексами влияния участия студентов в социальных проектах и его переменных на характеристики проявления гражданственности у учащейся молодёжи (табл. 2).

Выявлена статистически значимая связь между индексом влияния социальных проектов и оценкой экспертов формирования в проектах агентности студентов (0,366), связанным с их переходом в рамках проектной деятельности к форматам командной работы, формированием мягких навыков, развитием

активности для выработки нестандартных решений в решении социально-значимых проблем. Такой индикатор гражданственности как «проявление милосердия, оказание помощи нуждающимся в рамках волонёрской деятельности» обнаруживает значимую связь с индексами развития профессионализма (0,418), стимулирования агентности в профессиональной сфере (0,398), формирования трансформирующей агентности учащейся молодёжи (0,533). Влияние проектного обучения на поведенческую составляющую гражданственности студентов, которая проявляется в их волонёрской деятельности, очевидно. В целом результаты корреляционного анализа подтверждают оценки экспертов в отношении того, что участие студентов в социокультурных и социальных проектных инициативах в рамках проектного обучения развивает отдельные аспекты их гражданственности при одновременном формировании у них профессионализма и агентности.

По мнению экспертов, влияние участия студентов в социально-ориентированной проектной деятельности связано не столько с институциональной средой проектного

Повышение профессиональных знаний студентов в результате проектного обучения	Индекс развития профессионализма студентов
Расширение профессиональных умений и навыков студентов в результате проектного обучения	
Выявление лидерского потенциала студентов	Индекс стимулирования агентности в профессиональной сфере
Развитие у студентов креативности	
Стимулирование инициативности студентов	
Формирование у студентов навыков командной работы	
Формирование устойчивых студенческих коллективов, команд сообществ	
Переход студентов из пассивного обучения к активным действиям и взаимодействию	Индекс формирования агентности
Перевод активности студентов с освоения готовых знаний к созданию новых решений	
Изменение идеологии образования от трансляции знаний к передаче опыта	

Индексы эффективности проектного обучения

Indices of project-based learning effectiveness

Таблица 2

Корреляции индекса влияния участия студентов в социальных проектах и его переменных на гражданственность учащейся молодёжи

Table 2

Correlations of the index of impact of students' participation in social projects and its variables with the citizenship of students' youth

	Индекс влияния социальных проектов	Информированность студентов о существующих проблемах разных социальных групп	Информированность студентов о молодёжных объединениях, НКО и благотворительных фондах, помогающих разным людям	Понимание студентами механизмов взаимодействия с чиновниками и политиками	Участие студентов в мероприятиях патриотической направленности	Проявление милосердия и оказание помощи нуждающимся в рамках волонтерской деятельности
Формирование и развитие компетенций студентов в соответствии с образовательными стандартами (от 0 до 10)	0,296 [*]	0,216	0,280 [*]	0,307 [*]	0,184	0,426 ^{**}
Индекс развития профессионализма	0,284 [*]	0,151	0,194	0,341 ^{**}	0,178	0,418 ^{**}
Индекс стимулирования агентности в профессиональной сфере	0,299 [*]	-0,229	0,279 [*]	-0,217	0,285 [*]	0,398 ^{**}
Индекс формирования агентности	0,366 ^{**}	0,301 [*]	0,279 [*]	0,312 [*]	0,264 [*]	0,533 ^{**}

* корреляция значима на уровне 0,05 (двухсторонняя);

** корреляция значима на уровне 0,01 (двухсторонняя)

Таблица 3

Индексы формирования в проектном обучении гражданственности студентов как результат их участия в социальных проектах вузов, где реализовывалась/не реализовывалась пилотная программа «Обучение служением»*

Table 3

Indices of students' citizenship development in project-based learning as a result of their participation in social projects of universities where the pilot programme "Service Learning" was implemented/not implemented*

Индикаторы гражданственности	Реализуется ли в Вашем университете программа «Обучение служением»?	
	Да	Нет
Информированность студентов о существующих проблемах разных социальных групп	0,89	0,84
Информированность студентов о молодёжных объединениях, НКО и благотворительных фондах, помогающих разным людям	0,91	0,80
Понимание студентами механизмов взаимодействия с чиновниками и политиками	0,72	0,60
Участие студентов в мероприятиях патриотической направленности	0,76	0,74
Проявление студентами милосердия и оказание помощи нуждающимся в рамках волонёрской деятельности	0,91	0,82
Сводный индекс влияния	0,84	0,76

* Рассчитано на основании оценок экспертов / Calculated on the basis of experts' assessments

обучения в вузах, сколько с заинтересованностью и профессионализмом педагогических кадров, участвующих в организации и реализации проектного обучения. Оценка степени заинтересованности и профессионализма стейкхолдеров проектного обучения (в качестве которых в опросе рассматривались сотрудники проектного офиса; ответственное лицо факультета, департамента; заведующие кафедрами; руководители научных лабораторий и центров вуза; руководитель образовательной программы; кураторы, тьюторы, наставники студенческих проектов; преподаватели отдельных дисциплин и др.) осуществлялась на основе ответов экспертов на два идентичных анкетных вопроса: «Оцените степень заинтересованности/профессионализма персонала в организации проектного обучения в вашем вузе по шкале от 0 до 10 баллов, где 0 – минимальная, 10 – максимальная степень». В исследовании анализировалась взаимосвязь между экспертной оценкой заинтересованности персонала и оценкой экспертами индикаторов формирования гражданствен-

ности студентов, а также со сводным индексом влияния социальных проектов (коэфф. Пирсона – 0,363, знач. двухсторонняя на уровне 0,01). Чем выше эксперты оценивают заинтересованность персонала в проектном обучении, тем сильнее, с их точки зрения, влияние участия студентов в социальных проектах на их гражданственность. Больше всего эта зависимость выражена с экспертной оценкой проявления милосердия и оказания студентами помощи нуждающимся в рамках волонёрской деятельности (коэфф. Пирсона – 0,427, знач. двухсторонняя на уровне 0,01). Чем выше эксперты оценивают компетентность сотрудников, реализующих в их вузе проектное обучение, тем выше с их точки зрения и проявление в поведении студентов милосердия, вероятнее оказание ими помощи нуждающимся в рамках волонёрской деятельности (коэфф. Пирсона – 0,410, знач. двухсторонняя на уровне 0,01).

По данным исследования, эффективность проектного обучения в формировании гражданственности студентов в большей степени характерна для университетов,

участвующих в пилотной программе «Обучение служением». Оценка социальных эффектов проектного обучения как формирования различных аспектов гражданственности рассматривалась в двух группах экспертов (табл. 3).

В вузах, где реализуется подход «Обучение служением», эксперты выше оценивают эффективность реализации социальных проектов, выполняемых студентами в рамках проектного обучения. При этом выше как оценка отдельных индикаторов гражданственности учащейся молодёжи, так и сводный индекс влияния.

Данные экспертного опроса показали, что реализация подхода «Обучение служением» в проектном обучении активизирует взаимодействие внешних заказчиков со студентами. Выявлена корреляция между реализацией/не реализацией в вузе программы «Обучение служением» и оценкой экспертами вовлечённости внешних партнёров и заказчиков проектов во взаимодействие со студентами в процессе их проектного обучения (коэфф. Фишера – 0,405, знач. 0,001). Практически двое из трёх экспертов, в чьих вузах не реализовывался пилотный проект, отметили наличие проблемы активизации взаимодействия студентов и заказчиков проектов в рамках проектного обучения в их вузе. Чаще эта проблема отмечается, если внешними партнёрами в проектном обучении вуза являются предприятия и учреждения государственного сектора (коэфф. Фишера – 0,266, знач. 0,032).

Заключение

Социальный запрос на формирование нового поколения профессиональных кадров обусловил актуальность исследовательских практик, предметным полем которых является изучение потенциала агентности студенческой молодёжи в профессиональной социализации и гражданском участии, а также оценка эффективности формирующих их институциональных практик. Проведённое исследование показывает, что проектное об-

учение развивает профессионализм и агентность студентов, выполняет значимую роль в интеграции профессиональной подготовки и воспитания гражданственности студенческого молодёжи. По оценкам экспертного сообщества, социальная эффективность проектного обучения в формировании гражданственности студентов в большей степени характерна для вузов, в которых программа «Обучение служением» интегрирована в проектное обучение. Данный подход сближает высшее образование и практическую сферу через активизацию взаимодействия партнёров и заказчиков проектов со студентами в процессе реализации ими социальных проектов. Значимым фактором формирования профессионализма и гражданственности студенчества является заинтересованность и компетентность субъектов организации и сопровождения проектного обучения в университетах.

Литература

1. Burch G.F., Giambatista R., Batchelor J.H., Burch J.J., Hoover J.D., Heller N.A. A meta-analysis of the relationship between experiential learning and learning outcomes // *Decision Sciences Journal of Innovative Education*. 2019. Vol. 17. No. 3. P. 239–273. DOI: 10.1111/dsji.12188
2. Aramburuzabala P., Vargas-Moniz M.J., Opatzo H., McIlrath L., Stark W. Considerations for service learning in European higher education // *Embedding service learning in European higher education*. London: Routledge, 2019. P. 230–242. ISBN: 9781315109053. DOI: 10.4324/9781315109053
3. Research on Student Civic Outcomes in Service Learning: Conceptual Frameworks and Methods: ed. by Hatcher J.A., Bringle R.G., Hahn T.W. New York: Routledge, 2017. 392 pp. ISBN: 9781003446774. DOI: 10.4324/9781003446774
4. Chan S.C.F., Ngai G., Kwan K. Mandatory service learning at university: Do less-inclined students learn from it? // *Active Learning in Higher Education*. 2019. Vol. 20. No. 3. P. 189–202. DOI: 10.1177/1469787417742019
5. Земцов Д.И., Метелев А.П., Яшина А.В., Куриенко А.С., Груздев И.А., Дмитриева А.С.,

- Старцев С.В. Обучение служением: ключевые результаты исследования зарубежного опыта: Доклад к XXIV Ясинской (Апрельской) международной научной конференции по проблемам развития экономики и общества, Москва, 2023. М.: Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 2023. 24 с. ISBN: 9785759827887. EDN: QIPQVB.
6. Кулькова В.Ю., Кулькова П.С., Хаертдинова Л.А. Реализация технологии «обучение служением» в проектах для сферы здравоохранения в достижении целей устойчивого развития // Современные проблемы науки и образования. 2023. № 4. DOI: 10.17513/spno.32796
 7. Shek D.T.L., Ma C.M.S., Yang Z. Transformation and development of university students through service-learning: A corporate-community-university partnership initiative in Hong Kong (Project WeCan) // Applied Research in Quality of Life. 2020. Vol. 15. No. 5. P. 1375–1393. DOI: 10.1007/s11482-019-09738-9
 8. Narong D.K., Hallinger P.A. keyword co-occurrence analysis of research on service learning: Conceptual foci and emerging research trends // Education Sciences. 2023. Vol. 13. No. 4. Article no. 339. DOI: 10.3390/educsci13040339
 9. Research on service learning: Conceptual frameworks and assessment: ed. by Clayton P.H., Bringle R.G., Hatcher J.A. New York: Routledge, 2012. 350 pp. ISBN: 9781003446767. DOI: 10.4324/9781003446767
 10. Hallinger P., Narong D.K. A Bibliometric Review of Service Learning Research, 1950–2022 // Journal of Experiential Education. 2024. DOI: 10.1177/10538259241245137
 11. Суржигов М.А., Усенко А.М., Самыгин С.И. Курс «Обучение служением» как инновационная российская образовательная методика // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2023. Т. 16. № 2. С. 275–283. DOI: 10.17213/2075-2067-2023-2-275-283
 12. Никольский В.С. Обучение служением в России: становление предметного поля // Высшее образование в России. 2023. Т. 32. № 12. С. 9–28. DOI: 10.31992/0869-3617–2023-32-12-9-28
 13. Bellamy R. Citizenship: A Very Short Introduction. Oxford: Oxford University Press, 2008. 153 pp. ISBN: 9780192802538.
 14. Никифоров Ю.Н., Скалина А.Н. О понятии «гражданственность» // Известия Алтайского государственного университета. 2007. Т. 12. № 4. С. 248–252. EDN: IJUDOP.
 15. Недяк И.А. Гражданственность в восприятии и установках россиян как фактор социальной (дез)интеграции // Власть. 2022. Т. 30. № 5. С. 111–117. DOI: 10.31171/vlast.v30i5.9246
 16. Гревцева Г.Я. Гражданственность и гражданская культура результат становления гражданского общества // Вестник Челябинского государственного университета. 2012. Т. 272. № 18. С. 55–57. EDN: PHVSMB.
 17. Гаврилюк В.В., Маленков В.В., Гаврилюк Т.В. Современные модели российской гражданственности // Социологические исследования. 2016. Т. 391. № 11. С. 97–106. EDN: WZJRYR.
 18. Петухов В.В. Гражданское участие в современной России: взаимодействие политических и социальных практик // Социологические исследования. 2019. № 12. С. 3–14. DOI: 10.31857/S013216250007743-0
 19. Никовская Л.И., Скалан И.А. Гражданское участие: особенности дискурса и тенденции реального развития // ПОЛИС. Политические исследования. 2017. № 6. С. 43–60. DOI: 10.17976/jpps/2017.06.04
 20. Уханова Ю.В. Коллективные практики и потенциал гражданского участия локального сообщества (социологическое исследование в российских регионах) // Проблемы развития территории. 2021. Т. 25. № 1. С. 88–107. DOI: 10.15838/ptd.2021.1.111.5
 21. Валеева Р.А., Королева Н.Е., Саханова Ф.Х. Диагностика сформированности гражданственности у студентов вуза // Современные проблемы науки и образования. 2013. № 6. С. 291–291. EDN: RVCSBF.
 22. Yani A.A., Hidayat A.R. What is the Citizenship Quality of Our Community? Measuring Active Citizenship // Public Administration Issue. 2018. No. 6. P. 119–133. DOI: 10.17323/1999-5431-2018-0-6-119-133
 23. Morais D.B., Ogden A.C. Initial development and validation of the global citizenship scale // Journal of studies in international education. 2011. Vol. 15. No. 5. P. 445–466. DOI: 10.1177/1028315310375308
 24. Сорокин П.С., Фрумин И.Д. Проблема «структура/действие» в XXI в.: изменения

в социальной реальности и выводы для исследовательской повестки // Социологические исследования. 2020. № 7. С. 27–36. DOI: 10.31857/S013216250009571-1

25. Аксенова О.В. Субъект социального действия в современном развитии России: агент, актор, никто // Вестник Института социологии. 2020. Т. 11. № 2. С. 37–53. DOI: 10.19181/viz.2020.11.2.640
26. Дидковская Я.В., Вишневский Ю.Р., Лугин Д.А. Инновационный потенциал молодежи: мотивация участия и барьеры реализации молодёжных стартапов // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социаль-

но-экономические науки. 2021. № 1. С. 8–20. DOI: 10.15593/2224-9354/2021.1.1

Благодарности. Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ в рамках научного проекта № 24-28-01482 «Проектное обучение в развитии профессионализма и гражданской ответственности российского студенчества: управленческий контекст и формирование трансформирующей агентности», <https://rscf.ru/project/24-28-01482>

Статья поступила в редакцию 04.08.2024

Принята к публикации 03.09.2024

References

1. Burch, G.F., Giambatista, R., Batchelor, J.H., Burch, J.J., Hoover, J.D., Heller, N.A. (2019). A Meta-Analysis of the Relationship between Experiential Learning and Learning Outcomes. *Decision Sciences Journal of Innovative Education*. Vol. 17, no. 3, pp. 239–273, doi: 10.1111/dsji.12188
2. Aramburuzabala, P., Vargas-Moniz, M.J., Opazo, H., McIlrath, L., Stark, W. (2019). Considerations for Service Learning in European Higher Education. *Embedding Service Learning in European Higher Education*. London: Routledge. P. 230–242, doi: 10.4324/9781315109053
3. Hatcher, J.A., Bringle, R.G., Hahn, T.W. (eds.). (2017). *Research on Student Civic Outcomes in Service Learning: Conceptual Frameworks and Methods*. New York: Routledge, 392 p., doi: 10.4324/9781003446774
4. Chan, S.C.F., Ngai, G., Kwan, K. (2019). Mandatory Service Learning at University: Do Less-Inclined Students Learn from it? *Active Learning in Higher Education*. Vol. 20, no. 3, pp. 189–202, doi: 10.1177/1469787417742019
5. Zemtsov, D.I., Metelev, A.P., Yashina, A.V., Kirienko, L.S., Gruzdev, I.A., Dmitrieva, A.S., Startsev, S.V. (2023). *Obuchenie sluzheniem: klyuchevye rezul'taty issledovaniya zarubezhnogo opyta* [Service Learning: Key Results of the Study of Foreign Experience]. Report for Yasin (April) International Academic Conference on Economic and Social Development. Moscow: HSE, 2023. 24 p. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?edn=qipqvb> (accessed: 01.08.2024) (In Russ.).
6. Kul'kova, V.Yu., Kul'kova, P.S., Khaertdinova, L.A. (2023). The Implementation of “Service Learning” Technology in Healthcare Projects to Achieve Sustainable Development Goals. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya = Modern Problems of Science and Education*. No. 4, doi: 10.17513/spno.32796 (In Russ., abstract in Eng.).
7. Shek, D.T.L., Ma, C.M.S., Yang, Z. (2020). Transformation and Development of University Students through Service-Learning: A Corporate-Community-University Partnership Initiative in Hong Kong (Project WeCan). *Applied Research in Quality of Life*. Vol. 15, no. 5, pp. 1375–1393, doi: 10.1007/s11482-019-09738-9
8. Narong, D.K., Hallinger, P. (2023). A Keyword Co-occurrence Analysis of Research on Service Learning: Conceptual Foci and Emerging Research Trends. *Education Sciences*. Vol. 13, no. 4, article no. 339, doi: 10.3390/educsci13040339
9. Clayton, P.H., Bringle, R.G., Hatcher, J.A. (eds.). (2012). *Research on Service Learning: Conceptual Frameworks and Assessment*. New York: Routledge, 350 p., doi: 10.4324/9781003446767

10. Hallinger, P., Narong, D.K. (2024). A Bibliometric Review of Service Learning Research, 1950–2022. *Journal of Experiential Education*. Doi: 10.1177/10538259241245137
11. Surzhikov, M.A., Usenko, A.M., Samygin, S.I. (2023). The Course “Learning by Service” as an Innovative Russian Educational Methodology. *Vestnik Yuzhno-Rossiiskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta (NPI)*. Seriya: Sotsial’no-ekonomicheskie nauki [Bulletin of the South Russian State Technical University (NPI). Series: Socio-Economic Sciences]. Vol. 16, no. 2, pp. 275–283, doi: 10.17213/2075-2067-2023-2-275-283 (In Russ., abstract in Eng.).
12. Nikol’skii, V.S. (2023). Service Learning in Russia: Scoping Review. *Vysshee obrazovanie v Rossii = Higher Education in Russia*. Vol. 32, no. 12, pp. 9–28, doi: 10.31992/0869-3617–2023-32-12-9-28 (In Russ., abstract in Eng.).
13. Bellamy, R. (2008). *Citizenship: A Very Short Introduction*. Oxford: Oxford University Press, 153 p. ISBN: 9780192802538.
14. Nikiforov, Yu.N., Skalina, A.N. (2007). [On the Notion of “Citizenship”]. *Vestnik Bashkirskogo universiteta* [Bulletin of Bashkir University]. Vol. 12, no. 4, pp. 248–252. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=9951772> (accessed 01.08.2024). (In Russ.).
15. Nedyak, I.L. (2022). Civility in the Perception and Attitudes of Russians as a Factor of Societal (Dis)integration. *Vlast’ = The Power*. Vol. 30, no. 5, pp. 111–117, doi: 10.31171/vlast.v30i5.9246 (In Russ., abstract in Eng.).
16. Grevtseva, G.Ya. (2012). Civilization and Civil Culture – the Result of the Civil Society Formation. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University]. Vol. 272, no. 18, pp. 55–57. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=18180105> (accessed 01.08.2024). (In Russ., abstract in Eng.).
17. Gavriluk, V.V., Malenkov, V.V., Gavriluk, T.V. (2016). Contemporary Models of Russian Citizenship. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. Vol. 391, no. 11, pp. 97–106. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=27298499> (accessed 01.08.2024). (In Russ., abstract in Eng.).
18. Petukhov, V.V. (2019). Civic Participation: Interaction of Social and Political Practices. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 12, pp. 3–14, doi: 10.31857/S013216250007743-0 (In Russ., abstract in Eng.).
19. Nikovskaya, L.I., Skalaban, I.A. (2017). Civic Participation: Features of Discourse and Actual Trends of Development. *Polis. Politicheskie issledovaniya = Polis. Political Studies*. No. 6, pp. 43–60, doi: 10.17976/jpps/2017.06.04 (In Russ., abstract in Eng.).
20. Ukhanova, Yu.V. (2021). Collective Practices and Potential for Civic Participation of Local Community (Sociological Research in Russian Regions). *Problemy razvitiya territorii = Problems of Territory’s Development*. Vol. 25, no. 1, pp. 88–107, doi: 10.15838/ptd.2021.1.111.5 (In Russ., abstract in Eng.).
21. Valeeva, R.A., Koroleva, N.E., Sakhapova, F.Kh. (2013). Diagnosis of Students’ Civic Consciousness Level. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya = Modern Problems of Science and Education*. No. 6, pp. 291–291. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=21162724> (accessed 01.08.2024). (In Russ., abstract in Eng.).
22. Yani, A.A., Hidayat, A.R. (2018). What is the Citizenship Quality of Our Community? Measuring Active Citizenship. *Public Administration Issue*. No. 6, pp. 119–133, doi: 10.17323/1999-5431-2018-0-6-119-133
23. Morais, D.B., Ogden, A.C. (2011). Initial Development and Validation of the Global Citizenship Scale. *Journal of Studies in International Education*. Vol. 15, no. 5, pp. 445–466, doi: 10.1177/1028315310375308

24. Sorokin, P.S., Frumin, I.D. (2020). "Structure-Agency" Problem in the XXI Century: Social Development and Research Implications. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 7, pp. 27-36, doi: 10.31857/S013216250009571-1 (In Russ., abstract in Eng.).
25. Aksenova, O.V. (2020). The Subject of Social Action in Russia's Current Development: Actor, Agent, Nobody? *Vestnik Instituta sotsiologii = Bulletin of the Institute of Sociology*. Vol. 11, no. 2, pp. 37-53, doi: 10.19181/vis.2020.11.2.640 (In Russ., abstract in Eng.).
26. Didkovskaya, Ya.V., Vishnevskii, Yu.R., Lugin, D.A. (2021). Innovation Potential of Young People: Motivation to Make a Startup and Related Obstacles. *Vestnik Permskogo natsional'nogo issledovatel'skogo politekhnicheskogo universiteta. Sotsial'no-ekonomicheskie nauki = PN-RPU Sociology and Economics Bulletin*. No. 1, pp. 8-20, doi: 10.15593/2224-9354/2021.1.1 (In Russ., abstract in Eng.).

Acknowledgments. This work is supported by grant of the Russian Science Foundation, project No. № 24-28-01482 "Project-Based Learning in the development of professionalism and citizenship of Russian students: management context and creation of transforming agency", <https://rscf.ru/project/24-28-0148>

*The paper was submitted 04.08.2024
Accepted for publication 03.09.2024*

Science Index РИНЦ-2022

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ	10,544
ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ В РОССИИ	9,885
ВОПРОСЫ ФИЛОСОФИИ	9,837
ВОПРОСЫ ОБРАЗОВАНИЯ	9,060
ЭПИСТЕМОЛОГИЯ И ФИЛОСОФИЯ НАУКИ	8,028
ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ НАУКА И ОБРАЗОВАНИЕ	7,998
УНИВЕРСИТЕТСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ: ПРАКТИКА И АНАЛИЗ	6,586
ОБРАЗОВАНИЕ И НАУКА	6,319
ИНТЕГРАЦИЯ ОБРАЗОВАНИЯ	6,118
АЛМА МАТЕР (ВЕСТНИК ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ)	4,077
ПЕДАГОГИКА	3,295
ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ СЕГОДНЯ	3,229

УДК 316.4+378.1

Обучение служением в медицинском вузе: основные подходы к проектированию дисциплины

Научная статья

DOI: 10.31992/0869-3617-2024-33-8-9-42-62

Прохорова Мария Вячеславовна^{1,2} – канд. психол. наук, доцент, доцент кафедры психологии управления факультета социальных наук², SPIN-code: 4438-6499, ORCID ID: 0000-0001-9729-3812, personalgerente@mail.ru

Чепьюк Ольга Ростиславовна^{1,2} – д-р филос. наук, профессор¹, заведующий кафедрой управления и предпринимательства², SPIN-code: 9495-4202, ORCID: 0009-0005-2428-5578, chepyuiko@yandex.ru

Мазанова Анна Евгеньевна¹ – ассистент кафедры общей и клинической психологии¹, SPIN-code: 9273-8360, ORCID: 0000-0002-8969-1922, mazanova.a.e@mail.ru

Бряндинская Надежда Геннадьевна² – преподаватель², кафедра университетского менеджмента и инноваций в образовании², SPIN-code: 1906-4050, ORCID: 0009-0001-0855-410X, bng@iee.unn.ru

Немирова Светлана Владимировна¹ – канд. мед. наук, доцент, проректор по молодёжной политике и воспитательной деятельности, ORCID: 0000-0003-0142-6620, Researcher ID: E-5731-2019, nemirova_s@pimunn.net

¹ Приволжский исследовательский медицинский университет, г. Нижний Новгород, Россия
Адрес: 603005, г. Нижний Новгород, пл. Минина и Пожарского, д. 10/1

² Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия
Адрес: 603022, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, д. 23

***Аннотация.** В работе предлагается подход к проектированию дисциплины «Обучение служением» в медицинском вузе на основе развёрнутого социологического исследования, сравнительного обзора опыта других стран, а также результатов пилотирования в Приволжском исследовательском медицинском университете (г. Нижний Новгород). Цель данного исследования – разработать рекомендации по организационному сопровождению и наполнению дисциплины «Обучение служением» (предметные виды, целевые аудитории, форматы) с учётом выявленной мотивации студентов-медиков к реализации проектов с волонтёрской составляющей. Результаты показали, что студенты-медики демонстрируют особую мотивацию к участию в дисциплине, отличающуюся от студентов других специальностей (в исследовании контрольную выборку составили студенты*

социогуманитарных направлений подготовки): они делают акцент на развитие профессиональных навыков и улучшение медицинских знаний. Студенты-медики выбирают проекты, связанные с прямой клинической практикой и общественным здоровьем, что подчёркивает их заинтересованность в практическом применении знаний и социальную ответственность. Главная задача дисциплины – формирование гражданственности, социальной ответственности, нравственных ценностей – органично достигается в обучении студентов-медиков. С другой стороны, плотное расписание и жёсткая учебная дисциплина в медицинском вузе требует стабильности и определённости в образовательном процессе, что расходится с логикой проектной деятельности, которая отличается гибкостью и изменчивостью внешней среды. Поиск оптимальных организационных условий для ведения проектной деятельности в медицинском вузе может быть предметом дальнейших исследований по теме публикации.

Ключевые слова: обучение служением, медицинское волонтерство, социальное волонтерство, некоммерческие организации, медицинское образование.

Для цитирования: Прохорова М.В., Чепыук О.Р., Мазанова А.Е., Бряндинская Н.Г., Немирова С.В. Обучение служением в медицинском вузе: основные подходы к проектированию дисциплины // Высшее образование в России. 2024. Т. 33. № 8-9. С. 42–62. DOI: 10.31992/0869-3617-2024-33-8-9-42-62

Service Learning in Medical Education: Basic Approaches to Discipline Design

Original article

DOI: 10.31992/0869-3617-2024-33-8-9-42-62

Maria V. Prokhorova^{1,2} – Cand. Sci. (Psychology), Associate Professor, Associate Professor at the Department of Management Psychology of the Faculty of Social Sciences², SPIN-code: 4438-6499, ORCID ID: 0000-0001-9729-3812, personalgerente@mail.ru

Olga R. Chepyuk^{1,2} – Dr. Sci. (Philosophy), Professor¹, Head of the Department of Management and Entrepreneurship², SPIN-code: 9495-4202, ORCID: 0009-0005-2428-5578, chepyuko@yandex.ru

Anna E. Mazanova¹ – Assistant at the Department of General and Clinical Psychology¹, SPIN-code: 9273-8360, ORCID: 0000-0002-8969-1922, mazanova.a.e@mail.ru

Nadezhda G. Briandinskaya² – Lecturer at the Department of Management and Entrepreneurship, SPIN-code: 1906-4050, ORCID: 0009-0001-0855-410X, bng@iee.unn.ru

Svetlana V. Nemirova¹ – Cand. Sci. (Medical Science), Deputy Rector for Youth Policy and Extracurricular Activities, ORCID: 0000-0003-0142-6620, ResearcherID: E-5731-2019, nemirova_s@pimunn.net

¹ Volga Region Research Medical University of the Ministry of Health of the Russian Federation, Nizhny Novgorod, Russia.

Address: 603005, Nizhny Novgorod, Minin sq., 10/1.

² National Research Nizhny Novgorod State University named after. N.I. Lobachevsky, Nizhny Novgorod, Russia.

Address: 603022, Nizhny Novgorod, Gagarin Ave., 23

Abstracts. The paper proposes an approach to the design of the Service Learning discipline in a medical university, based on a detailed sociological study, a comparative review of the experiences of other countries, and the results of a pilot project at the Privolzhsky Research Medical University (Nizhny Novgorod). The aim of this study is to develop recommendations for the organisational support and content of Service Learning (subject types, target groups, formats), taking into account the medical students' identified motivation to undertake projects with a volunteering component. The results showed that medical students have a particular motivation to participate in the discipline that is different from that of students of other disciplines (in the study, the control sample consisted of students in the social sciences and humanities): they emphasise the development of professional skills and the improvement of medical knowledge. Medical students choose projects related to direct clinical practice and public health, emphasising their interest in the practical application of knowledge and social responsibility. The main task of the discipline – the formation of civicism, social responsibility, moral values – is organically achieved in the medical students training. On the other hand, the tight schedule and rigid academic discipline in medical university require stability and certainty in the educational process, which is at odds with the project activity logic, that is characterised by flexibility and changeability of the external environment. The search for optimal organisational conditions for the implementation of project activities in a medical university can be the subject of further research on the topic of the publication.

Keywords: service learning, medical volunteering, social volunteering, non-profit organisations, medical education

Cite as: Prokhorova, M.V., Chepyuk, O.R., Mazanova, A.E., Briandinskaia, N.G., Nemirova, S.V. (2024). Service Learning in Medical Education: Basic Approaches to Discipline Design. *Vysshee obrazovanie v Rossii = Higher Education in Russia*. Vol. 33, no. 8-9, pp. 42-62, doi: 10.31992/0869-3617-2024-33-8-9-42-62 (In Russ., abstract in Eng.).

Введение

Медицинские вузы представляют особую социокультурную и организационную среду для реализации дисциплины «Обучение служением»¹. Как правило, волонтерская деятельность в таких вузах органично переплетается с образовательными и внеучебными задачами: воспитание социальных навыков и ответственности будущего специалиста медицинской отрасли является частью его профессиональной ориентации [1, с. 314]. Гуманизм, милосердие, самоотверженность, бескорыстие и отзывчивость — это основные слагаемые биомедицинской этики: они являются формой профессиональной защиты личности врача и составляют набор принципов и норм поведения, которые помогают

врачу осуществлять свою деятельность на высоком профессиональном уровне. По отдельным оценкам доля профессионального (медицинского) направления в структуре волонтерской деятельности медицинского вуза может достигать 65% [2, с. 25]. В контексте задач развития медицинского образования дисциплина «Обучение служением» является логичным продолжением медицинского волонтерства: в мировой практике оно распространено как в формализованном, так и неформализованных вариантах. В медицинском вузе имеет место смешение феномена обучения служением как образовательного подхода и волонтерства: одно органично прорастает из другого. Волонтерство уже закрепилось как понятие за такими практи-

¹ Внедрение модуля «Обучение служением» стартовало в 126 вузах Российской Федерации в сентябре 2023 г. в ответ на Поручение Президента РФ. См. Перечень поручений по итогам заседания Госсовета от 29 января 2023 г. Пр-173ГС, п. 8 [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/acts/assignments/orders/70421> (дата обращения: 01.06.2024).

ками, и не так просто провести смысловую границу между ними.

Как правило, в структуре волонтерской деятельности студентов российских медицинских вузов преобладает (до 60%) профессиональное медико-социальное волонтерство (медицинская помощь, донорство, просвещение и т.п.), на втором месте – непрофессиональное, но содержащее медицинскую компоненту, событийное – 23%, экологическое, гражданско-правовое и медиа (виртуальное) [3, с. 140]. С учётом развитого опыта медицинского волонтерства в РФ и в мире внедрение дисциплины «Обучение служением» представляется весьма органичным. Таким образом одновременно решаются задачи раннего погружения студенческой молодёжи в профессию и происходит плавное вовлечение обучающихся в решение социальных проблем местных сообществ [4, с. 11]. В контексте медицинского образования требуют отдельного внимания методы, применяемые при реализации дисциплины, среди которых особое место должно быть отведено проектно-ориентированному обучению. Для российских медицинских вузов этот метод не является новым, однако к нему прибегают реже, чем в техническом, или педагогическом образовании [5, с. 108]. В психолого-педагогических исследованиях отмечается, что проектное обучение эффективно в медицинском вузе при определённых условиях: когда стоят задачи цифровой трансформации образования [6, с. 37; 7, с. 110], при решении образовательных задач, требующих проблемного творческого поиска [8, с. 120], при наличии педагогов с опытом проектной работы [9, с. 126], в последипломном или дополнительном профессиональном образовании [10, с. 48], в учебной практике [11]. В то же время признаётся, что социальное проектирование является одним из эффективных педагогических условий

для развития социальной ответственности будущих медиков [12, с. 64]. Китайские исследователи отмечали приемлемую эффективность проектных подходов даже в период пандемии COVID-19, когда была нивелирована контактная работа студентов с целевой аудиторией. Несмотря на это, дистантное проектирование позволило сформировать базовые проектные компетенции [13].

Зарубежными исследователями концептуально выделяются следующие отличия обучения служением (*service learning*) от классического медицинского образования [14, с. 10]:

- 1) ведущая роль практики и взаимного обучения;
- 2) работа с сообществами (группой), а не отдельными людьми (пациентами);
- 3) важная роль рефлексии;
- 4) вовлечение социальных заказчиков (сообществ) в дизайн образовательной программы.

В расширенном исследовании эффективности обучения служением в медицинских вузах [15, с. 119] отмечается, что, в первую очередь, оно влияет на развитие профессиональных компетенций студентов (60%), их «мягких» навыков (25%) и наконец на формирование гражданственности и социальной ответственности (15%). Дисциплина способствует развитию междисциплинарных, межпрофессиональных связей, критического мышления [16], в конечном итоге она позволяет развивать у студентов понимание таких абстрактных, но важных для профессии качеств, как сострадание и эмпатия [17]. В США закон о доступном медицинском обслуживании (2010 г.)² привёл к значительному росту интереса к обучению служением в медицинских вузах [15, с. 115]: благодаря этому подходу студенты-медики осваивали навыки работы в условиях неопределённости и постоянных изменений, которые сопровож-

² Закон о защите пациентов и доступном здравоохранении Obamacare (англ. Patient Protection and Affordable Care Act; сокращённое название Affordable Care Act, федеральный закон США, подписанный президентом США Бараком Обамой 23 марта 2010 г.

ждали медицинскую отрасль. В пандемию *COVID-19*, а также в периоды катастроф (взрыв на АЭС в японской Фукусиме, пожары в Австралии) отмечается всплеск исследовательского интереса к медицинскому волонтерству, в особенности, отмечается его непосредственное влияние на социальную ответственность и просоциальное поведение будущих медиков [18; 19; 20, с. 6].

Пилотная программа и эмпирическое исследование

Как правило, обучение служением в западных медицинских вузах внедряется в формате курса по выбору [15], хотя встречаются оригинальные формы – в виде экспедиции [21], в том числе зарубежной. В анализируемом кейсе (Приволжский исследовательский медицинский университет, г. Нижний Новгород³) дисциплина «Обучение служением», по решению методической комиссии, была внедрена в обязательном блоке на втором курсе направления подготовки «Лечебное дело» (специалитет, 72 акад. часа). В пилотной реализации (весенний семестр 2023/24 уч. года) приняло участие 389 студентов, 5 преподавателей (имеющих более чем 10-летний опыт вузовского проектного обучения), а также 18 социальных партнёров. Образовательный дизайн дисциплины (рис. 1) предполагал минимальную

теоретическую часть: основной акцент был сделан на работу с социальной проблемой, а также реализацию пилотного продукта для проверки проектных гипотез (*CisDev*, бережливый стартап). Цель освоения дисциплины была заявлена следующим образом: формирование у обучающихся компетенций социального проектирования в процессе решения профессиональных задач.

К задачам дисциплины отнесены: 1) изучение профессиональной сферы через инструменты проблематизации, социального проектирования и рефлексии; 2) разработка паспорта социально-ориентированного проекта, с учётом выявленной актуальной проблемы в социальной сфере; 3) воспитание социальной ответственности, гражданственности и патриотизма в процессе реализации проекта и рефлексии. Образовательный дизайн осуществлялся с учётом рекомендаций по внедрению модуля «Обучение служением» в российских вузах⁴, соответствующего ФГОС ВО по специальности «Лечебное дело»⁵, а также опыта зарубежных вузов при внедрении обучения служением в медицинское образование. В реализации дисциплины, включающей этапы проблематизации, проектирования, имплементации и рефлексии, принимали участие как преподаватели (аудиторная работа в форме тренингов), так и социальные заказчики (индивидуальные

³ Приволжский исследовательский медицинский университет. URL: <https://pimunn.ru> (свободный).

⁴ Гаега Сепулведа М.А. Обучение служением через проектно-прикладную деятельность. Методические рекомендации для университетов / АНО «Агентство социальных инвестиций и инноваций»; отв. ред. М.Ю. Славгородская. М.: Грифон, 2022. 90 с. Основы волонтерства для начинающих // Dobro.ru. URL: https://edu.dobro.ru/courses/28/?utm_source=dobroru&utm_medium=dobrotoedu&utm_campaign=recommendations (дата обращения: 01.02.2024).

Методические рекомендации по реализации модуля «Обучение служением» в образовательных организациях высшего образования Российской Федерации / В.С. Никольский, А.Н. Зленко, Т.В. Рябко и др.; рук. авт. кол. Д.И. Земцов; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2023. 86 с.

Обучение служением: Методическое пособие: под ред. О.В. Решетникова, С.В. Тетерского. М.: АВИЦ, 2020. 216 с.

⁵ Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования (ФГОС ВО) – специалитет по специальности 31.05.01 «Лечебное дело», утверждённый приказом Министерства науки и высшего образования Российской Федерации от 12 августа 2020 г. № 988.

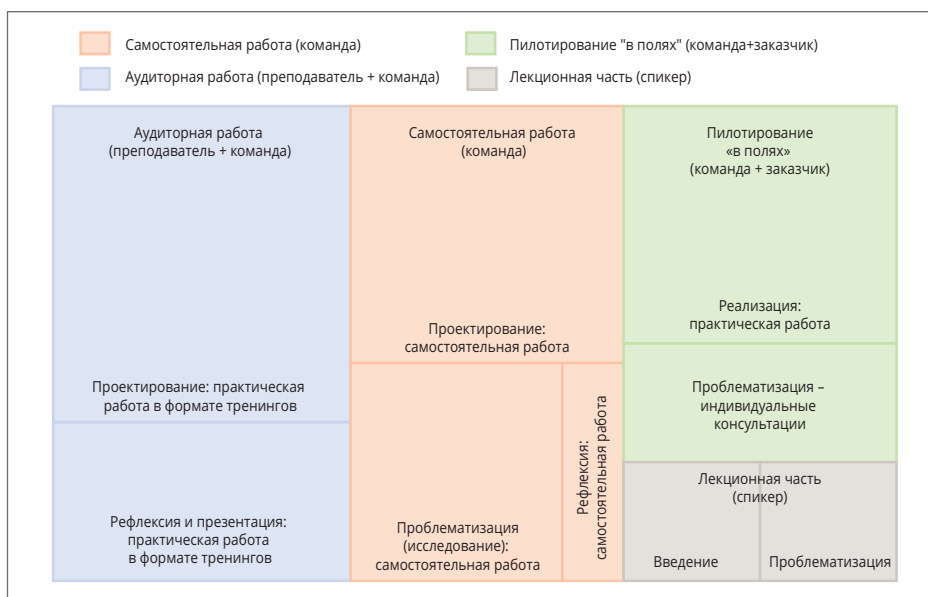

Рис. 1. Организационная структура дисциплины «Обучение служением» в ПИМУ в 2023/24 уч. г.

Fig. 1. Organizational structure of the Service Learning discipline at PIMU in the academic year 2023/24.

консультации). Лекционная часть включала исследовательский аппарат для оценки и выявления социальной проблемы. По итогам реализации дисциплины студентами были разработаны 89 проектов.

Для анализа результатов пилотного запуска дисциплины в медицинском вузе и его сопоставления с опытом реализации аналогичных программ было проведено эмпирическое исследование. Были поставлены следующие задачи: 1) установить иерархию студенческих предпочтений при разработке и реализации проектов; 2) выявить фактические результаты обучения и отношение студентов к этим результатам; 3) разработать рекомендации по совершенствованию дисциплины «Обучение служением» с учётом выявленных различий между намерениями и фактической деятельностью.

Дизайн исследования

Первую (экспериментальную) выборку исследования (n_1) составили 219 студен-

тов-второкурсников медицинского вуза, осваивающих лечебное дело, средний возраст которых равен 19,2 годам. Среди них 147 девушек (67,1%) и 72 (32,9%) юноши. Опыт волонёрской деятельности был у 48 студентов (21,9%). Все студенты прошли обучение по дисциплине «Обучение служением» в весеннем семестре 2023/24 учебного года. В качестве лидеров в проектной работе участвовали 54 студента (24,7%), остальные 165 студентов (75,3%) были членами команд. Вторую (контрольную) выборку исследования (n_2) составили 90 студентов-третьекурсников национального исследовательского университета⁶, изучающих социогуманитарные науки (на программах бакалавриата – конфликтологию (15 чел.), психологию (22 чел.), управление персоналом (5 чел.), на программах специалитета – клиническую психологию (29 чел.), психологию служебной деятельности (19 чел.). Их средний возраст составил 20,5 лет. Среди участников исследования 9 юношей (10%) и 81 (90%) девушка,

⁶ Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород. URL: <http://unn.ru> (режим доступа: свободный).

что отражает их реальное отношение среди студенческого контингента перечисленных направлений подготовки. Респонденты второй выборки дисциплину «Обучение служением» не проходили.

Для сбора данных, который проводился в апреле-мае 2024 г., использовались три метода: анализ документов, анализ продуктов деятельности, анкетирование. В качестве продуктов деятельности анализировались 89 проектных работ, выполненных 389 студентами медицинского вуза в ходе освоения дисциплины «Обучение служением». Анализ продуктов деятельности позволил классифицировать разработанные и реализованные проекты сразу по нескольким основаниям (виды и целевая аудитория волонтерского проекта, формат мероприятия, тип заказчика).

Анкета для обеих выборок включала следующие части: инструкция, общие сведения о респондентах, представление о волонтерстве в России, самооценка мотивировок и мотивов участия в проектах обучения служением (самооценка готовности участвовать в разных видах и работать с разными целевыми аудиториями). В базовом курсе по волонтерству платформы Dobro.ru – ведущего российского оператора добровольчества, на котором регистрируются проекты, реализуемые в рамках дисциплины «Обучение служением», мотивировки волонтерской деятельности условно разделены на материальные и нематериальные⁷. Важность каждой из них оценивалась по 5-балльной шкале (высокая, умеренно высокая, средняя, умеренно низкая, низкая).

Для выявления иерархии мотивов волонтерской деятельности студентов, которая становится основой студенческих проектов при освоении дисциплины «Обучение служением», была разработана анкета, в основу которой положено их деление на первич-

ные и вторичные, положительные и отрицательные. В классификации, предложенной М.В. Прохоровой, О.М. Овсянниковой [22] выделены 15 первичных положительных и 10 первичных отрицательных мотивов. Оценка согласия с каждым утверждением производится респондентом по семибальной шкале.

Готовность студентов заниматься проектом одного из 14 видов волонтерской деятельности (донорство, зооволонтерство, инклюзивное, культурное, медиа и виртуальное, медицинское, общественной безопасности, научно-исследовательское, патриотическое, событийное, социальное, спортивное, чрезвычайных ситуаций и катастроф) оценивалась по 5-балльной шкале (абсолютно готов; скорее готов, чем не готов; средняя готовность; скорее не готов; не готов). Аналогичная шкала применялась для оценки готовности студентов работать с 15 группами целевой аудитории: дети-сироты, воспитанники домов малютки, домов ребёнка и интернатов; взрослые и дети, находящиеся дома на специализированном уходе; взрослые с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ); дети с ОВЗ; животные, нуждающиеся в ветеринарной помощи и уходе; люди без определённого места жительства и бездомные; неизлечимо больные дети; неизлечимо больные взрослые; одинокие или маломобильные взрослые, нуждающиеся в бытовой помощи; пациенты лечебных и оздоровительных учреждений; пожилые (беспомощные) люди; пострадавшие в чрезвычайных ситуациях, катастрофах, терактах, военных конфликтах, нуждающиеся в психологической помощи; профессионально самоопределяющиеся школьники; сотрудники лечебных и оздоровительных учреждений; учёные, проводящие научные исследования и внедряющие инновации.

Количественная обработка производилась с помощью программы *Statisica 10.0*.

⁷ Основы волонтерства для начинающих // Dobro.ru. URL: https://edu.dobro.ru/courses/28/?utm_source=dobroru&utm_medium=dobrotoedu&utm_campaign=recommendations (дата обращения: 01.02.2024).

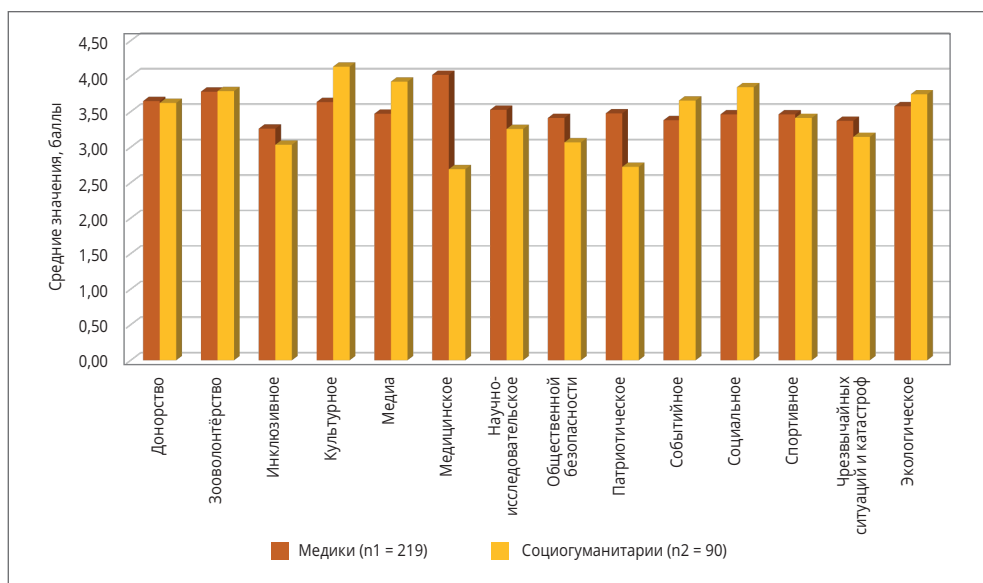

Рис. 2. Сравнительный анализ готовности студентов различных направлений подготовки участвовать в разных видах волонтерской деятельности.

Fig. 2. Comparative analysis of students' readiness to participate in different types of volunteering activities.

Для описания тенденций и наглядного представления результатов использовались методы дескриптивной статистики. При сравнении выборок осуществлялся непараметрический сравнительный анализ различий с применением критерия U Манн – Уитни для количественных шкал и χ^2 Пирсона для номинальных шкал. Для классификации данных применялся кластерный анализ, в ходе которого использовался метод полной связи.

Результаты и их обсуждение

Готовность студентов как медицинских, так и социогуманитарных направлений подготовки участвовать в разных видах волонтерской деятельности находится на уровне выше среднего (рис. 2): $M_{n1} = 3,534$ (медики); $M_{n2} = 3,431$ (социогуманитарии). Однако приоритетные позиции в выборах студентов различных профилей подготовки не совпадают. Студенты, осваивающие лечебное дело, отдают предпочтение медицинскому волонтерству, в то время как студенты соци-

огуманитарного профиля желают, прежде всего, участвовать в культурном волонтерстве.

К числу лидирующих выборов у студентов-медиков также относятся зооволонтерство и донорство, цели которых связаны со спасением жизней и здоровья: в первом случае – животных, во втором – людей. Что касается студентов-социогуманитариев, то их приоритеты отражают сначала общекультурные ценности, общий кругозор, нежели профессиональную идентичность. Социальное волонтерство, направленное на оказание помощи наименее защищенным слоям населения, входит в число лидирующих, но занимает только третью позицию, уступая культурному, а также смежному медийному волонтерству. Применение критерия Манн – Уитни подтверждает достоверно значимые различия между двумя выборками. Студенты-медики проявляют готовность участвовать в видах волонтерства, направленных на спасение жизни и здоровья, развитие своей страны (медицинское, патри-

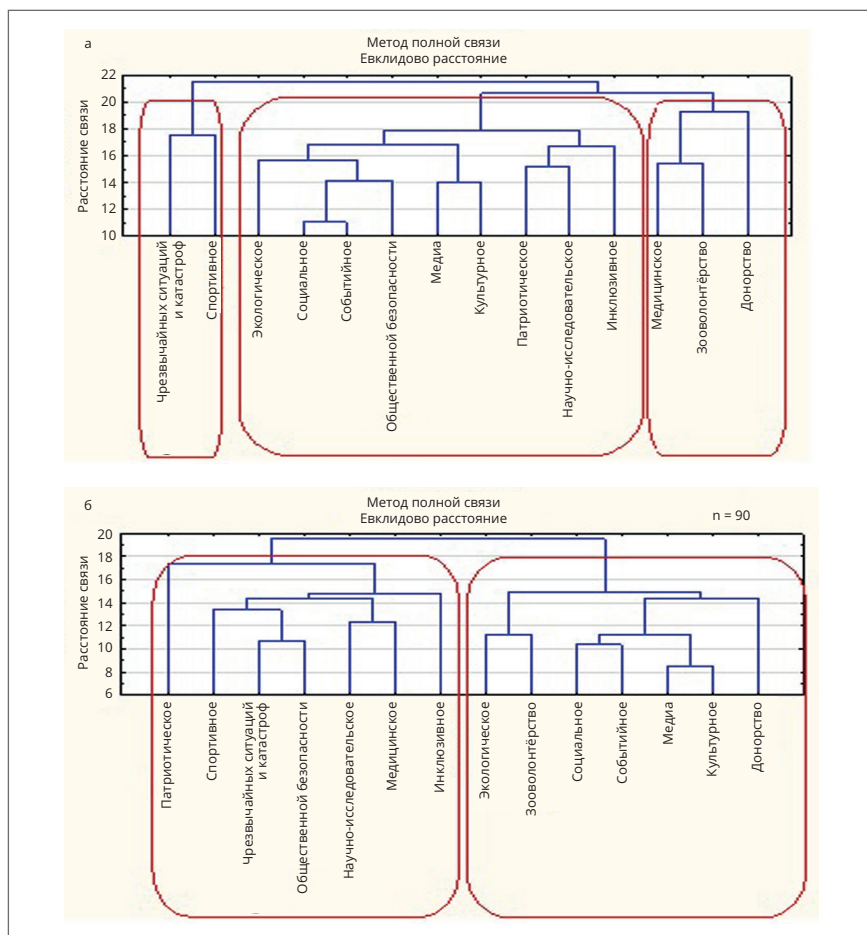

Рис. 3. Дендрограмма готовности участвовать в волонтерской деятельности студентов-медиков (а) и студентов-социогуманитариев (б)

Fig. 3. Dendrogram of readiness to participate in volunteering activities of medical students (a) and students of social sciences and humanities (b)

отическое, общественная безопасность), а социогуманитарии – стремятся участвовать в её общественной и культурной жизни (медийное, социальное, культурное).

Кластерный анализ на основе метода полной связи (рис. 3) помог выявить не только количественные, но и качественные (структурные) различия.

Студенты медицинских специальностей склонны рассматривать виды волонтерства через призму своей будущей профессии. Первый кластер, включающий виды волонтерства (медицинское, зоологическое,

донорство), в которых студенты-медики примут участие с наибольшей готовностью, условно можно обозначить как «спасение и забота о жизни и здоровье». Второй кластер, в который попали всего два вида (чрезвычайных ситуаций и катастроф), можно охарактеризовать как «спасение жизни и здоровья в экстремальных условиях» или «травма». Согласно используемой А.Е. Мазановой терминологии [3], первые два вида можно считать профессиональным или медико-социальным волонтерством. В третий кластер вошли девять видов немедицинско-

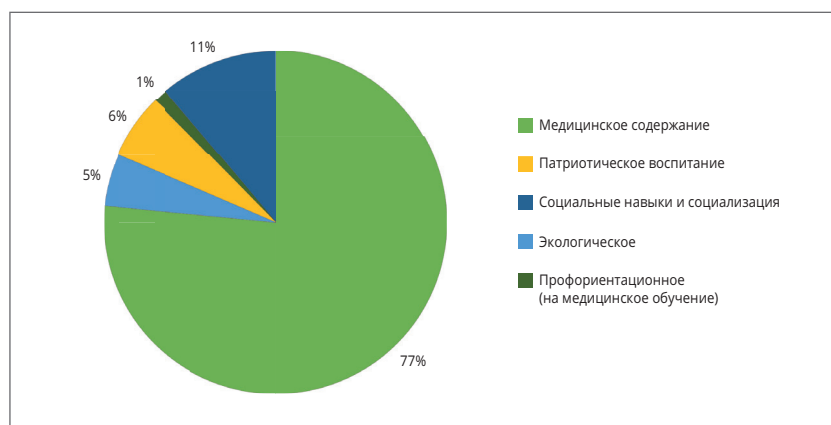

Рис. 4. Предметный анализ продуктов проектной деятельности в рамках дисциплины «Обучение служением» в ПИМУ (2023/24 уч. г.), 89 проектов, 389 студентов

Fig. 4. Thematic analysis of the project activities products within the Service Learning discipline at PIMU (academic year 2023/24), 89 projects, 389 students

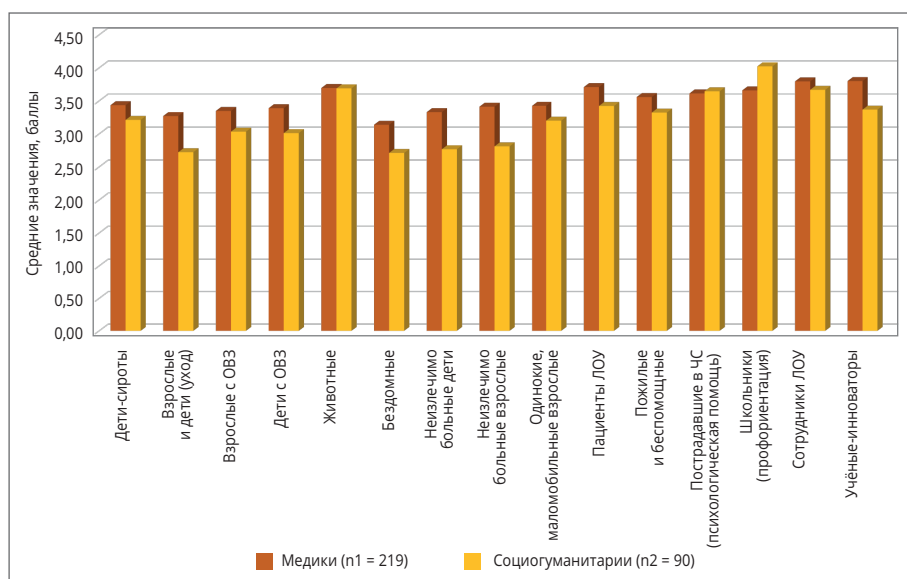

Рис. 5. Готовность студенческой молодёжи работать волонтерами с разной целевой аудиторией

Fig. 5. Students' willingness to volunteer with different target groups

го волонтерств» [там же], которым трудно дать иное обобщённое обозначение. Здесь представлены такие аспекты, как общество, культура, природа, Родина. Интересно отметить, что в один кластер у студентов-медиков вошли патриотическое, связанное с историей, прошлым нашей страны, и научно-исследовательское, направленное в будущее,

виды волонтерства. Общий смысл, который объединяет эти два вида проектов, отражает развитую гражданскую позицию.

Проведённый анализ результатов двух выборок по готовности участвовать в разных видах волонтерских проектов указывает на интеграцию профессиональных интересов в предпочтения студентов, что особенно

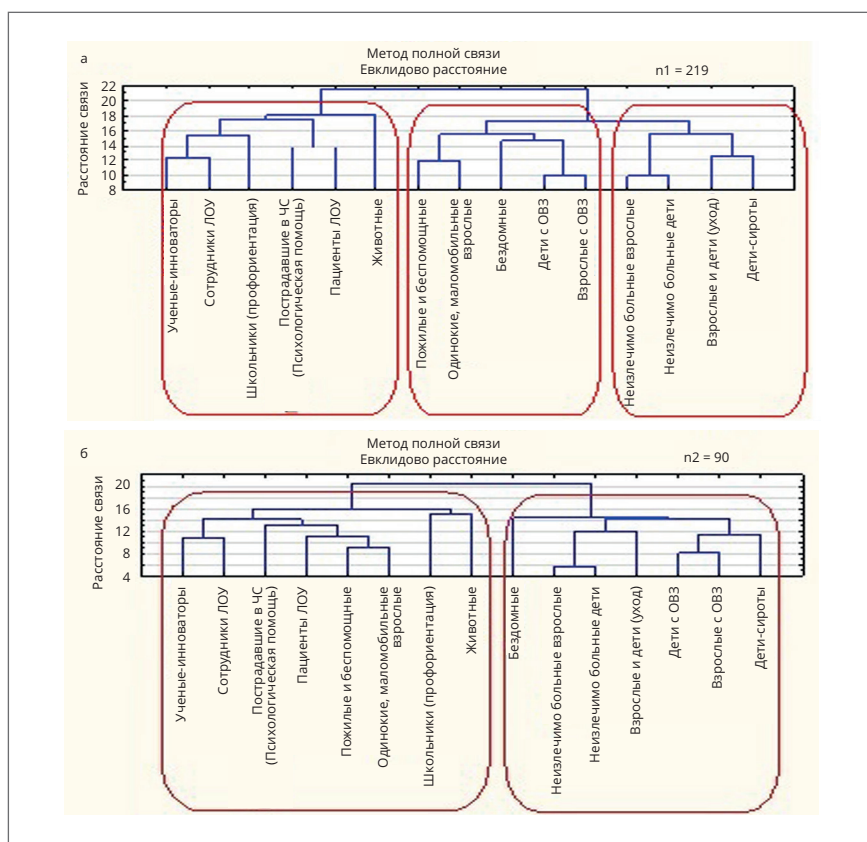

Рис. 6. Дендрограмма готовности студентов-медиков (а) и студентов-социогуманитариев (б) работать с разными группами целевой аудитории.

Fig. 6. Dendrogram of the willingness of medical students (a) and students of social sciences and humanities (b) to work with different target groups.

прослеживается в выборке медицинского вуза. Эту ориентацию следует учитывать при подготовке рабочей программы дисциплины «Обучение служением», подборе пула заказчиков, при генерации идей и разработке проектов при поддержке преподавателей-наставников. С одной стороны, это обеспечит более высокий уровень вовлечённости студентов, с другой – поможет адаптироваться к профессии, сформировать первичные профессиональные навыки и умения. Намерения студентов-медиков к предметной деятельности в сфере волонтерства сопоставимы с результатами их практической деятельности в рамках дисциплины «Обучение служением» (пилот ПИМУ 2023/24

учебного года): из 89 проектов подавляющее большинство проектов имело медицинское содержание (77%), либо были направлены на развитие социальных навыков у групп целевой аудитории (рис. 4).

Профессиональные интересы и предпочтения студентов нашли отражение и в их отношении к целевой аудитории, которая была разделена на 14 видов в эмпирическом исследовании (рис. 5) и была расширена, включив категорию самих студентов-медиков при анализе продуктов деятельности в рамках обучения служением в ПИМУ.

Общий уровень готовности сотрудничать с целевой аудиторией для обеих выборок оказался выше среднего: $M_{n1} = 3,50$ (медики);

$M_{n2}=3,24$ (социогуманитарии). Наибольшую готовность оказывать помощь студенты-медики проявили по отношению к своим коллегам: учёным, проводящим научные исследования и внедряющим инновации, а также к сотрудникам лечебных и оздоровительных учреждений. На третьем месте следуют нуждающиеся в уходе пациенты лечебных и оздоровительных учреждений. Ключевой целевой аудиторией для студентов социогуманитарных специальностей становятся профессионально самоопределяющиеся школьники. А вот на второе место среди приоритетной целевой аудитории занимают животные, нуждающиеся в ветеринарной помощи и уходе. Полученные при выборе этой целевой группы данные двух групп респондентов совпадают. Как студенты-медики, так и студенты-социогуманитарии выше среднего оценили свою готовность помогать нашим собратям (3,69), что, в свою очередь, отражает ценностные ориентации молодёжи [23].

Студенты-медики достоверно чаще социогуманитариев отдают предпочтение волонтерской работе с той целевой аудиторией, служить которой они будут, окончив вуз (критерий Манн – Уитни): взрослые и дети, находящиеся дома на специализированном уходе; дети с ограниченными возможностями; неизлечимо больные взрослые; неизлечимо больные дети. В свою очередь, вторая группа респондентов выбирает целевой аудиторией школьников.

При исследовании отношения студентов-медиков и студентов-социогуманитариев к работе с разными группами целевой аудитории были выявлены разные подструктуры на одном и том же шаге построения дендрограмм (рис. 6.). Студенты-медики более дифференцированно подходят к разделению

целевой аудитории. Временная или ситуационная помощь целевой аудитории, которая вошла в первый кластер, оказывается в специальных учреждениях в конкретных ситуациях. Во второй кластер попала целевая аудитория, которая нуждается в оказании на относительно постоянной основе продолжительной помощи, которая может включать реабилитационные мероприятия. В третий кластер студенты-медики объединяют людей, нуждающихся в условно постоянных по времени, заботе и уходе. Если первый кластер студенты-гуманитарии выделяют по примерно схожим основаниям, то второй кластер не дифференцируют.

Сопоставление результатов социологического исследования с анализом продуктов, полученных в рамках дисциплины «Обучение служением», выявило значительные расхождения между ожиданиями и фактом проектной деятельности (рис. 7).

Подавляющее большинство проектов (из 89) было выполнено для целевой аудитории школьников (61%) (см. рис. 7). При этом половина проектов (51%) представляло собой просветительские акции, направленные на профилактику здорового образа жизни, предупреждение разрушительного для здоровья поведения обучающихся. Только 5% проектов были организованы для сотрудников лечебных учреждений, которые выделились как приоритетная целевая аудитория в ходе социологического исследования, 9% проектов были реализованы в интересах студенческой молодёжи. Следует отметить, что такое расхождение, прежде всего, связано с особенностями организации допуска студентов-медиков к фактической профессиональной деятельности⁸. Возможность работать с целевой аудиторией реализуется через пул

⁸ См. приказ Министерства здравоохранения Российской Федерации № 715н от 01 ноября 2022 г. «Об утверждении порядка допуска лиц, не завершивших освоение образовательных программ высшего медицинского или высшего фармацевтического образования в российских, или иностранных организациях, осуществляющих образовательную деятельность, к осуществлению медицинской деятельности или фармацевтической деятельности на должностях специалистов со средним медицинским или средним фармацевтическим образованием».

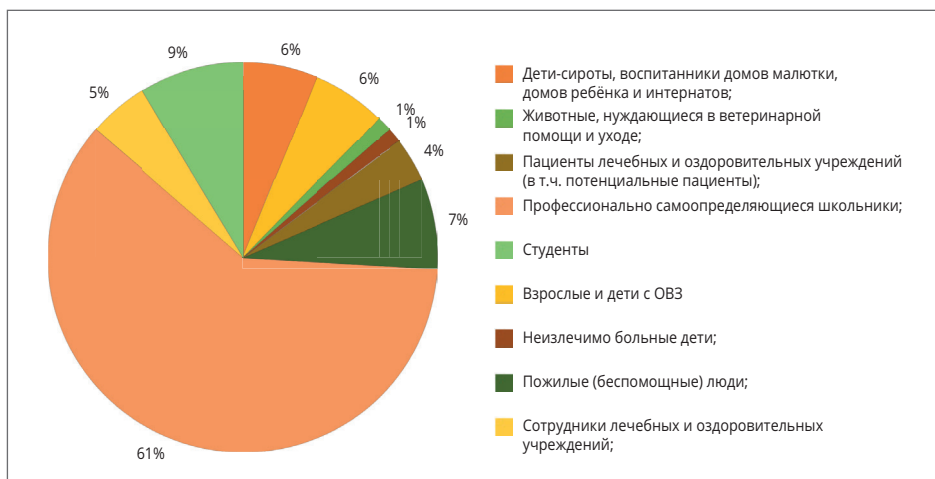

Рис. 7. Структурный анализ продуктов проектной деятельности в рамках дисциплины обучение служением в ПИМУ (2023/24 уч. г.), 89 проектов, 389 студентов (по целевым аудиториям)

Fig. 7. Structural analysis of the project activities products in the Service Learning discipline at PIMU (academic year 2023/24), 89 projects, 389 students (by target groups).

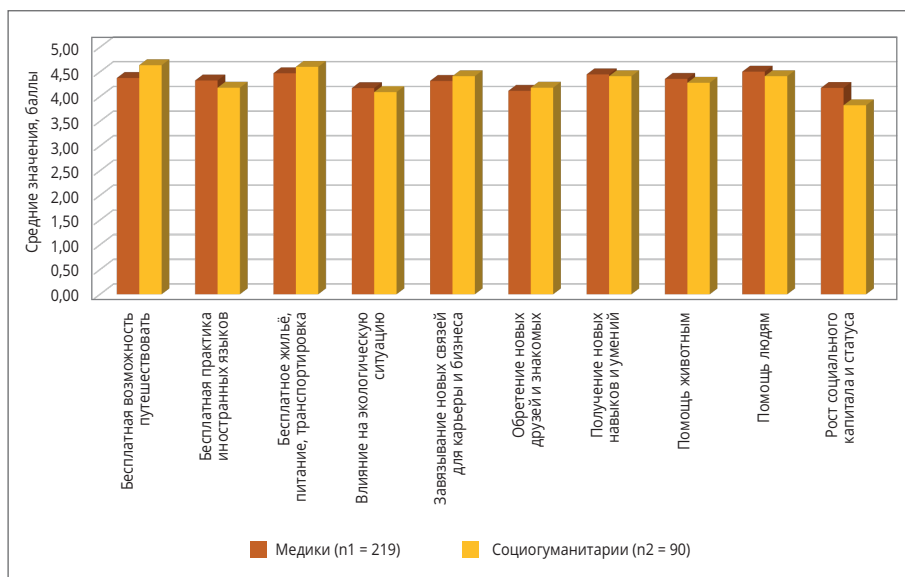

Рис. 8. Готовность студентов работать волонтерами с разными видами целевой аудитории.

Fig. 8. Students' willingness to volunteer with different target groups.

социальных заказчиков, на дифференциацию которых полезно направить усилия при дальнейшей реализации дисциплины. В ходе пилотного обучения по дисциплине «Обучение служением» приняли участие 18 социальных партнёров. Однако, как по-

казывает исследование, состав социальных заказчиков следует расширить.

Среди мотивировок для занятий волонтерской деятельностью у студентов-медиков лидирует помощь людям, далее следуют бесплатное жильё, питание и транспортировка

до локации, а также возможность бесплатно путешествовать (рис. 8).

Любая деятельность всегда является полимотивированной, что находит отражение в ответах студентов, которые заинтересованы в обеспечении как материальных, так и нематериальных условий работы. Организаторам дисциплины как со стороны вуза, так и НКО следует обратить внимание на обеспечение второй группы условий. Речь идёт, прежде всего, о базовых потребностях (транспортные расходы, питание при продолжительной работе, а при необходимости – обеспечение формой). Целесообразно рассмотреть возможности путешествий для слушателей дисциплины (экспедиции).

Сравнительный анализ выраженности мотивировок у респондентов двух выборок позволил установить всего одно достоверно значимое различие ($U=8201,000$; $p=0,02059^*$), которое относится к росту социального капитала и статуса. Этот показатель достоверно выше представлен у студентов медицинских специальностей, нежели социогуманитариев. По остальным девяти пунктам различия не установлены: студенты одной возрастной группы имеют сходные иерархии обоснования своего реального или потенциального участия в волонтерской деятельности.

Несмотря на преобладание сходства в количественной выраженности мотивировок, качественные аспекты выборок расходятся (рис. 9). Кластеры студентов-медиков можно условно наименовать: «прагматический», «природный», «социально-профессиональный». В первом объединены мотивировки, позволяющие получать выгоду от участия в волонтерской деятельности. Во второй кластер вошли мотивировки содействия решению экологических задач. И, наконец, третий кластер включает мотивировки социального и профессионального характера. Если мотивировка «завязывание связей для карьеры и бизнеса» попадает у студентов-медиков в социально-профессиональный кластер, то для студентов-соци-

огуманитариев она носит прагматический характер.

Как первичные, так и вторичные, как положительные, так и отрицательные мотивы студентов обеих групп представлены на уровне выше среднего (рис. 10). И у студентов-медиков, и студентов-социогуманитариев все виды мотивов и мотивации находятся в диапазоне средних и выше средних значений. Доминирующие положительные мотивы волонтерства у обеих групп в значительной мере пересекаются (см. рис. 10а).

Однако у студентов-медиков в лидирующей тройке преобладают внутренние, а у студентов-социогуманитариев – внешние мотивы. В первой выборке речь идёт о профессиональном росте, важной и полезной работе, новизне. Во второй выборке к числу самых сильных положительных мотивов относятся: важная и полезная работа, профессиональный рост, хороший коллектив. Состав и последовательность ведущей тройки отрицательных мотивов совпадают, среди них: нездоровая психологическая атмосфера, работа как таковая, боязнь увольнения (отстранения от проектной работы) (см. рис. 10). Положительная мотивация у обеих групп преобладает над отрицательной. Достоверно значимые различия получены по трём мотивам. Студенты-медики чаще, чем респонденты второй выборки откажутся от участия в волонтерских проектах, если в ходе их реализации не будет стабильности и гарантий.

Таким образом, в структурах мотивации волонтерской деятельности студентов обеих групп больше общего. Первичные и вторичные мотивы, положительные и отрицательные выражены выше среднего. Положительная мотивация у обеих групп преобладает над отрицательной. Ведущие положительные мотивы пересекаются, но полностью не совпадают. У студентов-медиков среди ведущих мотивов сильнее представлены внутренние, у студентов социо-гуманитарных направлений подготовки – внешние социальные, что может быть детерминировано

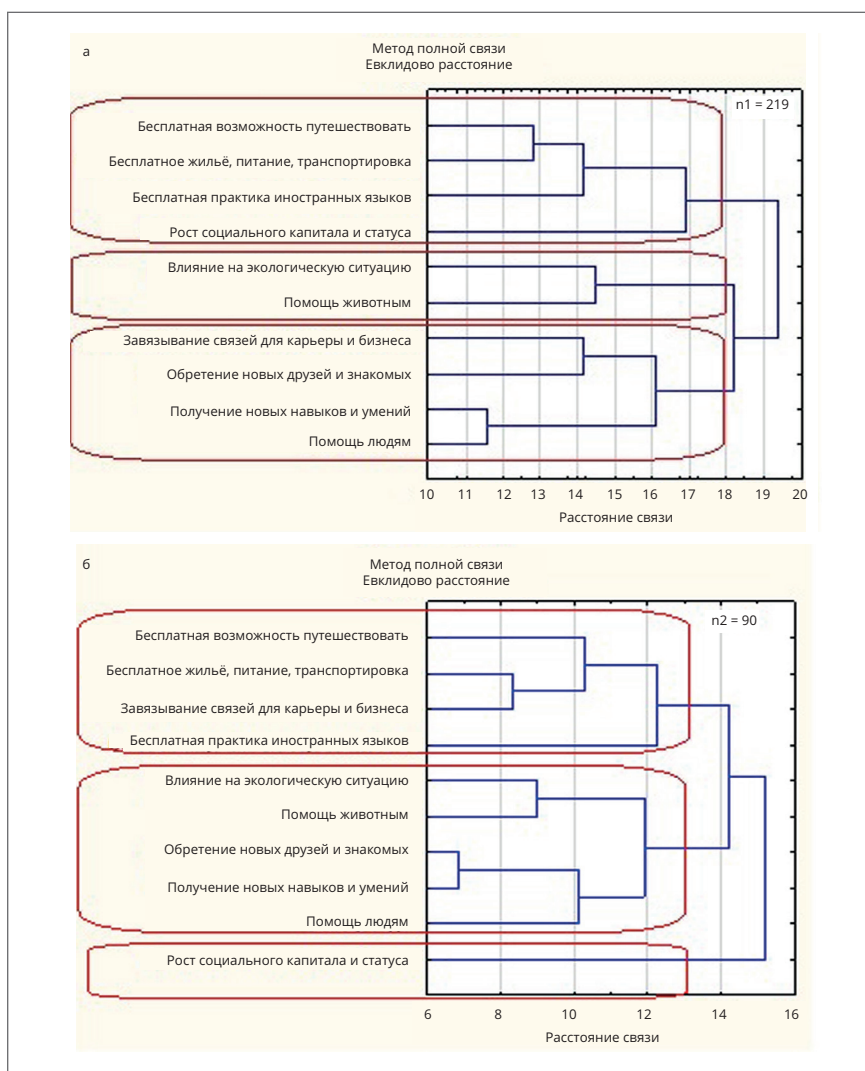

Рис. 9. Дендрограмма мотивировок участия в волонёрской деятельности студентов-медиков (а) и студентов-социогуманитариев (б).

Fig. 9. Dendrogram of motivation to volunteer among medical students (a) and students of social sciences and humanities (b).

направлением будущей профессиональной деятельности. Ведущие отрицательные мотивы совпадают.

Согласно оценке пройденного студентами-медиками обучения, дисциплина «Обучение служением» позволяет развивать коммуникативные навыки, опыт социального взаимодействия, навыки командной работы, осваивать инструменты проектной

деятельности, анализа информации, также курс даёт теоретические и практические знания о волонёрстве, а также возможность реализовать себя в общественных инициативах, «примерить» роль волонёра. При оценке социальных эффектов от реализации проектов в ходе дисциплины «Обучение служением» важно, что студенты-медики отметили просвещение населения

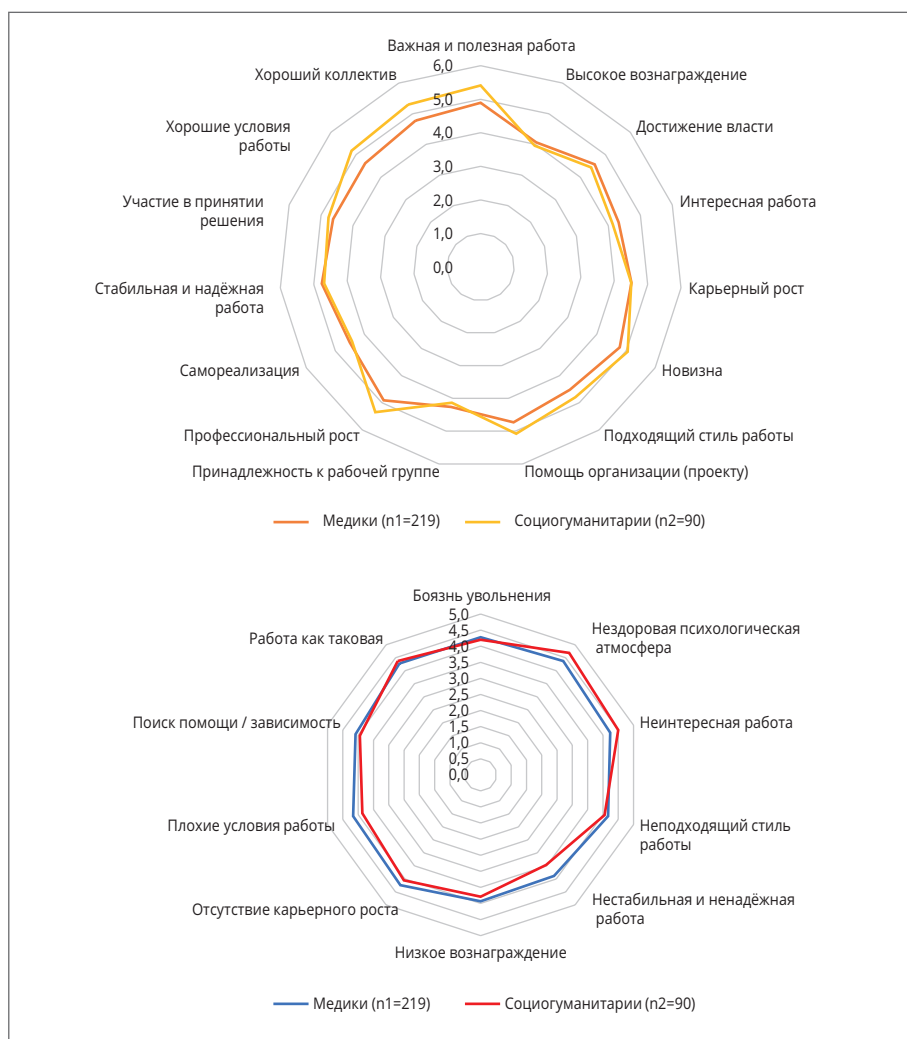

Рис. 10. Положительные (а) и отрицательные (б) мотивы волонтерской деятельности студентов-медиков и студентов-социогуманитариев.

Fig. 10. Positive (a) and negative (b) motives for volunteering among medical students and students of social sciences and humanities.

согласно выбранным тематикам проекта, направленность работы на определённые социальные группы.

Ограничения исследования

Данное исследование можно считать пилотным, что обусловлено его планированием, организацией и проведением вместе с началом проведения дисциплины «Обучение служением». В частности, к ограничениям

можно отнести привлечение студентов других направлений подготовки, выравнивание сравниваемых выборок по численности, полу, курсу обучения, а также включение в инструментарий наряду с опросными методиками стандартизированных тестов. Кроме того, для решения отдельных задач целесообразно спланировать опросы респондентов не только после, но и до начала прохождения обучения по дисциплине, чтобы отсле-

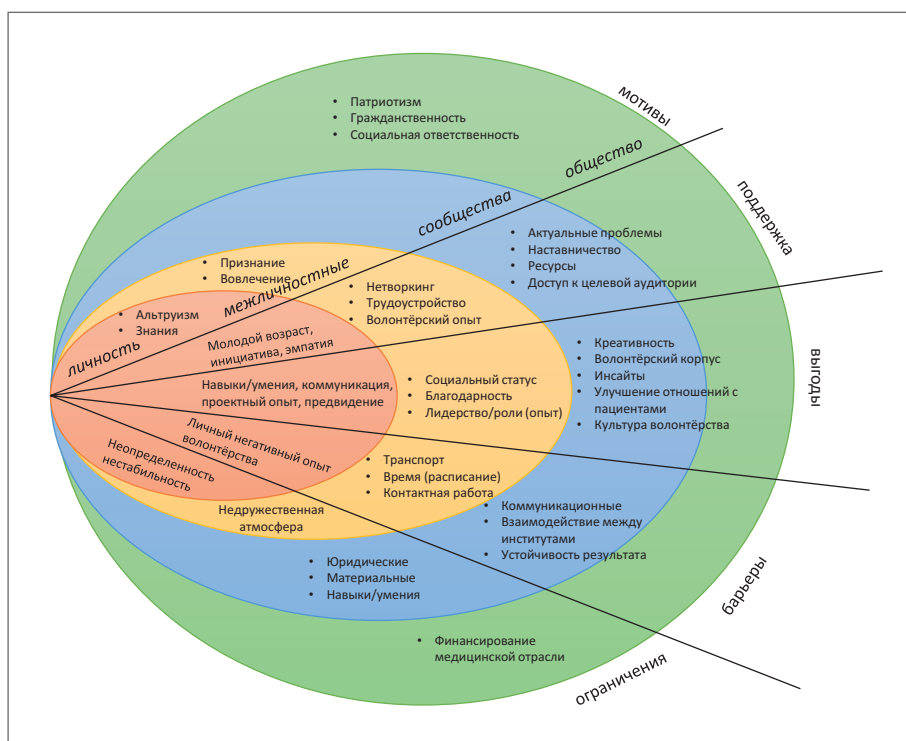

Рис. 11. Карта характеристик обучения служением в медицинском вузе (по итогам эмпирического исследования).

Fig. 11. A map of service learning characteristics in medical school (based on an empirical study).

дить динамику представлений и отношения студентов к волонтерской деятельности.

Рекомендации и выводы

Комплексный анализ экосистемы медицинской волонтерской деятельности (рис. 11), составленный на основе проведенных эмпирических исследований, показал, что студенты медицинских специальностей, изучающие дисциплину «Обучение служением», склонны рассматривать волонтерство через призму своей будущей профессии. При этом комплексная характеристика этого поля (см. рис. 11) в целом совпала с аналогичным комплексным исследованием, проведенным на основании анализа 144 публикаций зарубежных авторов [20, с. 10].

Медицинская специфика особенно четко проявляется на фоне контрольной выборки (социогуманитарии), проецируясь на пода-

вляющее большинство продуктов проектной деятельности дисциплины «Обучение служением» (77%), входит в первые два кластера, которые обозначены как «спасение и работа о жизни и здоровье» (см. рис. 3).

Проектирование дисциплины «Обучение служением» нуждается в специализации в зависимости от направления подготовки, чтобы обеспечить максимальную вовлеченность студентов в проектные задачи. Это требует заблаговременного подбора социальных заказчиков, отношения с которыми должны выстраиваться на долгосрочной основе, отбора запросов на реализацию студенческих волонтерских проектов. В ходе пилотной реализации дисциплины перспективной стала возможность продолжать проекты после её окончания. Положительно сказалось знакомство студентов с волонтерскими организациями вуза, кураторами

молодёжной деятельности (Школа здоровья ПИМУ⁹; Экологический клуб ПИМУ¹⁰; Штаб студенческих отрядов ПИМУ «Пульс»¹¹). С другой стороны, перевес заказов со стороны «внутренних» НКО привёл к значительному расхождению намерений студентов работать с целевыми аудиториями (дети и взрослые с ОВЗ; неизлечимо больные) и фактом (школьники, пожилые (беспомощные), студенты). Молодёжный выбор в пользу зооволонтерства не является приоритетным с точки зрения будущей специальности: такой тип работы с целевой аудиторией вырабатывает навык «не спрашивать согласия на действие», «не особо контролировать, что говоришь, следя только за интонацией». Он может быть перенесён на будущую профессиональную практику.

Глубинная задача, заложенная в основу дисциплины «Обучение служением», – формирование гражданственности, социальной ответственности, нравственных ценностей, вполне органично достигается в случае обучения студентов-медиков. Это показало социологическое исследование, а также продукты проектной деятельности. Однако студенты-медики высоко ценят стабильность и определённую в проектной работе: поэтому следует заранее обеспечивать материальные условия для реализации проектов. Интеграция в образовательный процесс дисциплины «Обучение служением» требует оценки затрат времени, формирования расписания с учётом выездных мероприятий. Обучение в медицинском вузе является одним из самых трудоёмких: строгость учебной дисциплины регулируется соответствующими распоряжениями одного из учредителей – Минздрава РФ. Пропуск и последующая отработка занятий нежелательны: снижается мотивация и

вовлечённость в проекты, возникает необходимость выбирать между профильными дисциплинами и проектной работой.

С точки зрения академической полезности дисциплина «Обучение служением» в формате проектной работы представляет большую пользу для медицинского образования. Она позволяет развивать навык самостоятельного прохождения «полного цикла» проекта от идеи до реализации с анализом результата. Тем самым у будущего врача развивается перспективное видение: в медицине нередко врач выполняет ограниченный объём действий в рамках своей специальности и крайне важно, чтобы он соотносил свои действия и рекомендации с общей ситуацией, со всеми особенностями пациента, его состояния, возможностей и потребностей.

Пилотный запуск дисциплины «Обучение служением» в ПИМУ дал несколько примеров, когда деятельность одних проектных групп «подхватывалась» и продолжалась другими студенческими командами. Дальнейшие исследования по тематике могут быть связаны с оценкой устойчивости результатов проектной работы студентов-медиков, возможности выстраивания лонгитудинальных проектов, обеспечения преемственности путём передачи опыта и результатов одной команды другой.

Литература

1. Чуйков О.Е., Лагутин И.Б., Свечников В.А. Волонтерство как одно из направлений деятельности медицинского вуза // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2022. Т. 30. № 2. С. 312–317. DOI: 10.32687/0869-866X-2022-30-2-312-317
2. Семёнова О.А. Особенности волонтерской деятельности в медицинском университе-

⁹ Информационно-просветительский центр «Школа здоровья ПИМУ». Анкета организации на сайте Добро.ру. URL: <https://dobro.ru/organizations/10021909/info> (свободный).

¹⁰ Экологический клуб ПИМУ. Анкета организации на сайте Добро.ру. URL: <https://dobro.ru/organizations/10027979/info> (свободный).

¹¹ Штаб студенческих отрядов ПИМУ «Пульс» Анкета организации на сайте Добро.ру. URL: <https://dobro.ru/organizations/10022364/info> (свободный).

- те // МНИЖ. 2019. № 9-2 (87). С. 24–27. DOI: 10.23670/IRJ.2019.87.9.030
3. Мазанова А.Е. Структура поля волонтерства в медицинских вузах России // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия «Социальные науки». 2024. Т. 73. № 1. С. 135–144. DOI: 10.52452/18115942_2024_1_135
 4. Никольский В.С. Обучение служением в России: становление предметного поля // Высшее образование в России. 2023. Т. 32. № 12. С. 9–28. DOI: 10.31992/0869-3617-2023-32-12-9-28
 5. Карпова М.Р., Карась С.И. Проектное обучение в высшем медицинском образовании // Высшее образование в России. 2013. № 12. С. 108–113. EDN: RPQTBB.
 6. Дремова Н.Б., Фетисова Е.Ю., Толкачева И.В. Трансформация технологии проектного обучения студентов-медиков в условиях цифровой образовательной среды // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Проблемы высшего образования. 2022. № 3. С. 35–37. EDN: IETWEZ.
 7. Лазаренко В.А., Калущий П.В., Дремова Н.Б., Овод А.И. Адаптация высшего медицинского образования к условиям цифровизации здравоохранения // Высшее образование в России. 2020. Т. 29. № 1. С. 105–115. DOI: 10.31992/0869-3617-2020-29-1-105-115
 8. Садова Н.Г. Рассказова В.Н. Джевага А.В. Проектная деятельность как одно из условий формирования общих и профессиональных компетенций студентов в медицинском вузе // Актуальные вопросы современной науки. 2016. № 49. С. 108–121. EDN: WWOJON.
 9. Плащевая Е.В., Иванчук О.В. Медицинское образование: обзор тенденций развития // ЦИТИСЭ. 2023. Т. 35. № 1. С. 121–130. DOI: 10.15350/2409-7616.2023.1.10
 10. Морозова О.Н. Эффективная модель проектного обучения студентов в медицинском вузе // Современные проблемы науки и образования. 2020. № 2. С. 47. DOI: 10.17513/spno.29682
 11. Сабитова Н.Г., Попова Н.М., Шубин А.А. Проектная деятельность в выполнении студентами учебной практики в медицинском вузе // Современные проблемы науки и образования. 2023. № 5. С. 75. DOI: 10.17513/spno.32997
 12. Коваленко Е.И., Рассказов Ф.Д. Социальное проектирование как педагогическое условие развития социальной ответственности ординаторов // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева (Вестник КГПУ). 2018. № 1(43). С. 60–67. EDN YSPBHR.
 13. Liao S.C. et al. Application of project-based service-learning courses in medical education: trials of curriculum designs during the pandemic // BMC Medical Education. 2023. Vol. 23. No. 1. P. 696. DOI: 10.1186/s12909-023-04671-w
 14. Seifer S.D., Hermanns K., Lewis J. (eds.). Creating community-responsive physicians: Concepts and models for service-learning in medical education. Washington, DC: American Association for Higher Education: Published in cooperation with Community-Campus Partnerships for Health, 2020, 190 p. DOI: 10.4324/9781003443759
 15. Stewart T., Wubbena Z.C. A systematic review of service-learning in medical education: 1998–2012 // Teaching and Learning in Medicine. 2015. Vol. 27. No. 2. P. 115–122. DOI: 10.1080/10401334.2015.1011647
 16. Bouzaber M.H., Frinkle D.B., Mutcherson R.B. Interprofessional service learning in medical education: a year-over-year assessment of student feedback // Medical Science Educator. 2020. Т. 30. P. 775–781. DOI: 10.1007/s40670-020-00948-7
 17. Horst A. et al. Selecting and performing service-learning in a team-based learning format fosters dissonance, reflective capacity, self-examination, bias mitigation, and compassionate behavior in prospective medical students // International Journal of Environmental Research and Public Health. – 2019. Vol. 16. No. 20. P. 3926. DOI: 10.3390/ijerph16203926
 18. Gouda P., Kirk A., Sweetney A.M., O'Donovan D. Attitudes of medical students toward volunteering in emergency situations // Disaster Med Public Health Prep. 2020. No. 14(3). Pp. 308–311. DOI: 10.1017/dmp.2019.81
 19. Umar T.P., Samudra M.G., Nashor K.M.N., Agustini D., Syakurab R.A. Health professional student's volunteering activities during the COVID-19 pandemic: a systematic literature review // Front Med (Lausanne). 2022. No. 9: 797153. DOI: 10.3389/fmed.2022.797153
 20. Strkljevic I. et al. Health professionals' involvement in volunteering their professional skills: a scoping review // Frontiers in Medicine. 2024. Vol. 11. P. 1–15. DOI: 10.3389/fmed.2024.1368661

21. Abedini N.C. et al. Understanding the effects of short-term international service-learning trips on medical students // *Academic Medicine*. 2012. Vol. 87. No. 6. P. 820–828. DOI: 10.1097/ACM.0b013e31825396d8
22. Прохорова М.В., Овсянникова О.М. Разработка многофакторной методики диагностики мотивации трудовой деятельности // *Психологический журнал*. 2017. Т. 38. № 1. С. 73–97.
23. Тихомович А.Н., Филенко Ц.С., Леякова А.С. Проблема бездомных животных в мегаполисах: мнение студенческой молодёжи // *Вестник Сургутского государственного педагогического университета*. 2023. Т. 83. № 2. С. 29–35. DOI: 10.26105/SSPU.2023.83.2.003

Статья поступила в редакцию 13.07.2024

Принята к публикации 21.08.2024

References

1. Chujkov, O.E., Lagutin, I.B., Svechnikov, V.A. (2022). The volunteership as on of trends of medical university functioning. *Problemy sotsial'noy gigiyeny, zdravookhraneniya i istorii meditsiny*=*Problems of Social Hygiene, Public Health and History of Medicine*. Vol. 30, no 2, pp. 312-317, doi: 10.32687/0869-866X-2022-30-2-312-317 (In Russ., abstract in Eng.).
2. Semenova, O.A. (2019). Features of volunteer activity at medical university. *Mezhdunarodnyy nauchno-issledovatel'skiy zhurnal* = *International Research Journal*. Vol. 87, no. 9-2, pp. 24-27, doi: 10.23670/IRJ.2019.87.9.030 (In Russ., abstract in Eng.).
3. Mazanova, A.E. (2024). Structure of the volunteering field in Russian medical universities. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Seriya «Sotsial'nyye nauki»* = *Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod. Series: Social Sciences*. Vol. 73, no. 1, pp. 135-144, doi: 10.52452/18115942_2024_1_135 (In Russ., abstract in Eng.).
4. Nikolskiy, V.S. (2023). Service Learning in Russia: Scoping Review. *Vysshee obrazovanie v Rossii* = *Higher Education in Russia*. Vol. 32, no. 12, pp. 9-28, doi: 10.31992/0869-3617-2023-32-12-9-28 (In Russ., abstract in Eng.).
5. Karpova, M.R., Karas, S.I. (2013). Project-based training in higher medical education. *Vysshee obrazovanie v Rossii* = *Higher Education in Russia*. No. 12, pp. 108-113. Available at: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_20913212_51641976.pdf (accessed 28.05.2024). (In Russ.).
6. Dremova, N.B., Fetisova, E.Yu., Tolkacheva, I.V. (2022). Technology transformation project-based training of medical students in a digital educational environment. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Problemy vysshego obrazovaniya* = *Proceedings of Voronezh State University. Series: Problems of Higher Education*. No. 3, pp. 35-37. Available at: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_49492791_18897225.pdf (accessed 28.05.2024). (In Russ., abstract in Eng.).
7. Lazarenko, V.A., Kalutskiy, P.V., Dremova, N.B., Ovod, A.I. (2020). Adaptation of Higher Medical Education to the Conditions of Digitalization of Healthcare. *Vysshee obrazovanie v Rossii* = *Higher Education in Russia*. Vol. 29, no. 1, pp. 105-115, doi: 10.31992/0869-3617-2020-29-1-105-115 (In Russ., abstract in Eng.).
8. Sadovaya, N.G., Rasskazova, V.N., Dzhevaga, A.V. (2016). [Project activities as one of the conditions for the formation of general and professional competencies of students in a medical university]. *Aktual'nyye voprosy sovremennoy nauki* [Current issues of modern science]. No. 49, pp. 108-121. Available at: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_27169627_62974374.pdf (accessed 28.05.2024). (In Russ.).
9. Plashcheyaya, E.V., Ivanchuk, O.V. (2023). Medical education: overview of development trends. *TSITISE=CITISE*. No. 1, pp. 121-130, doi: 10.15350/2409-7616.2023.1.10 (In Russ., abstract in Eng.).
10. Morozova, O.N. (2020). Effective model of project education of students in medical university. *Sovremennyye problemy nauki i obrazovaniia* = *Modern Problems of Science and Education*. No. 2, pp. 47, doi: 10.17513/spno.29682 (In Russ., abstract in Eng.).

11. Sabitova, N.G., Popova, N.M., Shubin L.L. (2023). Project activities in the implementation of educational practice by students at a medical university. *Sovremennyye problemy nauki i obrazovaniia* = *Modern Problems of Science and Education*. No 5, p. 75, doi: 10.17513/spno.32997 (In Russ., abstract in Eng.).
12. Kovalenko, Ye.I. Rasskazov, F.D. (2018). Social design as a pedagogical condition of social responsibility development of interns. *Vestnik Krasnoyarskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V.P. Astaf'yeva* = *Bulletin of the Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev*. No. 1 (43), pp. 60-67. Available at: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_32627012_76093423.pdf (accessed 28.05.2024). (In Russ., abstract in Eng.).
13. Liao, S.C. et al. (2023). Application of project-based service-learning courses in medical education: trials of curriculum designs during the pandemic. *BMC Medical Education*. Vol. 23, no. 1, p. 696, doi:10.1186/s12909-023-04671-w
14. Seifer, S.D., Hermanns, K., Lewis, J. (eds.). (2000). *Creating Community-Responsive Physicians: Concepts and Models for Service Learning in Medical Education*. Washington, DC: American Association for Higher Education: Published in cooperation with Community-Campus Partnerships for Health, 190 p., doi: 10.4324/9781003443759
15. Stewart, T., Wubben, Z.C. (2015). A systematic review of service-learning in medical education: 1998–2012. *Teaching and Learning in Medicine*. Vol. 27, no. 2, pp. 115-122, doi: 10.1080/10401334.2015.1011647
16. Bouzaher, M.H. Trinkle, D.B., Mutcherson, R.B. (2020). Interprofessional service learning in medical education: a year-over-year assessment of student feedback. *Medical Science Educator*. Vol. 30, pp. 775-781, doi: 10.1007/s40670-020-00948-7
17. Horst, A. et al. (2019). Selecting and performing service-learning in a team-based learning format fosters dissonance, reflective capacity, self-examination, bias mitigation, and compassionate behavior in prospective medical students. *International Journal of Environmental Research and Public Health*. Vol. 16, no 20, p. 3926, doi: 10.3390/ijerph16203926
18. Gouda, P., Kirk, A., Sweeney, A.M., O'Donovan, D. (2020). Attitudes of medical students toward volunteering in emergency situations. *Disaster Med Public Health Prep*. No. 14(3), pp. 308-311, doi: 10.1017/dmp.2019.81
19. Umar, T.P., Samudra, M.G., Nashor, K.M.N., Agustini, D. & Syakurah, R.A. (2022). Health professional student's volunteering activities during the COVID-19 pandemic: A systematic literature review. *Frontiers in Medicine*. No. 9: 797153, doi: 10.3389/fmed.2022.797153
20. Strkljevic, I. et al. (2024) Health professionals' involvement in volunteering their professional skills: a scoping review. *Frontiers in Medicine*. Vol. 11, pp. 1-15, doi: 10.3389/fmed.2024.1368661
21. Abedini, N.C. et al. (2012). Understanding the effects of short-term international service-learning trips on medical students. *Academic Medicine*. Vol. 87, no. 6, pp. 820-828, doi: 10.1097/ACM.0b013e31825396d8
22. Prokhorova, M.V., Ovsyannikova, O.M. (2017). Designing multifactor inventory of labor activity motivation. *Psikhologicheskii zhurnal* = *Psikhologicheskii Zhurnal* [Psychological journal]. Vol. 38, no. 1, pp. 73-97. Available at: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_28358103_53131997.pdf (accessed 28.05.2024). (In Russ., abstract in Eng.).
23. Tikhomovich, A.N., Filenko, Ts.S., Leliakova, A.S. (2023). The problem of homeless animals in urban areas: the opinion of student youth. *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* = *The Surgut State Pedagogical University Bulletin*. Vol. 83, no. 2, pp. 29-35, doi: 10.26105/SSPU.2023.83.2.003 (In Russ., abstract in Eng.).

The paper was submitted 13.07.2024
Accepted for publication 21.08.2024

Детерминанты успешности и риски реализации подхода «Обучение служением» в условиях проектно-ориентированного обучения

Научная статья

DOI: 10.31992/0869-3617-2024-33-8-9-63-83

Асланов Яков Андреевич – канд. соц. наук, доцент кафедры теоретической социологии и методологии региональных исследований Института социологии и регионоведения, проректор по воспитательной работе и реализации молодёжных программ, ORCID: 0000-0003-2945-1676, Scopus ID: 57204907442; Researcher ID: AAB-5134-2020, aslanov@sfedu.ru

Деточенко Людмила Станиславовна – канд. филос. наук, доцент, заведующий кафедрой социальных технологий Института философии и социально-политических наук ЮФУ, ORCID: 0000-0003-4914-6310, Scopus ID: 57206889407; Researcher ID: CAI-9434-2022, detochenko@sfedu.ru

Лепин Александр Петрович – канд. соц. наук, доцент кафедры социальных технологий Института философии и социально-политических наук, ORCID: 0000-0002-2956-4075, Scopus ID: 55883748200; Researcher ID: DBJ-7795-2022, alepin@sfedu.ru

Мартынова Евгения Васильевна – канд. соц. наук, доцент кафедры социальных технологий Института философии и социально-политических наук, ORCID: 0009-0000-3775-3266, evmartynova@sfedu.ru

Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

Адрес: 344006 г. Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, 105/42

***Аннотация.** В статье предпринимается попытка выявить дефициты и сложности реализации подхода «Обучение служением», существующие отклонения от принципов, требований и структуры, характерные для образовательной организации, имеющей богатый опыт в проектном обучении студентов и осуществившей массовое привлечение студентов и преподавателей к Федеральной программе «Обучение служением». В основе анализа – опыт участия студентов Южного федерального университета в проектной деятельности с применением подхода «Обучение служением». Основные выводы статьи опираются на эмпирическое исследование методом анкетирования, в котором приняли участие 372 респондента. Выявлены риски упрощения реализации подхода в условиях отработанных моделей реализации проектного обучения, которые снижают как воспитательный потенциал подхода, так и удовлетворённость и готовность дальнейшего участия в программе студентов. Определено, что особого внимания требует сопровождение проектной деятельности с подходом «Обучение служением» в рамках подготовки естественно-научных и инженерно-технических кадров. Обозначены основные детерминанты успешности реализации подхода:*

высокий уровень информированности студентов, обеспечение возможности участия студентов в выборе проблемы, идеи и способов её реализации, наставническая позиция руководителя проектной деятельности, возможность коммуникации с социальным партнёром и целевой аудиторией, регулярные рефлексивные мероприятия. Полученные результаты позволили сформулировать систему действенных рекомендаций по усовершенствованию организационных условий и коммуникативных моделей для дальнейшего масштабирования использования данного подхода. Исследование носит поисковый характер, однако полученные выводы важны для обмена первым опытом внедрения подхода «Обучение служением» и дальнейшей теоретико-методологической дискуссии о возможностях и ограничениях применения подхода.

Ключевые слова: Обучение служением, высшее образование, практикоориентированное образование, проектное обучение.

Для цитирования: Асланов Я.А., Деточенко Л.С., Лепин А.П., Мартынова Е.В. Детерминанты успешности и риски реализации подхода «Обучение служением» в условиях проектно-ориентированного обучения // Высшее образование в России. 2024. Т. 33. № 8-9. С. 63–83. DOI: 10.31992/0869-3617-2024-33-8-9-63-83

Determinants of Success and Risks of Implementing the “Service Learning” Approach in a Project-Oriented Learning Environment

Original article

DOI: 10.31992/0869-3617-2024-33-8-9-63-83

Yakov A. Aslanov – Cand. Sci. (Sociology), Associate Professor of the Department of Theoretical Sociology and Methodology of Regional Research, Institute of Sociology and Regional Studies, Vice-Rector for Student Affairs, ORCID: 0000-0003-2945-1676, Scopus ID: 57204907442; Researcher ID: AAB-5134-2020, aslanov@sfedu.ru

Ludmila S. Detochenko – Cand. Sci. (Philosophy), Head of the Department of Social Technologies, Institute of Philosophy and Socio-Political Sciences, ORCID: 0000-0003-4914-6310, Scopus ID: 57206889407; ResearcherID: CAI-9434-2022, detochenko@sfedu.ru

Aleksandr P. Lepin – Cand. Sci. (Sociology), Associate Professor of the Department of Social Technologies, Institute of Philosophy and Socio-Political Sciences, ORCID: 0000-0002-2956-4075, Scopus ID: 55883748200; Researcher ID: DBJ- 7795-2022, alepin@sfedu.ru

Eugenia V. Martynova – Cand. Sci. (Sociology), Associate Professor of the Department of Social Technologies, Institute of Philosophy and Socio-Political Sciences, ORCID: 0009-0000-3775-3266, evmartynova@sfedu.ru

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation

Address: 105/42, B. Sadovaya str., 344006 Rostov-on-Don, Russia

Abstract. The article presents the results of the application of the “Service Learning” pedagogical approach at the Southern Federal University (SFU) in the 2023/24 academic year. The authors have outlined the contours of the development of this educational technology, the idea of which belongs to the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation and

the Association of Volunteer Centers. The article summarizes the experience of the structural divisions of the SFU in integrating the pedagogical approach into the educational process. The analysis of real social situations (cases) is of scientific and practical value for the coordinators of Russian universities responsible for introducing “Service Learning” into the educational process of all fields and levels of study. The authors define the criteria for the success of the pedagogical approach, its distinctive features, and also present the prospects for further development of “Service Learning”. The research is exploratory in nature, however, the conclusions obtained seem fruitful for sharing the first experience of implementing the “Service Learning” approach and further theoretical and methodological discussion about the possibilities and limitations of the approach.

Keywords: “Service Learning” pedagogical approach, Southern Federal University, higher education, practice-oriented education, project-based training.

Cite as: Aslanov, Ya.A., Detochenko, L.S., Lepin, A.P., Martynova, E.V. (2024). Determinants of Success and Risks of Implementing the “Service Learning” Approach in a Project-Oriented Learning Environment. *Vysshee obrazovanie v Rossii = Higher Education in Russia*. Vol. 33, no. 8-9, pp. 63-83, doi: 10.31992/0869-3617-2024-33-8-9-63-83 (In Russ., abstract in Eng.).

Введение

В Международный день благотворительности, 5 сентября 2023 г., состоялся все-российский запуск пилотного проекта по реализации курса (модуля) «Обучение служением». Его цель – «помочь студентам научиться применять профессиональные навыки и развивать надпрофессиональные компетенции при решении важных социальных задач и проектов по заказу некоммерческих организаций (НКО), социальных предприятий и бизнеса, реализующего программы корпоративной социальной ответственности, государственных и муниципальных учреждений» [1]. В этот день в университетах прошли встречи с лидерами общественных организаций – потенциальными и действующими социальными партнёрами образовательных учреждений. Эксперты объяснили обучающимся специфику образовательного подхода, известного во всём мире как *service learning*. Новая для отечественной высшей школы педагогическая технология получила название «Обучение служением», её концепцию разрабатывали специалисты Министерства высшего образования и науки Российской Федерации совместно с коллегами из Ассоциации волонтерских центров и Высшей школы экономики [2]. В её основе лежит идея о том, что освоение профессиональных

навыков идёт более эффективно в процессе решения реальной проблемы, при понимании возможной общественной полезности её решения [3].

Цель статьи – разработка действенных рекомендаций для крупных, многопрофильных вузов для масштабирования подхода «Обучение служением» на основе выявления дефицитов, сложностей реализации проектного подхода, а также существующих отклонений от принципов, требований и структуры методики его реализации.

Педагогический подход «Обучение служением» в зарубежной и отечественной практике

Представление высших учебных заведений как социально-ориентированных учреждений, в которых студенты не только изучают академические учебные дисциплины, но и одновременно получают опыт проектной деятельности в некоммерческих организациях, при этом сохраняя собственную профессиональную траекторию развития – популярный образовательный тренд во всём мире. Он получил своё развитие в конце 60-х гг. прошлого столетия, когда международные благотворительные организации, занимавшиеся вопросами предоставления гуманитарной помощи, начали привлекать

студентов колледжей и университетов к общественной деятельности [4]. Сам термин впервые был использован в 1967 г. в отношении программы стажировок, посредством которой обучающиеся получали академический кредит и/или финансовое вознаграждение за работу над общественными проектами. Окончательное оформление *Service Learning* в качестве педагогического подхода произошло только в конце 80-х гг. XX в., т. е. спустя почти 20 лет. Именно в указанный период произошло объединение общественных работ с академическим обучением с целью решения социальных проблем в местных сообществах, а педагогический подход стал основным средством, с помощью которого американские университеты и колледжи подтвердили свою приверженность гражданской ответственности.

Приверженность американского образования идее гражданской ответственности М.Э. Кенни и Л.А. Галлахер объясняют философией прагматизма, которой придерживался американский педагог Джон Дьюи. Именно в его работах исследователи *Service Learning* ищут (и находят) теоретические основания данной педагогической практики [5]. Ни одна работа о *Service Learning* не обходится без упоминания вклада Дж. Дьюи, философию прагматизма которого исследователи считают источником вдохновения для формирования указанной практики. Его идеи нашли отклик у другого американского педагога Уильяма Херда Килпатрика, который «в методологическом плане соединил философию прагматизма и бихевиористическую психологию» [6], став основоположником метода проектной работы. Он полагал, что обучение должно представлять собой систему постоянно усложняющихся и заранее спланированных практических заданий, связанных таким образом, чтобы знания, приобретаемые в результате выполнения одного задания, служили развитию и обогащению последующих [7]. Ранние работы учёного, вдохновлённого философией прагматизма, являются предшественниками инициатив

в области *service learning*, развитие которых в 1980-1990-х гг. связано с именами Дэвида Аллена Колба, чья теория эмпирического обучения объединила идеи Д. Дьюи и У.Х. Килпатрика в общую модель, отвечающую задачам, связанным с образованием в XXI в. и Дональда Шона, разработавшего концепцию рефлексивной практики, т. е. способности размышлять о своих действиях, участвуя в процессе непрерывного обучения.

К концу первого десятилетия 2000-х гг. дискуссии о *Service Learning* перешли от дебатов о том, что собой представляет этот педагогический подход, к определению лучших практик и оценке их влияния на результаты обучения студентов. Интерес к нему отчасти является ответом на мнение о том, что высшее образование отказалось от своих исторических обязательств перед обществом и теперь должно восстановить их [8]. Текущие исследования в области *Service Learning* включают в себя подходы, которые А. Филлипс называет конструктивистскими. «Эти подходы, – пишет она, – направлены на вовлечение всех участников педагогической практики в разработку и проведение научных исследований на уровне местных сообществ, включающих оценку расширения прав и возможностей, с участием молодёжи для того, чтобы последние могли посредством обсуждения, контролировать собственные судьбы» [4].

Первые попытки внедрения программы *service learning* в России датируются 2002 г., когда двумя неправительственными организациями – Российским центром развития добровольчества и Фондом «Созидание», были проведены экспертные встречи с представителями некоммерческих организаций. В сборнике 2006 г. российские эксперты Фонда «Созидание» дают *Service Learning* следующее определение: «это набор педагогических методик, которые объединяют общественно полезную деятельность и теоретическое образование таким образом, что эти объединённые компоненты усиливают эффективность друг друга» [9]. К настоящее-

му времени накоплен внушительный массив зарубежных публикаций, содержащий теоретические основы и эмпирические доказательства эффективности педагогического подхода, но имеющиеся в них данные получены в иных культурных и исторических условиях, которые существенно отличаются от российских [10]. Эксперты Фонда «Созидание» указывают на то, что «в разных странах часто получает распространение какая-то определённая модель общественно полезной деятельности, характерная именно для неё» [9]. На ту или иную форму общественно полезной деятельности или её результат, – продолжает В.С. Никольский, – оказывают влияние: степень развитости «третьего сектора», который отличается в разных странах; отличия в управлении системами высшего образования; образовательный опыт у основных действующих лиц, формирующий культуру письма и культуру высказывания своих мыслей при групповом обсуждении; и наконец, развитие добровольчества и волонтерства вкупе с проектной деятельностью». И то, и другое, по мнению автора, «лишь в последнее десятилетие достигло заметного влияния на сферу высшего образования и [российское] общество в целом» [10].

Реализуемый больше 10 лет педагогический подход в российской системе высшего образования получил название «Обучение служением» как перевод (калька) термина «service learning», где «service» в значении «служение» означает «оказание помощи другому человеку на благо общества», а «learning» есть «обучение в рамках реальных проектов, когда студенты совместно с представителями некоммерческого сектора работают над реальными кейсами» [11].

Российские авторы позиционируют «Обучение служением» как уникальную образовательную методику, способствующую развитию у учащегося интереса к поиску своей

личностной уникальности, построению индивидуальной траектории профессионального роста. По их мнению, внедрение указанной методики в образовательную среду вузов позволит:

1) «сформировать высококлассного компетентного специалиста, решающего в будущем любые задачи, связанные с его профессиональной деятельностью»;

2) «прямо здесь и сейчас взять человеку ответственность за свою жизнь, своё окружение и территорию своего проживания» [12].

Особенностью внедрения образовательного подхода в российских реалиях является и особое внимание к развитию проектного мышления, к вкладу в местное сообщества за счёт развития проектов, инициированных совместно Университетом и сообществом¹.

Активное использование педагогического подхода «Обучение служением» российскими вузами не предполагает возможность его прямого переноса. Это обстоятельство актуализирует необходимость углублённого изучения успешных практик с целью преодоления кризиса воспроизводимости результатов. Хотя в последние годы в России были изданы несколько пособий по внедрению педагогического подхода в образовательный процесс высшей школы, сам подход тестировался в ряде российских вузов в течение нескольких лет, а преподаватели, по мнению В.С. Никольского, стали «свидетелями становления нового предметного поля в российских образовательных исследованиях» [10], в стране по-прежнему сохраняется дефицит эмпирических данных.

В 2023/24 учебном году Южный федеральный университет (ЮФУ) вошёл в число пилотных организаций, внедряющих педагогический подход «Обучение служением». В данной образовательной программе в указанный период времени приняли участие бо-

¹ Методические рекомендации по реализации модуля «Обучение служением» в образовательных организациях высшего образования Российского образования. URL: https://wuz.informio.ru/files/directory/documents/2023/08/Metod_rekomendatsii_Obuchenie_sl.pdf (дата обращения: 10.06.2024).

лее 2000 студентов, обучающихся на 46 направлениях подготовки, а 96 государственных учреждений, некоммерческих и общественных организаций выступили в качестве социальных партнёров. Они предложили реальные кейсы для реализации проектной деятельности обучающихся.

Внедрению педагогического подхода «Обучение служением» в образовательную практику ЮФУ предшествовала активизация образовательного процесса посредством организации самоуправляемой деятельности малой группы студентов всех форм обучения через совокупность поисковых, проблемных, творческих и других методов, развивающих компетенции обучающихся в процессе создания конкретного проекта с обязательной презентацией этих результатов [13]. Нужно отметить, что Южный федеральный университет с 2015 г. активно внедряет проектное обучение в собственные образовательные программы, в которых одной из основных учебных дисциплин является «Модуль проектной деятельности».

Вовлечение студентов в проектную деятельность на базе педагогического подхода «Обучение служением» предполагает, что каждому обучающемуся отводится активная роль исследователя, преобразователя и экспериментатора. Для достижения целей педагогического подхода крайне важно, чтобы роль студентов не ограничивалась исполнением узко определённых преподавателем или социальным партнёром задач, рутинным выполнением функций (даже если таковые позволяют отработать профессиональные компетенции). Умение работать в сложных ситуациях, постоянно меняющихся условиях [14], возможность формирования связей с профессиональным сообществом и выстраивания карьерных стратегий [15] достижимы в «Обучении служением» только в случае высокого уровня осознанности, вовлечённости студентов, участвующих в подходе. Авторы настоящей статьи солидарны с теми исследователями, которые полагают, что «Обучение служением» помогает пре-

одолеть «отстранённость», «пассивность», низкую мотивацию студентов при изучении академических курсов [16]. Однако не следует забывать, что положительный эффект возможен только при условии совместных действий всех участников процесса на всех этапах проектной деятельности, начиная с возможности студентов, преподавателей и социальных партнёров познакомиться друг с другом и заканчивая публичным представлением результатов работы.

В настоящее время педагогический подход «Обучение служением» активно внедряется в систему высшего образования Российской Федерации. Форсированное наращивание его потенциала, по мнению авторов, ориентирует учебные заведения на решение социальных проблем региона с двух основных позиций. Первая предполагает использование разнообразных приёмов и способов обучения студентов, а вторая – интеграцию знаний и умений из различных областей науки с целью развития интересов обучающихся к получаемой в вузе специальности и будущей профессии. Прикладные исследования российских учёных позволяют ретроспективно изучить успешные практики пилотного года внедрения «Обучения служением». Изучение опыта образовательных учреждений играет важную роль в выявлении дефицитов и сложностей при реализации подхода, а также в понимании, насколько его практическое воплощение отличается от теоретической модели. Данные исследования позволяют выработать систему рекомендаций по совершенствованию условий не только в конкретном учебном заведении, но и в том, чья модель реализации подхода «Обучение служением» близка Южному федеральному университету, в котором проводилось указанное исследование.

Материалы и методы

Исследование проводилось в Южном федеральном университете, который с 5 сентября 2023 г. включил в реализацию общественных проектов программы «Обучение служе-

нием» (далее – проекты трека «Обучение служением») 2100 студентов 22 структурных подразделений и 46 направлений подготовки, которые условно можно разделить на естественно-научные, инженерно-технические, социально-экономические и гуманитарные. Целевая установка программы исследования, ориентированная на выявление специфики, результативности и отклонений в применении подхода в пределах условно выделенных укрупнённых групп направлений, определили целевой отбор в выборке по данному основанию. В отчёте Министерства науки и высшего образования распределение численности студентов генеральной совокупности по направлениям подготовки выглядело следующим образом: гуманитарии – 66%; социально-экономические направления – 15,9%; естественно-научные – 10%; инженерно-технические – 8,1%. В опросе приняли участие 372 респондента, из них представители гуманитарных направлений – 65,2%; социально-экономических – 15,6%, естественно-научных – 19,4%; инженерно-технических – 10%. Незначительное смещение выборки не нарушает репрезентативности, находясь в пределах допустимой ошибки, и обусловлено организационными процедурами распределения квот респондентов по структурным подразделениям университета. В период с 8 апреля по 10 мая 2024 г. было проведено анкетирование с использованием платформы Яндекс (*Yandex Forms*). Ссылка отправлялась ответственным за реализацию проектов трека «Обучение служением» в Южном федеральном университете вместе с необходимым количеством обучающихся и их распределением по курсам, а в некоторых подразделениях, реализующих подход, и на уровне магистратуры, и по уровням. Руководителям структурных подразделений, ответственным за трек, и студентам объяснялось, что исследование носит анонимный характер, а его результаты будут даны в обобщённом виде. Выводы, которые будут сделаны по результатам исследования, необходимы для усовершенствования работы в следующем году, коррек-

тировки общеуниверситетских мероприятий по продвижению и сопровождению треков «Обучение служением», разработке методических материалов. Модуль проектной деятельности в Южном федеральном университете реализуется на 1–3 курсах обучения, поэтому большая часть студентов, принимавших участие в проектном треке «Обучение служением» и исследовании, обучаются на 1–3 курсах бакалавриата и специалитета. Некоторые образовательные программы предполагали курсы, направленные на развитие проектных компетенций вне модуля проектной деятельности, что определило незначительное число участников проектных команд из числа выпускников бакалавриата и обучающихся магистратуры (рис. 1).

Ответы респондентов автоматически собирались в таблицу. В последующем данные обрабатывались с помощью пакета *SPSS*. Для достижения ранее обозначенной цели вопросы группировались в блоки: «Информированность и осознанность участия», «Вовлечённость и субъектность», «Процесс реализации», «Рефлексия и перспектива». Выводы, полученные в ходе исследования, позволяют наметить организационные и методические мероприятия по дальнейшему внедрению подхода с учётом специфики укрупнённых направлений подготовки и существующих дефицитов.

Результаты исследования

Блок 1. «Информированность и осознанность участия». Применение проектных технологий в обучении, характерное для всех образовательных программ ЮФУ, создавало не только базу для массового внедрения подхода «Обучение служением» и получения качественных проектных результатов, но и определённые риски. Среди таковых – реализация проектного подхода без информирования студентов о программе «Обучение служением», учёт организационной специфики Федеральной программы, недостаточное внимание к рефлексии. Для минимизации подобных рисков в тече-

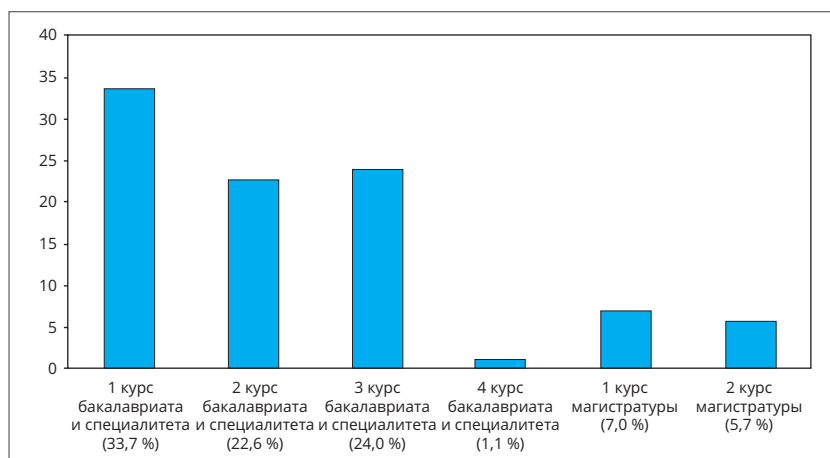

Рис. 1. Распределение респондентов по курсам и уровням обучения

Fig. 1. Distribution of respondents by courses and levels of study

ние пилотного года реализации программы проводились специальные мероприятия:

- встречи с потенциальными партнёрами руководителей проектной деятельности с участием студенческого актива;

- ярмарка социальных заказов для студентов всех направлений подготовки;

- проектные школы;

- демо-день лучших проектов всех направлений подготовки;

- информационные встречи с руководителями проектной деятельности, членами учебно-методических объединений, руководителями структурных подразделений по разъяснению основных целей и специфики Федеральной программы, особенностей организации проектной деятельности в контексте реализации программы в пилотном году для максимального достижения воспитательных и образовательных задач;

- индивидуальное консультирование руководителей проектной деятельности в структурных подразделениях;

- выступления на научных, методических и образовательных площадках.

Анализ информированности студентов о программе «Обучение служением» показал, что в целом проведённые мероприятия способствовали достаточно высокой для пилотного года информированности,

но 15,9% респондентов, представленных в качестве участников проектного трека, заявили, что «ничего не знают о данном подходе». Информированность студентов практически не зависит от курса и уровня обучения, но связана с укрупнёнными направлениями подготовки, что отражено в таблице 1.

Отличается и уровень представления студентов, что требует дальнейшего внимания по информированию различных субъектов, задействованных в реализации подхода.

Информированность студентов о реализуемом проекте менялась в течение года. Если в начале учебного года (до реализации проектов) только 37,5% сообщили, что имеют представление о специфике Программы, то в конце года таковых было 84,1%. Положительной динамике способствовал целый комплекс мероприятий. Интересно, что 14,7% узнали о Федеральной программе уже после реализации проектов, при подготовке отчётности и подведении итогов. Эта категория участников социальных проектов реализовала интересные и качественные проекты для социальных партнёров, но не получила необходимой информации о специфике трека «Обучение служением» от руководителя проектной деятельности. Информация же о Программе была получена на итоговой

Таблица 1

Ответы респондентов разных направлений подготовки на вопрос:
«Вы знакомы с педагогическим подходом “Обучение служением”?», %

Table 1

Answers of respondents from different academic fields to the question:
“Are you familiar with the pedagogical approach of Service Learning?”

Варианты ответов	Направления подготовки				Общее*
	Гуманитарное	Социально-экономическое	Естественно-научное	Инженерно-техническое	
«Хорошо знаю суть этого подхода, его цели, особенности и возможности»	34,7	24,1	14,3	20,7	37,2
«Имею общее представление, информирован о некоторых его аспектах»	37,6	46,6	57,1	17,2	30,2
«Знаю название данного подхода и имею смутное представление о его содержании»	17,4	19,0	0	13,8	16,7
«Ничего не знаю о данном подходе»	10,3	10,3	28,6	48,3	15,9

* Валидный процент по ответам всех респондентов (данные SPSS).

конференции лучших проектов трека «Обучение служением» структурных подразделений или от её участников. Подобное итоговое мероприятие рассматривалось координационной группой не только как механизм поддержания мотивации лучших проектных команд, но и как канал информирования и дальнейшего развития Программы в Университете. Низкий уровень информированности практически не влияет на качество проектного продукта, но значительно снижает воспитательный потенциал Федеральной программы и понимание возможностей служить обществу в рамках будущей профессиональной деятельности.

Вполне ожидаемо, что основным субъектом информирования о реализуемом подходе выступили именно преподаватели и административный корпус Университета (рис. 2). Однако результаты исследования позволяют говорить о студенчестве как о потенциально важном ресурсе распространения информации о проектном подходе «Обучение служением»: 12,7% респондентов отметили, что узнали о новом педагогическом подходе от студентов-однокурсников, 7,5% – от студен-

тов других курсов. Исследование показало, что необходимо актуализировать и использовать потенциал студенчества как фасилитатора Программы. В июле 2024 г. в Южном федеральном университете был проведён студенческий лагерь проектного мышления «Обучение служением», в котором обучались будущие амбассадоры программы из пяти структурных подразделений. Ассоциация волонтерских центров анонсировала подобные программы 21 июня 2024 г. в городе Ханты-Мансийске.

Весьма разнообразными являлись и каналы получения информации у студентов, что говорит о необходимости дальнейшей многоплановой работы, сочетающей разнообразные формы и виды информирования (табл. 2).

Для успешного масштабирования практики важно, чтобы университетское сообщество, включающее преподавателей и студентов, не только знало, но и поддерживало подход. И в большинстве своём, по мнению студентов, преподаватели поддерживают его (74,4%). Однако ряд студентов считают, что в преподавательской среде можно встре-

Рис. 2. Распределение ответов респондентов на вопрос: «Как вы узнали о новом педагогическом подходе «Обучение служением»? (возможны несколько вариантов ответа)».

Fig. 2. Distribution of respondents' responses to the question: "How did you learn about the new pedagogical approach of Service Learning? (there are several possible answers)".

Таблица 2

Распределение ответов респондентов на вопрос: «Через какие каналы Вы узнаете новости о реализации проекта «Обучение служением» (возможны несколько вариантов ответа)?», %

Table 2

Distribution of respondents' answers to the question: "Through which channels do you get news about the implementation of the Ministry Training project of Service Learning (several possible answers)?".

Варианты ответов	Доля ответов, %
Личный кабинет студента	22,4
Сайт университета	25,9
Установочные встречи (организационные собрания)	28,0
Консультации с кураторами, преподавателями, наставниками	34,2
Социальные сети	34,2
Учебные занятия	22,9
«Сарафанное радио» (на неформальных встречах в университете, в общежитии)	13,2

тить негативное (0,8%) и равнодушное (6,7%) отношение к Программе. И пусть эта часть незначительна, однако она требует особого внимания и дальнейшей работы Координационной группы. Многочисленные мероприятия, проведённые с кураторами проектной деятельности, позволяют предположить, что негативные реакции вызваны достаточно большим количеством учебных предметов с воспитательным уклоном, включённых в учебные планы за счёт профессионального блока; осторожным отношением российских

преподавателей к форсированному переходу к массовым программам; высокой нагрузкой на преподавательское сообщество в сочетании с ростом требований. В структурных подразделениях в рамках каждого направления подготовки и у каждого преподавателя проектной деятельности уже сложилась определённая модель организации управления проектным обучением. Её модификация с учётом новых требований Федеральной программы требовала новых затрат, что также вызвало определённое сопротивление.

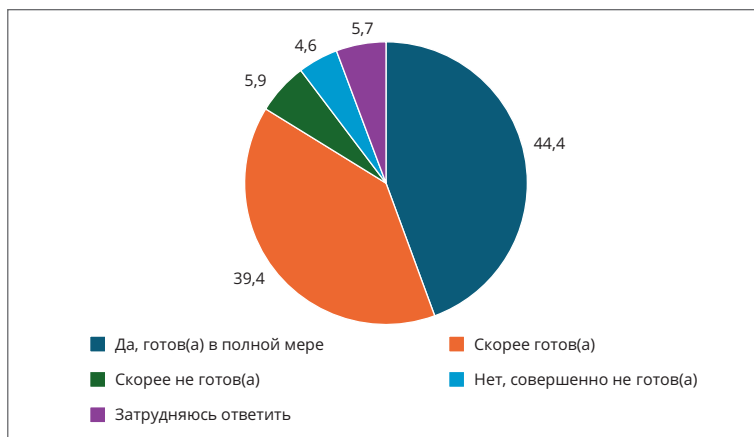

Рис. 3. Распределение ответов респондентов на вопрос: «Готовы ли Вы в будущем вновь участвовать в учебных мероприятиях, реализуемых в формате «Обучение служением»?».

Fig. 3. Distribution of respondents' answers to the question: "Are you ready to participate in training activities implemented in the Ministry Training of Service Learning format in the future?"

Готовность студентов к дальнейшему участию в Программе связана с возможностью субъектной позиции в проектной деятельности (возможность выбора проекта; замысла, способов реализации), качеством организации проектного процесса (коммуникация, консультации, открытость оценочных процедур), позицией преподавателя как руководителя проектной деятельности. Более половины респондентов (67,9%) заявили, что в проектной деятельности по треку «Обучение служением» преподаватели занимали «поддерживающую и вдохновляющую роль». Такая позиция даёт максимальный результат в проектной деятельности (образовательный и воспитательный) и позитивно сказывается на отношении студентов к реализуемому подходу. «Контролирующая и диктующая роль преподавателя» была отмечена 19,9% респондентов. Такая позиция негативно влияет на качество организации проектного процесса, а значит, и на отношение к нему. Наконец, «роль стороннего, пассивного наблюдателя» преподавателя отметили 6,5% респондентов, и именно они заявили о неготовности участия в дальнейшем в проектом подходе.

Достаточно высока готовность студентов, участвовавших в пилотном году в проектах трека «Обучение служением», к дальнейшей

работе в Программе (рис. 3). Но указанные детерминанты повлияли на наличие и негативного опыта, а далее и наличия среди респондентов не готовых к дальнейшей работе в треке.

Блок 2. Вовлечённость и субъектность.

Активная роль студенчества является важным условием формирования гражданской ответственности и осознанности возможностей служения обществу в рамках осваиваемых профессиональных компетенций. Большая часть студентов (75,5%) имели возможность выбора проекта. Исследование показало, что наличие выбора мало зависит от курса, уровня обучения, укрупнённого направления подготовки, а скорее связано с моделью организации проектной деятельности в конкретном структурном подразделении.

Работа со структурными подразделениями показала три основных способа формирования социального заказа:

- 1) информирование партнёров о новой Федеральной программе и возможности сформировать социальный заказ и привлечь к его выполнению студентов;
- 2) формирование проектной идеи и подбор социального партнёра среди верифицированных участников платформы Добро.ру;
- 3) отбор готовых социальных заказов, сформированных на платформе Добро.ру.

Таблица 3

Распределение ответов респондентов на вопрос: «Как бы вы определили характер вашего участия в реализации проекта?»

Table 3

Distribution of respondents' answers to the question: "How would you define the nature of your participation in the project?"

Курс, программа обучения	Варианты ответов	Доля, %
1 курс бакалавриата	Я участвовал(-а) в полном цикле проекта – от его замысла до реализации	44,8
	Преподаватель (заказчик) формулировал проблему, а я мог(-ла) выбрать только способы её решения	21,6
	Я был(-а) только исполнителем готовых заданий преподавателя (заказчика)	25,6
	Я числился(-лась) в проекте, но особо каких-либо задач не выполнял(-а)	7,2
2 курс бакалавриата	Я участвовал(-а) в полном цикле проекта – от его замысла до реализации	63,1
	Преподаватель (заказчик) формулировали проблему, а я мог(-ла) выбрать только способы её решения	19,0
	Я был(-а) только исполнителем готовых заданий преподавателя (заказчика)	10,7
	Я числился(-лась) в проекте, но особо каких-либо задач не выполнял(-а)	7,1
3 курс бакалавриата	Я участвовал(-а) в полном цикле проекта – от его замысла до реализации	61,8
	Преподаватель (заказчик) формулировал проблему, а я мог(-ла) выбрать только способы её решения	20,2
	Я был(-а) только исполнителем готовых заданий преподавателя (заказчика)	12,4
	Я числился(-лась) в проекте, но особо каких-либо задач не выполнял(-а)	3,4

Выбранный способ во многом влиял и на форму выбора проекта (для тех, кто имел такую возможность): 21% респондентов отметили, что выбор происходил на платформе Добро.ру, где осуществлялось знакомство с проектами, требующими компетенций конкретного направления подготовки; 26,2% присоединились к проектам, предложенным на ярмарке проектов, где участвовали сами заказчики; 52,8% опрошиваемых отметили, что проекты им были предложены преподавателями на занятиях.

Педагогический подход «Обучение служением» позволяет сформировать гражданскую позицию человека, выработать социальную ответственность за происходящие в обществе процессы, но всё это возможно только при высоком уровне вовлечённости и субъектности студентов. Так 49,3% респондентов заявили, что имели возможность участвовать в полном жизненном цикле проекта, от замысла до реализации; 21,6% – имели возможность выбора способа решения проблем, поставленных преподавателями и

социальными партнёрами. Однако 29,1% респондентов являлись лишь исполнителями, не имея возможности предлагать и выбирать способы, методы, мероприятия. Руководители проектной деятельности с большей готовностью предоставляют старшекурсникам действовать самостоятельно в проектной деятельности (табл. 3). При этом стоит отметить, что ряд преподавателей включают в проектные группы студентов разных курсов и даже уровней подготовки, предоставляя им разную степень автономии и участия. В этом случае студенты 1 курсов наблюдают возможности дальнейшего роста собственного «голоса» и самостоятельности по мере дальнейшего обучения. Однако в группах, где команды состоят только из студентов 1 курса и отсутствует инициатива, исполнительская позиция негативно сказывается на мотивации к развитию и воспитанию.

Блок 3. «Процесс реализации». Опыт, полученный респондентами в пилотном году проекта, позволяет оценить организацию отдельных компонентов программы и эле-

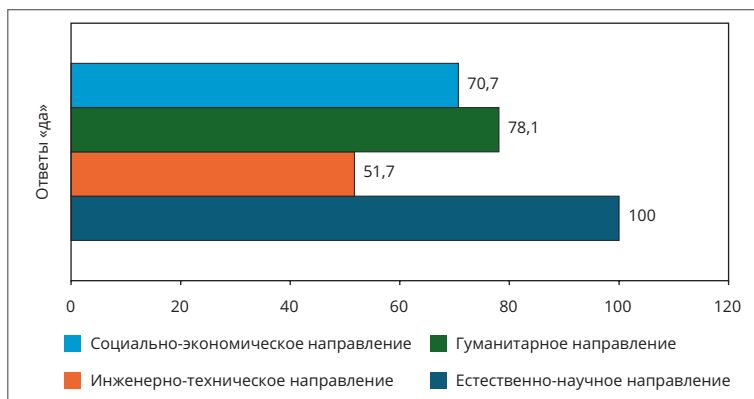

Рис. 4. Распределение положительных ответов респондентов различных укрупнённых направлений подготовки на вопрос: «Были ли проведены мероприятия, направленные на сплочение команды?». Fig. 4. Distribution of positive responses from respondents in various integrated training fields to the question: “Have any team-building activities been carried out?”.

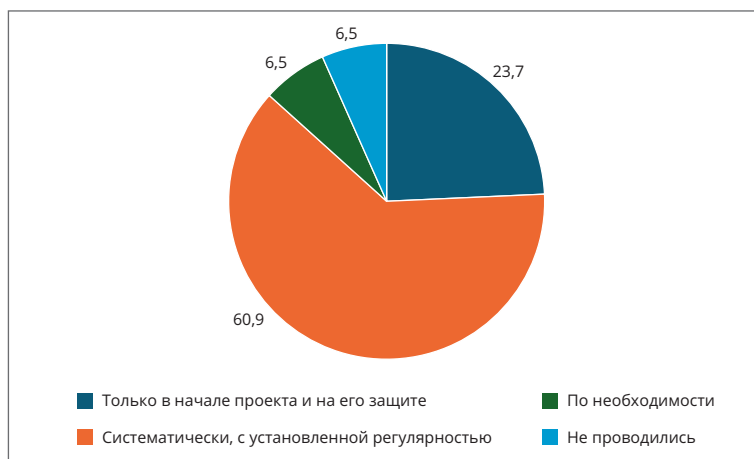

Рис. 5. Распределение ответов на вопрос: «Как часто проводились встречи с командой проекта?». Fig. 5. Distribution of answers to the question: “How often were meetings with the project team held?”.

ментов процесса. Большинство руководителей проектной деятельности достаточно большое внимание уделяют мероприятиям на сплочение команды: 71,4% респондентов отметили, что такая работа присутствовала. Анализ ответов студентов по направлениям подготовки позволяет говорить о необходимости уделять особое внимание такой работе на инженерно-технических направлениях подготовки (рис. 4).

Уровень сплочённости команды, регулярность их встреч и взаимодействия дифференцируется (рис. 5). Безусловно, не-

обходимость регулярной коммуникации в проекте зависит от многих факторов, в том числе и от характера самого проекта, отрабатываемых компетенций, модели управления проектной работой. Однако стоит заметить, что одной из компетенций проектной деятельности выступает именно командная работа. Сами студенты в дефицитах проектной работы, которые будут проанализированы далее, не раз отмечали именно отсутствие слаженной командной работы. Поэтому внимание руководителей проектной деятельности должно быть уси-

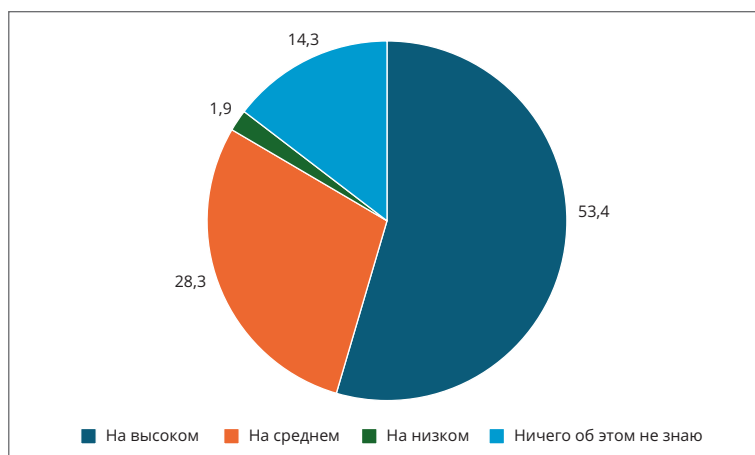

Рис. 6. Распределение ответов респондентов на вопрос: «Как Вы оцениваете коммуникацию с социальным партнёром?».

Fig. 6. Distribution of respondents' responses to the question: "How do you assess communication with a social partner?".

лено к методам формирования и сплочения команды.

Большинство студентов (67,7%), принявших участие в опросе, выполняли проекты по заказу внешних партнёров. Из них 25,6% респондентов впервые выполняли проекты, цели и задачи которых определял социальный партнёр. Оценить качество коммуникации Университета с партнёрами смогли не все студенты (рис. 6). Так 14,3% отметили, что не имеют об этом информации. Анализ показал, что все эти студенты заявили о том, что их роль сводилась к выполнению поставленных преподавателем задач. Безусловно, такой подход позволяет достигнуть ряда образовательных целей, в том числе отработать профессиональные компетенции, но закрывает многие из положительных эффектов программы: снижает возможность трудоустройства после реализации проектов, получить дополнительную мотивацию, кроме получения зачёта, отработать модели взаимодействия при выполнении реальных кейсов и т.п. Студенты, включённые в реальный процесс обсуждения технического задания и наделённые достаточным уровнем самостоятельности, оценивают коммуникацию с партнёром в целом на достаточно хорошем уровне.

Встречи с социальным партнёром в самом начале проекта проводили 15,4% респондентов, 47,7% – встречались с партнёрами по мере необходимости в течение всего проекта, а 36,9% респондентов организовывали подобные встречи на регулярной основе. Чаще всего регулярность коммуникации с социальными партнёрами отмечали те студенты, которые осуществляли заказ от социально-ориентированных организаций.

Важное воспитательное и образовательное значение имеет взаимодействие с благополучателями проекта. Встречи с целевой аудиторией позволяют осознать социальную значимость работы в проекте, учесть пожелания и запрос непосредственной аудитории. Они способствуют информированности студентов о проблемах местного сообщества, субъектах помощи, способах их смягчения и решения в пределах осваиваемой профессии. Взаимодействуя с благополучателями проектных результатов, студенты осознают результаты своего труда и социальную ответственность за происходящие в обществе процессы. Такую возможность имели 70,1% студентов.

Отличительная особенность проектной документации в рамках Федеральной про-

граммы – заведение паспорта проекта и отчёта о реализации на платформе Добро.ру. В июле 2023 г. на ней появилась возможность разместить социальный заказ от верифицированного партнёра в разделе «Обучение служением». В октябре студенты, зарегистрированные на сайте, смогли присоединиться к сформированному социальному заказу. В декабре 2023 г. для высших учебных заведений открылась возможность «завести» реализованные проекты в отдельной вкладке на Добро.ру под аккаунтом вуза. Подобная техническая возможность отражения проектной деятельности открывает широкие возможности для всех участников. Однако появление такой опции вызвало целый ряд сложностей. Во-первых, реализация проектов в Университете началась в октябре 2023 г., многие мероприятия и этапы были уже пройдены командами, но платформа не предполагала возможности отразить мероприятия, которые уже были реализованы. Во-вторых, завести большое количество проектов университета, масштабно подключившихся к реализации Программы под единым логином и паролем, не представлялось возможным, а создать аккаунты хотя бы для каждого структурного подразделения Университета было сложным и длительным. Отработка механизма размещения проектов на сайте представлялась весьма важной технической задачей для последующего этапа реализации Программы, поэтому часть проектов, которые реализовывались структурными подразделениями, имеющими свои аккаунты, размещалась самостоятельно проектными командами. Другая – размещалась координационной группой после получения заполненных форм и весьма в «лаконичном» формате. Именно технический компонент в реализации программы был наиболее сложным в пилотном году, по мнению координаторов Программы и руководителей проектной деятельности от структурных подразделений. Уровень автономности проектных команд от координационной группы в данном аспекте реализации был самым низким.

Именно поэтому в исследовательских задачах предполагалось выяснить включённость обучающихся в реализацию технического аспекта.

Были зарегистрированы на платформе 65% респондентов. Распределение зарегистрированных респондентов по укрупнённым направлениям подготовки выглядит следующим образом: гуманитарные – 67,4%; социально-экономические – 70,7%; естественно-научные – 64,3%; инженерно-технические – 55,2%. Но исследование показало, что в заведении проектов и отчётности на сайт студенты не участвовали. Эту техническую задачу выполнял преподавательский состав.

Платформа Добро.ру предполагает на сегодняшний день вести на регулярной основе документацию проекта, отражая не только паспорт и отчёт, но и текущие мероприятия проекта. Регламент реализации проектной деятельности в ЮФУ предполагал обязательное предоставление отчёта проектной деятельности, позволяющего оценить успешность проекта (достижение количественных и качественных показателей). Проекты «Обучения служением» имеют огромный потенциал для выстраивания индивидуальной траектории развития студента, рефлексии его относительно сложностей, достижений, зоны собственного ближайшего развития. Для этого, наряду с командной документацией (паспорт и отчёт проекта), стоит вводить и индивидуальные дневники проекта. Они могут позволить максимально восстановить процесс реализации проекта. Индивидуальные дневники проекта вели 81,7% студентов, но регулярность их ведения отметили только 50,1% студентов.

Блок 4. «Рефлексия и перспектива». Для достижения воспитательных и образовательных задач подхода крайне важное значение имеет рефлексия. Для большинства студентов ЮФУ проводились специальные мероприятия по осмыслению полученного опыта, но каждый четвёртый (28,8%) не имел подобной возможности. Осмысление опыта, его обобщение, соотнесение с личностными

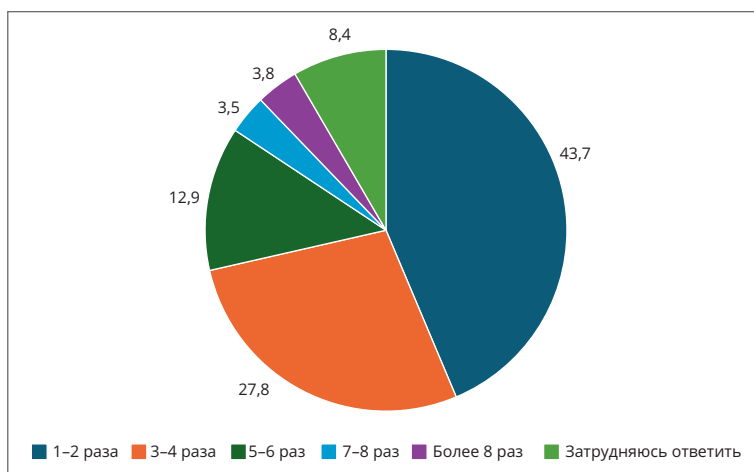

Рис. 7. Распределение ответов респондентов на вопрос: «Сколько раз в семестр проводились рефлексивные мероприятия, связанные с реализацией учебной деятельности в рамках обучения служением?».

Fig. 7. Distribution of respondents' responses to the question: "How many times per semester were reflective activities related to the implementation of educational activities within the framework of service learning?".

изменениями и профессиональным ростом должно проходить на регулярной основе. И 38,5% респондентов отметили, что имели такую возможность в процессе реализации проектов. Для 43,3% рефлексивные мероприятия проводились после работы проектной команды. Проектный трек «Обучение служением» реализуется в ЮФУ с октября по апрель. Анализ опыта студентов показывает, что количество рефлексивных мероприятий в этот период очень отличается (рис. 7). Анализ ответов респондентов, обучающихся по различным образовательным программам, и характера их проектной деятельности позволяет утверждать, что регулярные рефлексивные мероприятия более характерны для студентов гуманитарного и социально-экономического направления подготовки, задействованных в работе, предполагающей непосредственный контакт с благополучателями (целевой аудиторией проекта). Это – дефектологи, социальные работники, педагоги различных профилей подготовки, психологи.

В ходе рефлексивных мероприятий педагоги затрагивают темы осмысления «граж-

данской активности и ответственности» (23,2%), «личностного развития» (34,8%), «взаимосвязи обучения служением и профессионального развития» (36,9%), «полезности результатов проекта для решения общественно значимых проблем» (37,5%). Помощь, поддержка и совместное обсуждение крайне необходимы для успешной реализации подхода.

Респондентам предлагалось перечислить основные сложности в период подготовки, реализации и отчёта по проекту. О наличии таковых заявили 25,3% студентов. Среди дефицитов – «отсутствие опыта» (6,2%), «низкая сплочённость команды» (5,9%), «нехватка времени» (5,1%), «оформление документов, отчёта и положений» (3,2%), «поиск нужной информации» (2,4%), вопросы по организации работы (1,3%), «низкий бюджет» (1,1%).

В целом, студенты Южного федерального университета высоко оценили участие в программе «Обучение служением» (на 5 и 4 балла по 5-балльной шкале – 69%). 83,8% респондентов отметили, что «в полной мере» или «вполне готовы» к дальнейшему участию

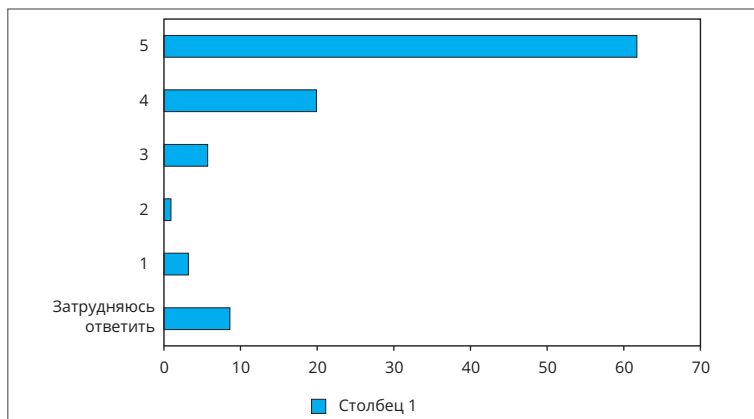

Рис. 8. Распределение ответов респондентов на вопрос: «Как Вы оцениваете социальную значимость подхода «Обучение служением» в проектной деятельности ЮФУ (по 5-балльной шкале)?».

Fig. 8. Distribution of respondents' answers to the question: "How do you assess the social significance of the Service Learning approach in the project activities of the SFU (on a 5-point scale)?".

в проектном треке «Обучение служением». Однако именно студенты, не участвовавшие в рефлексивных мероприятиях, показали низкую удовлетворённость программой (от 1 до 3) и низкую готовность вновь участвовать в программе (73,8% из не участвовавших в рефлексивных мероприятиях «совершенно не готовы» или «скорее не готовы» к этому).

Среди основных результатов: «новые профессиональные компетенции» (52,3%); «опыт социального проектирования» (64,2%); «опыт работы с социальным заказчиком» (39,4%); «новые знакомства» (39,4%); «общественное признание» (13,7%).

Достаточно высоко оценена и социальная значимость подхода «Обучение служением». При этом самый низкий уровень оценки (от 1 до 3) также показали студенты, не имевшие возможности участвовать в выборе проекта и способа решения проблемы, не коммуницировавшие с социальным партнёром и целевой аудиторией и не участвовавшие в рефлексивных мероприятиях (рис. 8).

Выводы

Опыт высшего учебного заведения в организации проектной деятельности студентов, наличие в образовательных программах всех направлений подготовки модуля про-

ектной деятельности, включающего дисциплину, направленную на формирование проектных компетенций, и проектов, предполагающих решение реальных задач с помощью профессиональных компетенций, создают благоприятные условия для форсированного и массового применения подхода «Обучение служением». Однако указанный опыт может повлечь и определённый риск, заключающийся в попытке упрощения структуры и принципов педагогического подхода «Обучение служением». Для его минимизации необходимо проводить информирование административного персонала, профессорско-преподавательского состава и студентов о сути, основных принципах и специфике педагогического подхода «Обучение служением». При этом особое внимание необходимо уделять таким условиям достижения образовательных и воспитательных результатов как: наличие выбора и деятельного участия студенчества на всех этапах работы над проектом; поддерживающая и наставническая позиция руководителя проектной деятельности; наличие опыта взаимодействий с социальным партнёром и целевой аудиторией; повышенное внимание к сплочению и работе в команде; автономия студентов в формировании документации

на сайте Добро.рф; регулярная рефлексия проводимой деятельности.

Информационное сопровождение должно вестись в течение всего учебного года. Особое внимание следует обратить на потенциал студенческих объединений, клубов, сообществ в распространении ценностей подхода и разъяснении его специфики. Необходимо поддерживать разнообразие каналов получения информации. Важное значение имеет знакомство с проектными кейсами «Обучения служением», реализованными студентами различных направлений подготовки.

Для достижения максимальных воспитательных и образовательных задач важно включить в программы подготовки профессорско-преподавательского состава, осуществляющего руководство проектной деятельности тем, освещающих роль субъектности студентов в реализации подхода, технологии командообразования, основы коммуникации с социальными партнёрами, целевой аудиторией и проектными командами, технологий и методов тьюторского сопровождения проектов, рефлексии. Для профессорско-преподавательского состава естественно-научных и инженерно-технических направлений необходимо проведение информационных и методических встреч, затрагивающих вопросы возможных «социальных эффектов» в проектной деятельности их направлений подготовки.

Особое внимание в дальнейшем развитии Федеральной программы следует уделить технической возможности формирования личного кабинета для лидеров проектных команд в аккаунте образовательной организации. Такая возможность позволит студенческим командам быть автономными в техническом сопровождении проектной деятельности, отработать цифровые компетенции.

Необходимо поддерживать многообразие проектных предложений. В пул предлагаемых для решения задач необходимо включать проекты, требующие работы монокоманд и команд студентов различных

направлений подготовки. Целесообразно подключать к программе не только традиционных партнёров, но и новых социальных заказчиков. Предложение, формируемое для студентов, должно включать как географически удалённых социальных партнёров, коммуникация и проекты, с которыми предполагают онлайн-работу, так и социальных партнёров местного сообщества, позволяющих ощутить возможность личного вклада в развитие территории. Важно создать условия для выбора студентами проблем социальных партнёров, возможности участия в формировании проектной идеи и выборе способов и методов её решения под руководством руководителя проектной деятельности, более опытных участников проектных команд, социальных партнёров.

Учитывая специфику проектов в рамках некоторых направлений подготовки, необходимо особое внимание уделять рефлексивным мероприятиям, посвящённым связи индивидуальных видов заданий и общей цели проекта, личному вкладу и командным результатам.

Для развития коммуникативных навыков, умения работать в реальном социальном пространстве, формирования социальной и профессиональной ответственности необходимо предоставить студентам участие в коммуникации с социальными партнёрами и целевой аудиторией проекта. Особое внимание стоит уделить проектам естественно-научных и инженерно-технических направлений подготовки. Рефлексивные мероприятия должны включать визуализацию социальных эффектов проектной деятельности.

Для развития мотивации студентов к освоению профессиональных компетенций, рефлексии и отслеживанию индивидуальных достижений и дефицитов требуется дополнить командную документацию платформы Добро.ру индивидуальными отчётами/дневниками, добиваться регулярного заполнения документации.

Особое внимание в сопровождении масштабирования подхода стоит уделять при-

знанию и поощрению профессорско-преподавательского состава, осуществляющего руководство и наставничество проектов. Важно поддерживать и мотивировать студентов, реализующих проекты с соблюдением всех принципов и требований. В том числе необходимо информировать о возможностях дальнейшего развития проектов, участия в конкурсных и грантовых программах.

Заключение

На основе выводов необходимо отметить, что исследование имеет ряд ограничений, в первую очередь теоретико-методологических, которые не влияют на выводы и возможность достижения поставленных в программе целей. Дизайн исследования учитывал специфику стартовых условий внедрения подхода в условиях крупного, многопрофильного высшего образовательного учреждения, включающего в Федеральную программу достаточно большое количество студентов. Поэтому предполагаемые риски, служившие основой для выдвижения гипотез исследования, будут характерны именно для таких стартовых условий, а сделанные выводы и рекомендации будут весьма конструктивными именно для крупных многопрофильных учреждений, осуществляющих подготовку по естественно-научным, инженерно-техническим, социально-экономическим и гуманитарным направлениям с использованием рассматриваемого подхода. Опасность упрощения методологии «Обучение служением», описываемой в статье, характерна для образовательных организаций, имеющих богатый опыт применения проектных методов в формировании профессиональных компетенций, что также влияет на круг возможной экстраполяции. Определённые ограничения имеет избранный тип выборки, который позволяет представить специфику реализации подхода в пределах условно выделенных укрупнённых групп. Такой подход позволил дать ряд рекомендаций по дальнейшей организации

подхода. Однако проследить значимые закономерности в пределах реализации подхода для конкретного направления подготовки естественно-научных и инженерно-технических групп не представлялось возможным ввиду малочисленности респондентов. Это намечает перспективы для будущих исследований. Авторы испытывали сложности, анализируя ответы обучающихся на вопросы, связанные с их готовностью к профессиональному служению, поскольку информация, имеющая место быть в открытом доступе, в большинстве случаев касается педагогов, психологов, социальных работников, т.е. представителей «помогающих профессий». Данный факт, хотя и ограничивает возможность полного обобщения выводов, но представляет собой основу для будущих исследований. Отсутствие количественных данных по схожей тематике не позволило авторам сделать выводы о схожести или, напротив, уникальности дефицитов с другими высшими учебными заведениями, находящимися в ситуации пилотного внедрения педагогического подхода.

Выводы и рекомендации, сделанные авторами будут полезны для координаторов «Обучения служением» в крупных многопрофильных учреждениях высшего образования, которые осуществляют подготовку профессиональных кадров по естественно-научным, инженерно-техническим, социально-экономическим и гуманитарным специальностям. Для таких учреждений существует риск упрощения методологии педагогического подхода «Обучение служением» из-за имеющегося опыта применения проектных методов обучения в формировании профессиональных компетенций обучающихся.

Литература

1. Михалева Т.М. «Обучение служением» в реализации третьей миссии университета // Национальная система квалификаций России. 2023. № 1. С. 38–44. URL: https://journal.nark.ru/upload/iblock/fdc/vvtgeb7zwfo7xopzza6mo7wyhjgsbu/NSK_5.pdf (дата обращения: 15.07.2024).

2. Печегина Т., Яшина А. «Обучение служением»: мировой тренд приходит в Россию // Позитивные изменения. 2023. Т. 3. № 3. С. 15–25. DOI: 10.55140/2782–5817- 2023-3-3-15–25
3. Обучение служением: ключевые результаты исследования зарубежного опыта: доклад к XXIV Ясинской (Апрельской) междунаро. научн. конференции по проблемам развития экономики и общества, Москва, 2023 г.: рук. авт. кол. Д.И. Земцов. М.: Изд. дом. Высшей школы экономики, 2023. 24 с. ISBN 978-5-7598-2788-7. EDN: QIPQVB.
4. Phillips, A. Service learning and Social Work Competency-Based Education: A “Goodness of Fit”? // *Advances in Social Work*. 2011. Vol. 12, no. 1, pp. 1–20, DOI: 10.18060/1318
5. Jacoby B. Service learning Essentials: Questions, Answers, and Lessons Learned. San Francisco, CA: Jossey-Bass Higher and Adult Education, 2015. 352 p. ISBN: 9781118627945.
6. Багдасарян В.Э. Педагогические системы: цивилизационно-ценностные основания: монография. Ярославль: ИПК Индиго, 2023. 418 с. ISBN: 978-5-91722-353-1.
7. История педагогики и образования: от зарождения воспитания в первобытном обществе до конца XX века: под ред. А.И. Пискунова. М.: ТЦ Сфера, 2001. 512 с. ISBN 5-89144-142-X.
8. Kenny M.E., Gallagher L.A. Service learning: A History of Systems // Learning to Serve. Outreach Scholarship. 2002. Vol. 7: by ed. M.E. Kenny, L.A.K. Simon, K. Kiley-Brabeck, R.M. Lerner. Springer, Boston, MA. DOI: 10.1007/978-1-4615-0885-4_2
9. Захарова Е.А., Бодренкова Г.П., Попова А.А., Захаров И.Г. Service learning – обучение действием. М.: Фонд «Созидание», 2006. 164 с. ISBN 5-9900813-1-6.
10. Никольский В.С. Обучение служением в России: становление предметного поля // Высшее образование в России. 2023.Т. 32. № 12. С. 9–28. DOI: 10.31992/0869-3617–2023-32-12-9-28
11. Дейкова Л.А. Программа «Обучение служением» в российских вузах – истоки и перспективы // Лучшие практики победителей Всероссийского конкурса «Золотые имена высшей школы». Сборник статей участников VI Национальной научно-практической сессии: отв. ред. Е.В. Ляпунцова, Ю.М. Белозёрова. М.: Образование пресс, 2023. С. 80–86. EDN: FURBCA.
12. Обучение служением: метод. пособ.: под ред. О.В. Решетникова, С.В. Тетерского. М.: АБЦ, 2020. 216 с.
13. Проектное обучение: практики внедрения в университетах: под ред. Л.А. Евстратовой, Н.В. Исaeвой, О.В. Лешукова. М.: Издат. дом НИУ ВШЭ, 2018. 154 с. URL: <https://publications.hse.ru/pubs/share/direct/376211321.pdf> (дата обращения: 15.07.2024).
14. Tietjen L.L. Service learning pedagogy in teacher education: An examination of individual and group experiences, 2016. URL: <https://core.ac.uk/download/pdf/77977684.pdf> (дата обращения: 15.07.2024).
15. Valencia-Forrester, F., Patrick, C. J., Webb, F., Backhaus, B. Practical aspects of service learning make work-integrated learning wise practice for inclusive education in Australia // *International Journal of Work-Integrated Learning*. 2019. Vol. 20, no. 1, pp. 31–42. URL: <https://files.eric.ed.gov/fulltext/EJ1206987.pdf> (дата обращения: 15.07.2024).
16. Matzembacher D.E., Gonzales R.L., Nascimento L.F.M. From informing to practicing: Students’ engagement through practice-based learning methodology and community services// *The International Journal of Management Education*. 2019. Vol. 17. No. 2. P. 191–200. DOI: 10.1016/j.ijme.2019.03.002

Статья поступила в редакцию 12.08.2024

Принята к публикации 10.09.2024

References

1. Mikhaleva, T.M. (2023). “Service learning” in the implementation of the university mission. *Nacional’naya sistema kvalifikacij Rossii = National system of qualifications of Russia*. Vol. 1, no. 1, pp. 38–44. Available at: https://journal.nark.ru/upload/iblock/fdc/vvtegb7zw-fo7xopzzad6mo7wyhjgsbu/NSK_5.pdf (accessed: 15.07.2024). (In Russ.).
2. Pechegina, T. Yashina, A. (2023). Service Learning: Global Trend Comes to Russia. *Pozitivnye izmeneniya = Positive Changes*. Vol. 3, no. 3, pp. 15–25, doi: 10.55140/2782–5817- 2023-3-3-15–25 (In Russ., in Eng.).

3. Zemtsov D.I. (2023). *Service learning: key results of a study of foreign experience*. [Report to the XXIV Yasin (April) International Academic Conference on Problems of Economic and Social Development. M.: Publishing House of the Higher School of Economics, 24 p. ISBN 978-5-7598-2788-7 Available at: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_51683938_77377450.pdf (accessed: 15.07.2024). (In Russ.).
4. Phillips, A. (2011). Service learning and Social Work Competency-Based Education: A “Goodness of Fit”? *Advances in Social Work*. Vol. 12, no. 1, pp. 1-20, doi:10.18060/1318
5. Jacoby, B. (2015). *Service Learning Essentials: Questions, Answers, and Lessons Learned*. San Francisco, CA: Jossey-Bass Higher and Adult Education, 352 p. ISBN: 978-1-118-62794-5.
6. Bagdasaryan, V.E. (2023). *Pedagogical Systems: Civilizational and Value Foundations: Monograph*. Yaroslavl: IPK Indigo, 418 p. ISBN: 978-5-91722-553-1 (In Russ.).
7. Piskunov A.I. (Ed.). (2001). *History of Pedagogy and Education: From the Origin of Education in Primitive Society to the End of the Twentieth Century*. M.: TC Sfera, 512 p. ISBN 5-89144-142-X (In Russ.).
8. Kenny, M.E., Gallagher, L.A. (2002). Service learning: A History of Systems. In: Kenny, M.E., Simon, L.A.K., Kiley-Brabeck, K., Lerner, R.M. (eds.). *Learning to Serve. Outreach Scholarship*, Vol. 7. Springer, Boston, MA, doi: 10.1007/978-1-4615-0885-4_2
9. Zaharova, E.A., Bodrenkova, G.P., Popova A.A., Zaharov, I.G. (2006). *Service Learning – Obuchenie dejstviem*. [Service Learning as Action Learning]. M.: Fond “Sozidanie”, LLC Kompaniya “Assistant”, 2006. 164 p. ISBN: 5-9900813-1-6 (978-5-9900813-1-4) (In Russ.).
10. Nikolskiy, V.S. (2023). Service Learning in Russia: Scoping Review. *Vysshee obrazovanie v Rossii = Higher Education in Russia*. Vol. 32, no. 12, pp. 9-28, doi: 10.31992/0869-3617-2023-32-12-9-28 (In Russ., abstract in Eng.).
11. Deikova, L.A. (2023). The programme «service learning» in Russian universities – origin and perspectives. In: Lyapunsova, E.V., Belozerova, Yu.M. (eds.). *Best practices of the winners of the All-Russian competition “Golden Names of Higher School”: Proc. of the VI National Scientific and Practical Session*. M.: Education press, pp. 80-86. Available at: https://elibrary.ru/download/elibrary_65376753_93491647.pdf (accessed: 15.07.2024). (In Russ., abstract in Eng.).
12. Reshetnikov, O.V., Tetersky, S.V. (2020). *Service Learning: A Methodological Manual*. M.: AVC, 216 p. Available at: https://www.minobrnauki.gov.ru/files/Metodicheskoe_posobie_Obuchenie_sluzheniem.pdf (accessed: 15.07.2024) (In Russ.).
13. Evstratova, L.A., Isaeva, N.V., Leshukov, O.V. (2018). *Project-Based Learning: Implementation Practices in Universities*. M.: Publishing House of the National Research University Higher School of Economics, 154 p. Available at: <https://publications.hse.ru/pubs/share/direct/376211321.pdf> (accessed: 15.07.2024). (In Russ.).
14. Tietjen, L.L. (2016). *Service Learning Pedagogy in Teacher Education: An Examination of Individual and Group Experiences*. Available at: <https://core.ac.uk/download/pdf/77977684.pdf> (accessed: 15.07.2024).
15. Valencia-Forrester, F., Patrick, C. J., Webb, F., Backhaus, B. (2019). Practical aspects of service learning make work-integrated learning wise practice for inclusive education in Australia. *International Journal of Work-Integrated Learning*. Vol. 20, no. 1, pp. 31-42. Available at: <https://files.eric.ed.gov/fulltext/EJ1206987.pdf> (accessed: 15.07.2024).
16. Matzembacher, D.E., Gonzales, R.L., Nascimento, L.F.M. (2019). From informing to practicing: Students’ engagement through practice-based learning methodology and community services. *The International Journal of Management Education*. Vol. 17, no. 2, pp. 191-200, doi: 10.1016/j.ijme.2019.03.002

The paper was submitted 12.08.2024

Accepted for publication 10.09.2024

«Обучение служением» или “Service Learning”? Дискуссия о концептуальных основаниях педагогического подхода

Научная статья

DOI: 10.31992/0869-3617-2024-33-8-9-84-94

Никольский Владимир Святославович – д-р филос. наук, профессор, главный редактор журнала «Высшее образование в России», SPIN-code: 7196-8065, ORCID: 0000-0002-4290-1443, v.s.nikolskij@mospolytech.ru

Московский политехнический университет, Москва, Россия

Адрес: 107023, г. Москва, ул. Б. Семёновская, 3

***Аннотация.** Статья вносит вклад в дискуссию об истоках педагогического подхода «Обучение служением». Рассматривается полемика вокруг отождествления понятий «Обучение служением» и «Service Learning». Автор приходит к ряду выводов. Можно констатировать первенство СССР по отношению к США в практике внедрения подхода, требующего интеграции общественно полезного труда и высшего образования. Подход «Service Learning» стал заметной частью университетского ландшафта в мире в силу того, что действенность подхода была обоснована в ходе многочисленных научных исследований. Некорректно говорить о простом тождестве отечественного обучения служением и западного подхода в силу большого разнообразия существующих моделей реализации. Говоря об интеллектуальных основах обучения служением, следует наравне с Дж. Дьюи упоминать К.Д. Ушинского. Таким образом, принимая во внимание сходство с точки зрения теории и методологии обучения служением и Service Learning, отечественный подход имеет национальные историко-культурные и теоретические корни и специфические черты.*

***Ключевые слова:** обучение служением, Service Learning, проектное обучение, общественно полезный труд, гражданское обучение, высшее образование*

***Для цитирования:** Никольский В.С. «Обучение служением» или “Service Learning”? Дискуссия о концептуальных основаниях педагогического подхода // Высшее образование в России. 2024. Т. 33. № 8-9. С. 84–94. DOI: 10.31992/0869-3617-2024-33-8-9-84-94*

“Obuchenie Sluzheniem” or “Service Learning”? A Discussion on the Conceptual Foundations of the Pedagogical Approach

Original article

DOI: 10.31992/0869-3617-2024-33-8-9-84-94

Vladimir S. Nikolskiy – Dr. Sci. (Philosophy), Professor, Chief Editor of the Journal of “Higher Education in Russia”, SPIN-code: 7196-8065, ORCID: 0000-0002-4290-1443, v.s.nikolskij@mospolytech.ru

Moscow State Polytechnic University, Moscow, Russian Federation

Address: 38, B. Semenovskaya str., Moscow, 107023, Russian Federation

Abstract. This article contributes to the debate on the origins of the Service Learning pedagogical approach. It examines the controversy surrounding the identification of «Obuchenie Sluzheniem» and «Service Learning». The author comes to a number of conclusions. It is possible to state the superiority of the USSR in relation to the USA in the practice of introducing the approach requiring the integration of socially useful work and higher education. The Service Learning approach has become a significant part of the university landscape in the world, as the effectiveness of the approach has been proven in the course of numerous scientific studies. It is not correct to speak of a simple identity between indigenous service learning and the Western approach because of the great variety of existing implementation models. When talking about the intellectual foundations of Service Learning, K.D. Ushinsky should be mentioned along with J. Dewey. Thus, taking into account the similarities in terms of the theory and methodology of Obuchenie sluzheniem and Service Learning, the domestic approach has national historical-cultural and theoretical roots and specific features.

Keywords: Obuchenie sluzheniem, Service Learning, project-based learning, community service, civic education, higher education.

Cite as: Nikolskiy, V.S. (2024). “Obuchenie Sluzheniem” or “Service Learning”? A Discussion on the Conceptual Foundations of the Pedagogical Approach. *Vysshee obrazovanie v Rossii = Higher Education in Russia*. Vol. 33, no. 8-9, pp. 84-94, doi: 10.31992/0869-3617-2024-33-8-9-84-94 (In Russ., abstract in Eng.).

Введение

По отношению к педагогическому подходу «Обучение служением» в российской академической среде сформировались две радикально противоположные позиции. Часть наших коллег принимает версию его зарубежного происхождения, утверждая, что термин «Обучение служением» – ни что иное как калька с англоязычного *Service Learning*, а сам подход является ничем иным как адаптацией зарубежного подхода в российских условиях. Порой для пояснения того, что такое обучение служением в скобках добавляют *Service Learning*, полагая, по

всей видимости, что этого достаточно для объяснения сути вопроса. Примеров этому довольно много [1–3]. Согласно второй точки зрения, обучение служением является отечественной педагогической инновацией, а данный подход традиционно характерен для российского образования и известен в нашей стране со времён СССР или даже императорской России [4].

Действительно ли это так? Правда ли, что заслуга разработки и распространения этого подхода всецело принадлежит нашим зарубежным коллегам? Или ситуация сложнее, чем кажется? Для того, чтобы распутать этот

клубок противоречий, обратимся к истории появления этого термина и выясним, где и при каких социокультурных условиях впервые появился термин, и какие события оказали значимое влияние на появление этого педагогического подхода. Далее проследим его развитие и распространение и перейдём к вопросу о том, кому принадлежит заслуга выработки теоретических оснований? И, наконец, в финале представим нашу версию ответа на вопрос о том, можно ли обучение служением приравнять к *Service Learning*, а термин «Обучение служением» назвать калькой англоязычного понятия.

Приключение идей

Что известно о происхождении термина *Service Learning*? Прежде всего то, что он был предложен Робертом Сигмоном и Уильямом Рэмси в 1967 г. для обозначения стажировки, сочетающей образовательное развитие и удовлетворение насущных человеческих потребностей в форме общественных работ¹. Правда, в 1979 г. сам Сигмон с иронией заметил, что авторство термина неизвестно, как неизвестно авторство рождественских гимнов [5]. Однако в американской историографии Роберт Сигмон остался пионером этой практики и автором термина *Service Learning*. В то время речь, по сути, шла о *Community Service Learning*, то есть об обучении через общественные работы [6]. Со временем общественные работы в США стали ассоциироваться преимущественно с принудительным наказанием, и по этой причине риторика изменилась. Впрочем, специализированный журнал до сих пор называется *Michigan Journal of Community Service Learning*². На начальном этапе данный подход не предполагал ни рефлексивного осмыс-

ления опыта как обязательного компонента, ни проектного подхода как формы реализации [7]. Таким образом, появившаяся в середине 1960-х гг. практика лишь довольно примитивно включала общественные работы в образовательный процесс в виде неких усилий в пользу местных сообществ.

В нашем случае интересен контекст появления термина, так и контекст его политической поддержки. *Service Learning* во второй половине 60-х явился частью волонтерской программы «Добровольцы на службе Америке» (*Volunteers in Service to America, VISTA*), которая в свою очередь получила жизнь по инициативе президента США Линдона Джонсона по борьбе с бедностью. В этой связи, не может не заинтересовать вопрос о том, какие события оказали определяющее воздействие на образовательную политику и педагогическое сообщество в те годы в США. С одной стороны, внутренние проблемы, связанные с бедностью, борьбой за гражданские права чернокожего и коренного населения Америки, война во Вьетнаме и широкое общественное движение протеста в этой связи. С другой, влияние, о котором нельзя не упомянуть – это так называемый шок от Спутника. Запуск в 1957 г. искусственного спутника Земли Советским Союзом привёл в сильное замешательство как правительственные органы, педагогическое сообщество так и простых граждан США. В результате была открыта горячая, и часто довольно жёсткая дискуссия о качестве американского образования в сравнении с советским. Достаточно привести в качестве примера нашумевшую публикацию в марте 1958 г. в журнале *Life*³, сравнивающую повседневную жизнь, увлечения и образование двух молодых людей в СССР и США.

¹ Annotated History of Service-Learning: 1862-2002 By Peter Titlebaum, Gabrielle Williamson, Corinne Daprano, Janine Baer & Jayne Braehler from the University of Dayton https://web.archive.org/web/20080517121204/http://servicelearning.org/filemanager/download/142/SL%20Comp%20Timeline%203-15-04_rev.pdf (дата обращения: 10.09.2024).

² Michigan Journal of Community Service Learning. URL: <https://journals.publishing.umich.edu/mjcs/>

³ Материал доступен в оригинале (https://books.google.ru/books?id=PIYEAAMBAJ&pg=PA26&source=gbs_toc_r&redir_esc=y#v=onepage&q&f=false) и на русском языке <https://life.ru/p/1504122>

В результате был начат небывалый обмен педагогическими знаниями, и даже возник термин «образовательная гонка», наряду с гонкой вооружений и космической гонкой [8]. США организовали несколько педагогических делегаций, которые в течение ряда лет отыскивали «бенчмарки» – лучшие практики советской педагогики. В этих целях в 1958 г. в США начали публиковать журнал «Советское образование» (*Soviet Education*). Этот журнал публикуется до наших дней под названием «Российское образование и общество» (*Russian Education and Society*). Первая статья первого же номера этого журнала называлась «Подготовка к жизни – самая важная цель Молодёжной коммунистической лиги» [9]. В статье отмечается, что в последние годы комсомол начал оказывать активную помощь в укреплении связей школ с жизнью, привлечении студентов к продуктивной работе и улучшении идеологической и политической подготовки молодёжи. Не менее примечательно, что в следующем номере опубликована статья самого Никиты Сергеевича Хрущева [10], в которой излагались основные принципы законопроекта «Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в СССР» [11]. Этот закон был принят в 1958 г. и своей направленностью на единство обучения и общественной пользы значительно опередил и появление *Service Learning* в 1967 г., и внедрение на Западе в высшее образование проектного и проблемного обучения в конце 60-х – начале 70-х гг.

В следующих номерах журнала *Soviet Education* раскрывалась та специфика советского образования, которая, как тогда считалось в США, привела к технологическому превосходству СССР, и о которой писал ещё Дьюи после посещения Советской России в 1928 г. – всеобщий интерес к образованию и увлечённость идеей общественно полезного

труда как неотъемлемой части образования [12]. Именно этот замысел, связывающий труд на благо общества и образование, впоследствии лёг в основу *Service Learning*.

Вернёмся к новому советскому закону, который был специально посвящён интеграции образования и общественно полезного труда. Здесь особенно примечательна статья 28: «Подготовку специалистов в высших учебных заведениях проводить на базе полного среднего образования на основе соединения обучения с общественно полезным трудом. Конкретные формы соединения обучения с практикой, с трудом должны определяться в зависимости от профиля вуза, от состава студентов, а также от национальных и местных особенностей»⁴.

Какое отношение этот закон имеет к теме обучения служением? Параллели, на наш взгляд, очевидны. Сама суть подхода заключается в единстве общественно полезного труда и образовательной программы, то есть в развитии профессиональных навыков через применение знаний, полученных во время обучения в вузе, для решения насущных социальных задач. Здесь необходимо уточнить, что в СССР под общественно полезным трудом понимался прежде всего профессиональный труд на предприятиях народного хозяйства, что отличается от *Community Service* в США, но суть педагогического подхода от этого не меняется – студенты во время обучения должны развивать профессиональные компетенции, работая во благо страны и её граждан. Общественная активность и профессиональная деятельность рассматривались, прежде всего, как служение своей Родине. И это несомненно контрастировало с общественными работами и услугами в рамках *Service Learning*.

Советская система образования была основана на идеологии коммунизма, которая продвигала коллективизм и общественную ответ-

⁴ Закон СССР от 24.12.1958 «Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в СССР». URL: <https://e-ecolog.ru/docs/HMPSfpGLyuH-25VyvGau4?ysclid=mlfa576l2g637845904>

ственность. В этом контексте служение воспринималось как естественный долг каждого гражданина, встроенный в систему государственных ценностей. Кроме этого, надо понимать, что гражданское общество существовало в СССР в весьма специфических условиях. Это довольно сложная тема, требующая отдельного рассмотрения. Для данного исследования важно понимать специфику. Участие граждан СССР в общественных объединениях нельзя напрямую сравнивать с институтами гражданского общества США тех лет.

На уровне школьного образования практики интеграции труда и обучения были известны как в СССР, так и в США задолго до Закона 1958 г. в СССР и появления *Service Learning* в 1967 г. в США, но не в высшем образовании.

Таким образом, первенство внедрения подхода интегрирующего общественно полезный труд в образовательные программы высшего образования принадлежит Советскому Союзу.

Времена всегда одинаковые?

Продолжая дискуссию, возникает закономерный вопрос, если советская педагогика уже активно использовала педагогику служения, то оказала ли она влияние на возникновение *Service Learning*? Нам не удалось найти прямых доказательств такого влияния, и мы можем вслед за Робертом Сигмоном сказать, что авторство неизвестно. Даже в его биографии эту связь нам обнаружить не удалось⁵. Важно другое. Появившись, и даже будучи поддержанной правительственной программой, *Service Learning* не получил широкого распространения, оставаясь уделом энтузиастов, каким и был Сигмон. Некоторые вузы юго-востока США время от времени включали в свои программы *Service Learning*, но не более того. По всей видимости, для широкого распространения в то время ещё не

сформировались условия. Лишь в 1985 г. несколько университетов создали объединение под названием *Campus Compact*, и с этого момента началась новая история интеграции общественного служения и высшего образования.

Справедливости ради надо сказать, что и для реализации советского закона тоже были не лучшие времена. Полноценной и широкомасштабной интеграции обучения и общественно полезного труда не произошло. В ряде вузов не хватило материальной базы и связей с предприятиями, и в конце 60-х и в 70-е гг. работы по воплощению в жизнь основных положений закона были свёрнуты.

Возникновение *Service Learning* во второй половине 60-х гг. можно назвать отдельной и довольно краткосрочной попыткой в США обратить внимание университетов на решение внутренних социальных проблем, далёких от международных проблем. Советский же проект связи образования с жизнью имел несколько более долгую историю и сохранился в образовательных программах некоторых учебных заведений, однако, не был полноценно востребован.

В середине 1980-х гг. внимание к *Service Learning* было обусловлено заметным спадом волонтерства в университетских городках США [13]. В постепенном внедрении *Service Learning* именно с середины 80-х, пожалуй, проявилось известное американское противоречие – «глубокое стремление к автономии и самостоятельности в сочетании с не менее глубоким убеждением в том, что жизнь не имеет смысла, если её не разделить с другими...» [13]. Как отмечал в то время Бенджамин Барбер [14], торжество индивидуализма в американском обществе начало угрожать социальной солидарности, общественному служению как тому, что традиционно вызывало гордость во многом религиозных и патриотично настроенных

⁵ См., биографию Р. Сигмона. URL: <https://archives.elon.edu/repositories/2/resources/167> (дата обращения: 20.09.2024).

гражданах США. От распространения *Service Learning* ожидалось, что образование за счёт общественной работы снова станет моральной силой и будет способствовать выживанию американского общества.

Кроме того, неолиберальная политика 80-х гг. существенно изменила университетский ландшафт, положив начало академическому капитализму. Вузы начали дрейф в сторону коммерческих корпораций как организационного образца, а академическое сообщество уже не торопилось отдавать дань обществу. Любопытно, что идея третьей миссии университета, то есть миссии социальной ответственности, появилась в тот момент, когда вузы начали радикально меняться и отходить от прежней модели. Приняв корпоративную модель управления, университеты унаследовали и идею корпоративной социальной ответственности. В дальнейшем развитие западной трактовки третьей миссии университетов закономерно привело к модели предпринимательского университета. В рамках данной статьи мы не ставим перед собой задачи подробно рассмотреть происхождение третьей миссии университета. Здесь достаточно указать на очевидные отличия трактовки третьей миссии университета в нашей стране, заключающейся в преобладании идеи социальной ответственности и социального участия в противоположность коммерческой составляющей третьей миссии, доминирующей в зарубежных вузах [15]. Таким образом, *Service Learning* в момент своего появления в 60-х не был связан с третьей миссией университета.

Service Learning в конце 80-х – начале 90-х гг. в США – это следствие разборки «башни из слоновой кости», что в свою очередь явилось продуктом демонтажа государства всеобщего благосостояния. Неолиберальная политика стремилась переложить социальное бремя с государства на самих граждан и включала в этот процесс университеты при помощи *Service Learning*. Рефор-

мы 80-х гг. по коммерциализации высшего образования привели к тому, что нечувствительность вузов к социальным проблемам стала более явной, что потребовало и политической реакции.

Тем не менее политические усилия, такие как поддержка *Service Learning* при президенте Билле Клинтоне, не привели к масштабному внедрению подхода в образовательную систему. Надо понимать, что до начала 2000-х гг. *Service Learning* не был «академическим мейнстримом». Даже в середине 1990-х гг. некоторые сторонники *Service Learning*, всё ещё разочарованные медленным принятием этой педагогики, задавались вопросом: «Есть ли будущее у *Service Learning*?» [16].

И только в результате многочисленных научных исследований состоялось принятие этого подхода педагогическим сообществом, что и привело к его широкому распространению.

Этот факт хорошо соотносится с тем, что в современной России обучение служением появилось и стало развиваться как инициатива отдельных преподавателей-энтузиастов, а не в качестве министерской директивы сверху [17].

Глядя на тот путь, который прошло явление *Service Learning* в своём развитии, а также принимая во внимание разнообразие прошлых и существующих течений (*Academic Service Learning* с упором на образовательный результат [18], *Critical Service Learning* с особым фокусом на специфическое мышление [19], *E-Service Learning* с опорой на новые коммуникационные технологии [20]), можно утверждать, что не существует какого-то одного постоянного и неизменного подхода. С теми образовательными практиками, которые появились во второй половине 60-х гг. XX в., современный подход *Service Learning* роднит подчас лишь название. А это означает, что *нельзя утверждать тождество отечественного обучения служением со всем этим многообразием педагогических подходов.*

Они придумали обучение служением?

Двигаясь в своём расследовании, неизбежно приходим к вопросу о теоретических основаниях. Кто явился отцом *Service Learning* в теоретическом плане? Кого считать интеллектуальным предтечей? Этот вопрос возникает всякий раз, когда приходится читать в отечественных публикациях об исключительной роли Джона Дьюи в рождении обучения служением. Даже на популярных информационных платформах можно прочесть об американских корнях подхода⁶.

Глядя на то, как развивался *Service Learning*, можно предположить, что ретроспективно педагоги приписали Джону Дьюи теоретическое основы *Service Learning*. В этом нет ничего удивительного, поскольку вопросам баланса теоретического и практического в обучении более двух тысяч лет. Школы философии и риторики в античности тому пример. Это означает только одно – дискуссия продолжается, но не следует смешивать историческую перспективу и американскую перспективу. У национальных педагогических сообществ свои кумиры.

Несмотря на то, что американские педагоги превозносят Дьюи, они признают, что едва ли можно сказать, что школа в США существенно изменилась за последние сто лет. Как и во многих других странах мира прогрессивные идеи реализуются, прежде всего, в экспериментальных образовательных заведениях. Так было в России у Шацкого, Макаренки и, конечно, в США у самого Дьюи.

Побывав в 1928 г. в Советской России, Дьюи с нескрываемым восторгом писал о том, что советская система образования базируется на методе проектов, в основе которого лежит идея общественно полезного труда как критерия их ценности. Впрочем, нельзя отрицать влияние самого Дьюи на российскую, а затем и советскую педагогику. Труды и Джона Дьюи, и Уильяма Килпатрика своевременно переводились и активно

осваивались в России и СССР. Но принятие отечественными педагогами этих идей и их воплощение в реальной учебной практике, на наш взгляд, было возможно в силу их созвучия идеям отечественных педагогов, прежде всего К. Ушинского и Л. Толстого. То, о чём Джон Дьюи только мечтал, уже массово внедрялось в СССР. Мы далеки от идеализации советской периода и понимает всю глубину трагедии, развернувшейся после переломного 1929 г. Но речь здесь идёт о том, что труд как целенаправленная, общественно полезная деятельность был неотъемлемой частью школьного образования в нашей стране задолго до появления *Service Learning*.

Самой поразительной чертой русского образования Дьюи назвал систему профессиональной подготовки, выходящей за пределы узкого технического обучения и включающей общественно полезный труд, как «любой труд, делающий человеческую жизнь полнее и богаче» [12]. Именно этот момент важен для данной темы особенно. Если до этого речь шла исключительно о школьном образовании, то здесь восторг американского философа связан с профессиональным образованием. Ещё не высшим, но уже профессиональным. И здесь же надо особенно отметить, что проектное обучение в западном высшем образовании не было известно до конца 60-х – начала 70-х гг. XX в.

В первые годы после революции идея трудовой школы стала ключевой в формировании новой системы образования. Основная идея этой концепции заключалась в том, что производительный труд не только развивает навыки, но и воспитывает человека. При этом важно было не только подготовить детей к существующей экономической системе, но и использовать труд как инструмент создания нового общества [12].

На теорию и практику трудового воспитания повлияли не только педагогические и философские идеи Дж. Дьюи, но и К. Ушинского. Значение творчества Константина

⁶ <https://zen.ru/a/Y-SId1XkOB7gJ69u?ysclid=m00vbtu67s44459384>

Дмитриевича Ушинского для становления трудового обучения и воспитания сначала в императорской, а затем и в советской России трудно переоценить. Труд для него – обязательно свободная деятельность человека в соответствии с нравственными идеалами, «на которую он решается по безусловной необходимости её для достижения той или другой истинно человеческой цели в жизни» [21]. А потому труд – есть противоположность работы, которую производят рабы или машины.

Таким образом, интеллектуальными отцами-основателями для отечественных педагогов можно в равной мере назвать и Джона Дьюи, и Константина Ушинского. В качестве ещё одного примера предшественника обучения служением в нашей стране можно назвать практику юридических клиник, появившуюся ещё в середине XIX в. [22]. В начале XX в. наиболее передовые, прогрессивные, как тогда говорили педагоги, мыслители создавали свою педагогическую практику, густо «замешивая» идеи Ушинского, Толстого и примеры из американского экспериментального образования.

Выводы

Таким образом, при всех методологической схожести «Обучение служением» во многом не равняется *Service Learning*.

1. Исторически первенство интеграции высшего образования и общественно полезного труда принадлежит СССР.

2. В силу воздействия педагогических идей и практик на образовательную политику США конца 50-х – начала 60-х гг. XX в. можно предложить гипотезу о влиянии советской педагогики на возникновение *Service Learning*.

3. Заслуга выработки теоретических оснований для реализации в нашей стране обучения служением в равной мере принадлежит как Дж. Дьюи, так и К. Ушинскому.

4. Практическое воплощение идей проектного обучения и трудового воспитания в школьном образовании состоялось в экспе-

риментальных учебных заведениях России и США (С. Щацкий, А. Макаренко, Дж. Дьюи, У. Килпатрик).

5. *Service Learning* является неоднородной педагогической практикой, а потому некорректно отождествлять обучение служением со всем существующим многообразием подходов.

6. Наконец, термин «Обучение служением» нельзя однозначно назвать калькой *Service Learning*. Не отрицая того, что появление термина «Обучение служением» в XXI в. в нашей стране произошло, благодаря влиянию в том числе зарубежной педагогики, следует признать, что исторически ситуация намного более сложная, поскольку оба термина имеют собственные национальные смысловые основания. По крайней мере, как показано в данной работе, исторически «связь обучения с общественно полезным трудом» (1958, СССР) предшествовала *Community Service* (общественные работы) плюс *Learning* (обучение) (1967, США). При этом известен опыт начала 1990-х гг. совместных программ обучения служением / *Service Learning* российских и американских студентов [23].

Обучение служением можно назвать педагогическим подходом, имеющим глубокие исторические корни в отечественной педагогической мысли и образовательной практике. А спецификой современного обучения служением в России является:

- преобладание проектного формата реализации;
- фокус на взаимодействие с организациями-партнёрами – некоммерческими организациями и т.п.;
- особое внимание к патриотическому воспитанию;
- масштабное распространение подхода в ответ на рост волонтерского движения и запрос со стороны молодёжи на участие в жизни страны.

Само по себе разнообразие позиций в академической среде не является чем-то однозначно требующим преодоления. В дан-

ном случае мы постарались снять принципиальные разногласия и ответить, как говорят в таком случае, на часто возникающие вопросы. Возможно, на этом полемика о концептуальных основаниях не закончится и в своих публикациях коллеги предложат развитие дискуссии. Это можно только приветствовать, поскольку именно так и должна развиваться наука, а вопрос об истории обучения служением заслуживает дальнейших исследований.

Литература

1. Полевая Н.М., Ситникова В.В. Обучение служением» как форма повышения социальной активности и ответственности студентов // Вестник Амурского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2024. № 104. С. 52–54. EDN YGRAML.
2. Нам Т.А., Попов Д.Г., Смирнов М.В. Ме-
диаволонтерство в профессиональном образовании в контексте методики «Обучение служением»: экспертное мнение // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2023. Т. 28. № 6. С. 1387–1399. DOI: 10.20310/1810-0201-2023-28-6-1387-1399
3. Самыгин С.И., Малущев Г.С., Шевченко А.М. Курс «Обучение служением» как механизм укрепления социальной солидарности и доверия в российском обществе // Вестник Южно-Российского государственного технического университета (НПИ). Серия: Социально-экономические науки. 2023. Т. 16, № 2. С. 266–274. DOI: 10.17213/2075-2067-2023-2-266-274
4. Суржиков М.А., Усенко А.М., Самыгин С.И. Курс «Обучение служение» как инновационная Российская образовательная методика // Вестник Южно-Российского государственного технического университета (НПИ). Серия: Социально-экономические науки. 2023. Т. 16, № 2. С. 275–283. DOI: 10.17213/2075-2067-2023-2-275-283
5. Sigmon R. Service-Learning: Three Principles. Spring 1979. JSTOR. URL: <https://jstor.org/stable/community.33120643> (дата обращения 17.08.2024).
6. Sigmon R. Community Service and Youth Employment. 1965. JSTOR. URL: <https://jstor.org/stable/community.33120647> (дата обращения 17.08.2024).
7. Atlanta Service Learning Conference Report. 1970. URL: https://archive.org/details/ERIC_ED072718/page/n1/mode/2up?view=theater (дата обращения 17.08.2024).
8. Somogyvári L. Soviet pedagogy and the American Educators (1957-1965) // Rivista Di Storia dell'Educazione. 2018. No. 5(2). P. 133–155. DOI: 10.4454/rse.v5i2.156
9. Fedotova V.E. Preparing for Life — the Most Important Goal of the Young Communist League // Soviet Education. 1958. Vol. 1. No. 1. P. 3–7. DOI: 10.2753/RES1060-939301013
10. Khrushchev N.S. Regarding the Strengthening of Ties Between School and Life and the Further Development of the Public Education System // Soviet Education. 1958. Vol. 1. № 2. P. 3–8. DOI: 10.2753/RES1060-939301023
11. Конохова А.С. Об укреплении связи высшей школы с жизнью (реформа системы высшего образования СССР в 1958 г.) // Вестник Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина. История. 2015. Т. 4. № 1. С. 126–134. URL: <https://lengu.ru/mag/vestnik-leningradskogo-gosudarstvennogo-universiteta-imeni-a-s-pushkina/arkhiv-vypuskov> (дата обращения: 20.08.2024).
12. Дрюи Дж. Впечатления о Советской России (пер. М.Г.Ивашенко под ред. Н.С.Юлиной) // История философии. 2000. № 5. С. 255. URL: <https://iphlib.ru/library/collection/articles/document/HASH170622f1bf758fc8d2babd> (дата обращения: 20.08.2024).
13. Kraft R.J. Service Learning: An Introduction to its Theory, Practice, and Effects // Education and Urban Society. 1996. Vol. 28. No. 2, 131-159. DOI: 10.1177/0013124596028002001
14. Barber B. An aristocracy of everyone : the politics of education and the future of America. 1992. New York: Ballantine. ISBN 0307827283, 9780307827289. URL: <https://archive.org/details/aristocracyofeve0000barb> (дата обращения: 20.08.2024).
15. Дремова О.В., Щеглова И.А. Третья миссия университетов в России: тренд на (не)коммерциализацию? // Университетское управление: практика и анализ. 2022. Т. 26. № 2. С. 27–37. DOI: 10.15826/umpa.2022.02.010
16. Zlotkowski E. Does service-learning have a future? // Michigan Journal of Community Service Learning. 1995. Vol. 2. No. 1, P. 123-133. URL: <https://quod.lib.umich.edu/cache/3/2/3/3239521.0002.112/00000001.tif.1.pdf#zoom=75> (дата обращения: 20.08.2024).

17. Никольский В.С. Обучение служением в России: становление предметного поля // Высшее образование в России. 2023. Т. 32, № 12. С. 9-28. DOI: 10.31992/0869-3617-2023-32-12-9-28
18. Howard J.P.F. Academic Service Learning: A Counternormative Pedagogy. *New Directions for Teaching and Learning*. 1998. С. 21-29. DOI: <https://doi.org/10.1002/tl.7303>
19. Mitchell T.D. Traditional vs. critical service-learning: Engaging the literature to differentiate two models // *Michigan Journal of Community Service Learning*. 2008. Vol. 14. No. 2. P. 50-65. URL: <https://pages.stolaf.edu/es237-spring2018-19/wp-content/uploads/sites/1295/2020/02/Trad.-v.-Critical-SL-Tania-Mitchell.pdf> (дата обращения: 20.08.2024).
20. Waldner L.S., Widener M.C., McGorry S.Y. E-service learning: The evolution of service-learning to engage a growing online student population // *Journal of Higher Education Outreach and Engagement*. 2012. Vol. 16. No. 2. P. 123-150. URL: <http://openjournals.libs.uga.edu/jheoe/article/view/936> (дата обращения: 20.08.2024).
21. Ушинский К.Д. Труд в его психическом и воспитательном значении. Избранные сочинения. М.: Изд-во Юрайт. 2024. С. 9. ISBN 978-5-534-09726-9.
22. Шугрина Е.С. Юридическая клиника в России: новое или хорошо забытое старое? // *Актуальные проблемы российского права*. 2013. Т. 32. № 7. С. 898-906. EDN QIQPVX.
23. Silcox H., Sweeney S.A. People-to-People Environmental Program in Russia: Experiential Service Learning in Novgorod, Russia // Kraft Richard J., Ed.; Kielameier James, Ed. *Experiential Learning in Schools and Higher Education*. 1995. P. 137-141. ISBN-0-7872-0183-9 URL: <https://files.eric.ed.gov/fulltext/ED385415.pdf> (дата обращения: 20.08.2024).

Статья поступила в редакцию 22.08.2024

Принята к публикации 20.09.2024

References

1. Plevaya, N.M., Sitnikova, V.V. (2024). Service Learning as a Form of Increasing Students' Social Activity and Responsibility. *Vestnik Amurskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki* [Bulletin of Amur State University. Series: Humanities]. No. 104, pp. 52-54. Available at: https://vestnik.amursu.ru/wp-content/uploads/2024/03/n104_52-54.pdf (accessed 17.08.2024). (In Russ., abstract in Eng.)
2. Nam, T.A., Popov, D.G., & Smirnov, M.V. (2023). Media volunteering in vocational education in the context of the "Service-learning" methodology: expert opinion. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki = Tambov University Review. Series: Humanities*. Vol. 28, no. 6, pp. 1387-1399, doi: 10.20310/1810-0201-2023-28-6-1387-1399 (In Russ., abstract in Eng.).
3. Samygin, S.I., Maluchiev, G.S., Shevchenko, A.M. (2023) The course «Learning by Service» as a mechanism for strengthening social solidarity and trust Russian society. *Vestnik Yuzhno-Rossiiskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta (NPI). Seriya: Sotsialno-ekonomicheskie nauki = Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences*. Vol. 16, no. 2, pp. 266-274, doi: 10.17213/2075-2067-2023-2-266-274 (In Russ., abstract in Eng.).
4. Surzhikov, M.A., Usenko, A.M., Samygin, S.I. (2023). The course «Learning by Service» as an innovative Russian educational methodology. *Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences*. Vol. 16, no. 2, pp. 275-283, doi: 10.17213/2075-2067-2023-2-275-283 (In Russ., abstract in Eng.).
5. Sigmon R. (1979). Service-Learning: Three Principles. *Spring. JSTOR*. Available at: <https://jstor.org/stable/community.33120643> (accessed 17.08.2024).
6. Sigmon R. (1965). Community Service and Youth Employment. *JSTOR*. Available at: <https://jstor.org/stable/community.33120647> (accessed 17.08.2024).
7. *Atlanta Service Learning Conference Report* (1970). Available at: https://archive.org/details/ERIC_ED072718/page/n1/mode/2up?view=theater (accessed 17.08.2024).
8. Somogyvári, L. (2018). Soviet pedagogy and the American Educators (1957-1965). *Rivista Di Storia dell'Educazione*. Vol. 5, no. 2, pp. 133-155, doi: 10.4454/rse.v5i2.156

9. Fedotova, V.E. (1958). Preparing for Life – the Most Important Goal of the Young Communist League. *Soviet Education*. Vol. 1, no. 1, pp. 3-7, doi: 10.2753/RES1060-939301013
10. Khrushchev, N.S. (1958). Regarding the Strengthening of Ties Between School and Life and the Further Development of the Public Education System. *Soviet Education*. Vol. 1, no. 2, pp. 3-8, doi: 10.2753/RES1060-939301023
11. Konokhova A. (2015). Strengthening the connection between higher school and life: reform of higher education in 1958. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. Pushkina. Istoria = Pushkin Leningrad State University Journal. History*. Vol. 4, no. 1, pp. 126-134. Available at: <https://lengu.ru/mag/vestnik-leningradskogo-gosudarstvennogo-universiteta-imeni-a-s-pushkina/arkhiv-vypuskov> (accessed 20.08.2024). (In Russ., abstract in Eng.).
12. Dewey, J. (2000). Impression of Soviet Russia. *History of Philosophy = Istoriya Filosofii*. No. 5, p. 255. Available at: <https://iphlib.ru/library/collection/articles/document/HASH170622f1bf758fc8d2babb> (accessed 17.08.2024). (In Russ.).
13. Kraft, R.J. (1996). Service Learning: An Introduction to its Theory, Practice, and Effects. *Education and Urban Society*. Vol. 28, no. 2, pp. 131-159, doi: 10.1177/0013124596028002001
14. Barber, B. (1992). *An Aristocracy of Everyone: The Politics of Education and the Future of America*. New York: Ballantine. ISBN 0307827283, 9780307827289. Available at: <https://archive.org/details/aristocracyofeve0000barb> (accessed 20.08.2024).
15. Dremova, O.V., Shcheglova, I.A. (2022). Russian Universities' Third Mission: A Trend towards (Non) commercialization? *Universitetskoe upravlenie: praktika i analiz = University Management: Practice and Analysis*. Vol. 26, no. 2, pp. 27-37, doi: 10.15826/umpa.2022.02.010 (In Russ., abstract in Eng.).
16. Zlotkowski, E. (1995). Does service-learning have a future? *Michigan Journal of Community Service Learning*. Vol. 2, no. 1, pp. 123-133. Available at: <https://quod.lib.umich.edu/cac/he/3/2/3/3239521.0002.112/00000001.tif.1.pdf#zoom=75> (accessed 20.08.2024).
17. Nikolskiy, V.S. (2023). Service Learning in Russia: Scoping Review. *Vysshee obrazovanie v Rossii = Higher Education in Russia*. Vol. 32, no. 12, pp. 9-28, doi: 10.31992/0869-3617-2023-32-12-9-28 (In Russ., abstract in Eng.).
18. Howard, J.P.F. (1998). *Academic Service Learning: A Counternormative Pedagogy*. New Directions for Teaching and Learning. Pp. 21-29, doi: 10.1002/tl.7303
19. Mitchell, T.D. (2008). Traditional vs. critical service-learning: Engaging the literature to differentiate two models. *Michigan Journal of Community Service Learning*. Vol. 14, no. 2, pp. 50-65. Available at: <https://pages.stolaf.edu/es237-spring2018-19/wp-content/uploads/sites/1295/2020/02/Trad.-v.-Critical-SL-Tania-Mitchell.pdf> (accessed 20.08.2024).
20. Waldner, L. S., Widener, M. C., & McGorry, S. Y. (2012). E-service learning: The evolution of service-learning to engage a growing online student population. *Journal of Higher Education Outreach and Engagement*. Vol. 16, no. 2, pp. 123-150. Available at: <http://openjournals.libs.uga.edu/jheoe/article/view/936> (accessed 20.08.2024).
21. Ushinskij, K.D. (2024) *Trud v ego psichicheskom i vospitatel'nom znachenii. Izbrannye sochineniya*. Moscow, Yurajt, P. 9. ISBN 978-5-534-09726-9. (In Russ.).
22. Shugrina, E.S. (2013). Yuridicheskaya klinika v Rossii: novoe ili horosho zabytoe staroe? [Legal Clinic in Russia: new or forgotten]. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava = Actual Problems of Russian Law*. Vol. 32, no. 7, pp. 898-906. Available at: https://www.nbpublish.com/library_get_pdf.php?id=24854&ysclid=mlj3yfcijp505404652 (accessed 20.08.2024). (In Russ.).
23. Silcox H., Sweeney, S.A (1995). People-to-People Environmental Program in Russia: Experiential Service Learning in Novgorod, Russia. In: Kraft, R.J., Kielameier, J. (Eds.). *Experiential Learning in Schools and Higher Education*. Pp 137-141. ISBN 0-7872-0183-9. Available at: <https://files.eric.ed.gov/fulltext/ED385415.pdf> (accessed 20.08.2024).

The paper was submitted 22.08.2024

Accepted for publication 20.09.2024

Поколения университетов: особенности культивируемых типов мышления. Каким будет мышление в Университете 4.0?

Научная статья

DOI: 10.31992/0869-3617-2024-33-8-9-95-122

Ефимов Валерий Сергеевич – канд. физ.-мат. наук, доцент, директор Центра стратегических исследований и разработок, ORCID: 0000-0002-6923-6543, SPIN (РИНЦ): 8678-0373, Scopus Author ID: 57198810669, efimov.val@gmail.com

Лаптева Алла Владимировна – специалист Центра стратегических исследований и разработок, ORCID: 0000-0002-0252-8680, SPIN (РИНЦ): 4194-4780, Scopus Author ID: 57198802298, avlapteva@yandex.ru

Сибирский федеральный университет, г. Красноярск, Россия

Адрес: 660041, Красноярский край, г. Красноярск, пр. Свободный, 79

***Аннотация.** Университет рассматривается в исторической ретроспективе и перспективе как когнитивный институт общества, обеспечивающий воспроизводство и развитие мышления. В качестве базового используется концепт «поколение университетов». В истории выделяются три поколения университетов (схоластический, исследовательский, предпринимательский); университет будущего можно рассматривать как университет четвертого поколения («когнитивный университет»).*

Университеты разных поколений культивировали различные исторические типы мышления. Типы мышления предлагается определять через характерные для них «предметы», «способы» и «интенции». Особенность университета как когнитивного института состоит в том, что он работает на уровне оснований – создаёт и воспроизводит основания картин мира и общественных практик. Это могут быть онтологические, ценностные, социопрактические, антропологические основания систем знаний и практик.

Базовая гипотеза исследования: университет четвертого поколения будет культивировать методологическое мышление («мышление о мышлении»), его ключевой задачей будет формирование коллективных и гибридных (с участием искусственного интеллекта) интеллектов, создание технологий их работы. Деятельность Университета 4.0 будет направлена на разработку оснований новых практик (онтологических, ценностных, этических, антропологических) и создание прецедентов этих практик.

***Ключевые слова:** поколения университетов, Университет 4.0, когнитивный институт, типы мышления, основания практик.*

Для цитирования: Ефимов В.С., Лаптева А.В. Поколения университетов: особенности культивируемых типов мышления. Каким будет мышление в Университете 4.0? // Высшее образование в России. 2024. Т. 33. № 8-9. С. 95–122. DOI: 10.31992/0869-3617-2024-33-8-9-95-122

Generations of Universities: Features of Cultivated Thinking Types. What Will the Thinking be Like in University 4.0?

Original article

DOI: 10.31992/0869-3617-2024-33-8-9-95-122

Valerii S. Efimov – Cand. Sci. (Physics and Mathematics), Associate Professor, Director of the Center for Strategic Research and Development, ORCID: 0000-0002-6923-6543, SPIN: 8678-0373, Scopus Author ID: 57198810669, efimov.val@gmail.com

Alla V. Lapteva – Specialist of the Center for Strategic Research and Development, ORCID: 0000-0002-0252-8680, SPIN: 4194-4780, Scopus Author ID: 57198802298, avlapteva@yandex.ru

Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russian Federation

Address: 79 Svobodnyi Ave., Krasnoyarsk, 660041, Russian Federation

Abstract. The university is considered in historical retrospect and perspective as a cognitive institution of society that ensures the reproduction and development of thinking. The concept of “university generation” is basic for the study. Three generations of universities are distinguished in history (scholastic, research, entrepreneurial); the university of the future is considered as a fourth-generation university (“cognitive university”).

Universities of definite generations developed specific historical types of thinking. It is proposed to define types of thinking through their characteristic “objects”, “methods” and “intentions”. The peculiarity of the university as a cognitive institution is that it works at the level of foundations – it creates and reproduces the foundations of worldviews and social practices. These can be ontological, value-based, socio-practical, anthropological foundations of knowledge systems and practices.

A hypothesis is proposed: the fourth generation university will cultivate methodological thinking (“thinking about thinking”), its key objective will be the formation of collective and hybrid (including AI) intelligences, and the development of technologies for their work. The activities of University 4.0 will be aimed at creating the foundations of new practices (ontological, value-based, ethical, anthropological) and setting precedents for these practices.

Keywords: university generations, University 4.0, cognitive institute, types of thinking, foundations of practices.

Cite as: Efimov, V.S., Lapteva, A.V. (2024). Generations of Universities: Features of Cultivated Thinking Types. What Will the Thinking be Like in University 4.0? *Vysshee obrazovanie v Rossii = Higher Education in Russia*. Vol. 33, no. 8-9, pp. 95-122, doi: 10.31992/0869-3617-2024-33-8-9-95-122 (In Russ., abstract in Eng.).

Введение

Направленность изменений (развития) университетов – одна из ключевых дискуссионных тем для университетских сообществ. Её невозможно обсуждать, не задав

явным образом определённые смысловые и целевые рамки. Мы можем ограничиться анализом ситуативных «дефицитов» в деятельности университетов, ставить соответствующие задачи, внедрять лучшие практики

и т.п. С другой стороны, развитие университетов можно связывать с большими вызовами, актуальными для человечества или отдельных стран, и поиском места (позиции) университетов в работе над этими вызовами. В такой более широкой рамке развитие университетов может рассматриваться как их трансформация – становление нового поколения, Университета 4.0.

Чтобы понять, каким может и должен быть университет нового поколения, необходимо определить, что представляет собой университет как таковой. В работах Ж. Ле Гоффа [1], П.Ю. Уварова [2] предложено понимание сущности университета как институциональной формы интеллектуальной деятельности, возникшей вследствие самоорганизации людей умственного труда. Университеты как институционализированные «сообщества мыслящих» (начиная со Средневековья и до новейшего времени) смогли устойчиво вести интеллектуальную работу и воспитывать новые поколения профессионалов (носителей мышления). Университет стал «органом» общества и культуры, который создаёт, развивает и транслирует сложные формы мышления и деятельности¹.

Университет как общественный институт существует в виде разветвлённой популяции², в которой не все университеты работают на фронтире, т.е. расширяют или создают новые области действительности, освоенной мышлением. Многие из них решают более узкие задачи, например, подготовки кадров, и могут утратить свою связь с идеей университета. По К. Ясперсу [4], идея университета состоит в том, чтобы создавать пространства бытия, на которое мышление проливает свет через

рациональность и понятия; это созидующее, трансформирующее человека мышление.

В данной статье история университетов понимается как череда поколений, их будущее – как рождение нового поколения. Различные концепты поколений университетов и видение контуров нового поколения предлагали российские эксперты. В.А. Никитин выделил пять «исторических циклов университетского образования³» – схоластический, гуманистический, естественнонаучный, современный и (в перспективе) проектный [5, с. 67–68]. П.Г. Щедровицкий рассматривал три поколения университетов в контексте метаморфоз образовательных формаций (систем разделения интеллектуального и образовательного труда); университет будущего (третье поколение) он связывает с формированием нового типа мыследеятельности [6]. Е.В. Неборский выделил четыре «формата» университетов: корпоративный, исследовательский, технократический (инновационный), биоцифровой на основе характеристик университетов и потребностей общества [7].

Ряд зарубежных исследователей также разрабатывали концепты поколений университетов. Так Йохан Г. Виссема выделил три поколения (университеты средневековых городов, университеты по модели В. Гумбольдта и предпринимательские), описал кризисы и переходные периоды от одного поколения к другому) [8]. Б. Гесенбауэр и Г. Мюллер-Христос [9] на основе представления об эволюции мировоззрений разграничили четыре поколения – традиционный, современный, постмодернистский и интегративный университеты. И. Розак-Широц-

¹ То, что университет не только транслирует наличные, но и даёт старт новым типам/ формам/ системам мысли – это неочевидное и рискованное утверждение. Оно может быть обосновано историко-генетическим анализом (что отчасти сделано в работах Ле Гоффа и Уварова) и изучением поворотных точек развития мышления и самих университетов.

² Понятие популятивного объекта предложено Г.П. Щедровицким [3].

³ Образованием В.А. Никитин называет культуротворческую работу, в результате которой образуется новая интеллектуальная культура, снимающая актуальные для определённой эпохи конфликты картин мира и способов мышления; обучение и воспитание студентов совершаются по сопричастности к данной работе университета.

ка с соавторами [10] рассматривают этапы эволюции университетов с точки зрения их компетенций и возможностей, направленности их деятельности: средневековый (1.0); исследовательский (2.0); предпринимательский (3.0); цифровой и биотехнологический (4.0) университеты. М. Кроу и У. Дэбарс [11] рассматривают последовательность трансформаций университетов в локальной (страновой) рамке и выделяют пять волн в истории американских университетов на основе их социальных ролей.

Авторы данной статьи полагают, что идея поколения должна переориентировать исследователя с эмпирической констатации тенденций или характеристик университетов, относящихся к определённым периодам времени, на теоретическое конструирование идеальных типов, при этом отдельные университеты можно рассматривать как более или менее полные воплощения этих типов⁴. Образ поколения – это связность характеристик, которая имеет определённое основание; образ нового поколения – задание на развитие для лидерских университетов, предполагающее выход в новый горизонт возможностей и другую по типу продуктивность. Рождение нового поколения можно помыслить в терминах «преодоление – полагание – разворачивание»: университет следующего поколения возникает (создаётся) как противостоящий некоторым феноменам или тенденциям в обществе, в культуре и в самом университете; он полагает взамен преодолеваемого нечто иное; далее инициирует и опробует перспективные практики [12, с. 26–27].

В цикле работ [12–14] авторами предложено рассматривать поколения университетов, используя пространство мышления (схему), образованное тремя категориями «деятельностное – социальное – антропологическое». В деятельностном измерении специфика изучаемой системы (например, поколения университетов) определяется характером полагаемых предметов и целей, применяемых средств и инструментов («технологии»), в социальном – особенностями социальной организации, т. е. ролей и позиций, способов их связи (коммуникации, кооперации, конфликтов); в антропологическом – идеальными образами человека, способами реализации его субъективности и субъектности, ценностями, конструкциями внутреннего мира, структурами повседневности и жизненного цикла. Данная категориальная схема призвана обеспечить полноту и системность представлений о поколениях университетов⁵ (в отличие от представлений, сфокусированных на технологиях или на социальной/организационной структуре университета)⁶. Авторы рассматривают четыре поколения, номинально этот ряд поколений совпадёт с последовательностью, которую обозначают многие другие авторы, однако содержание предлагаемого авторами концепта поколений [12; 13] несколько иное – оно задано применяемой категориальной схемой.

В опубликованных ранее статьях не обсуждали развёрнутым образом особенности мышления, которое культивировали университеты каждого поколения.

⁴ Поколения не являются эмпирически данными группами вузов, это разметка пространства долгосрочных изменений университетов. Отдельный университет можно соотнести с поколением и тем самым осмыслить его особенности, придать им значение. Аналогия: невозможно на поверхности Земли найти параллели и меридианы как натуральные объекты, что не мешает пользоваться координатной сеткой для определения местоположений объектов и навигации.

⁵ Речь идёт, опять-таки, о задаче достижения концептуальной полноты, а не о задаче охвата многочисленных эмпирических характеристик университетов.

⁶ В перечисленных работах других авторов достигается определённая полнота представлений о поколениях университетов, однако не обсуждаются методология, используемые категории и базовые понятия.

Данная работа сфокусирована на особенностях типов мышления, носителями которых были университеты в различные исторические эпохи. Статья представляет очерк развития мышления в истории европейской цивилизации (от эйдетического сознания-мышления к дискурсивному, объектному, методологическому) и привязывает исторические типы мышления к университетам разных поколений⁷. Обсуждается гипотеза о том, какой тип мышления будет культивироваться в Университете 4.0.

Четыре поколения университетов

Кратко обозначим четыре поколения университетов. Развёрнутый концепт, включающий деятельностные, социальные и антропологические характеристики поколений, представлен в работе [12].

Университет 1.0 – схоластический. Университеты первого поколения возникли в городах средневековой Европы как сообщества людей умственного труда, которым была необходима коммуникативная среда, оформленное сообщество – для мышления и наработки знаний, для передачи ученикам знаний и способов работы. Университет стал формой институционализации интеллектуальной работы, «социальным телом» мышления. В эту эпоху возник феномен профессии (призвания) – клирика, юриста, врача, дипломата, преподавателя. Университеты (сообщества учёных людей), во-первых, прорабатывали основания профессиональной работы – религиозную и натурфилософскую картину мира, суммы знаний; во-вторых, они воспитывали новых профессионалов через слушание лекций, участие в диспутах, работу в библиотеке, сочинение и защиту учёного текста [1; 2].

Университет 2.0 – исследовательский. Университеты второго поколения возникли в результате индустриальной революции, рождения науки и инженерии, в условиях необходимости воспитывать национальные элиты, исследователей и инженеров. Они создавали основания инженерных и производственных практик⁸ – знания, модели и теории естественных и точных наук. В Университете 2.0 студенты, с одной стороны, проходят через «учебный конвейер» образовательной программы [15], с другой – включаются в исследования профессоров (научные школы), работают в лабораториях.

Университет 3.0 – предпринимательский. Университеты третьего поколения появляются в постиндустриальном мире как площадки инновационной, проектной работы. Их задача – создавать основания экономических, социальных, гуманитарных, культурных, управленческих практик, включая соответствующие концепты и знания. Они формируют предпринимательскую позицию и компетенции студентов через проектную деятельность в командных и сетевых форматах.

Университет 4.0 – когнитивный. Возникает в результате цифровой революции, массовизации интеллектуального труда, интеграции исследований и практик, перехода управления (на корпоративном, государственном, общественном уровнях) в формат «коллективных интеллектов» [16]. Его задача – «мышление о мышлении», методологическое конструирование предметностей для множества практик разных типов; тем самым – создание онтологических и ценностных оснований для этих практик. Студенты получают образование через участие в работе коллективных интеллектов, разработке

⁷ Мы рассматриваем мышление и университеты в рамках европейского цивилизационного ареала. Вопрос об их рецепции иными цивилизациями требует особого исследования.

⁸ Новые практики возникают на основе «вызова и борьбы» – в социальной, экономической, политической действительности. Рационализация практики и оформление / создание её онтологических и ценностных оснований происходят в дальнейшем при масштабировании и широком воспроизводстве практики.

оснований для мышления и новых практик, создании виртуальных действительностей.

Идея исторических типов мышления – краткий экскурс

Университет – институт мышления в двух смыслах: 1) он активно участвует в формировании новых типов мышления; 2) является социальным органом, распространяющим в обществе новый тип мышления. Авторы данного исследования разделяют культурно-исторический взгляд на мышление, согласно которому направленность, содержания и формы мышления проходят сложный путь становления вместе с развитием цивилизации и культуры. Исторический взгляд на мышление сформировался в философии (от Дж. Вико [17], А.Р. Тюрго [18], М. де Кондорсе [19] до Г. Гегеля [20], обсуждавших «прогресс разума» [21]), в истории и методологии науки (И. Лакатос [22], Г.П. Щедровицкий [21], В.М. Розин [23; 24]); в культурной антропологии и истории культуры (А. Леви-Брюль [25], М. Фуко [26], А.Я. Гуревич [27]) в психологии (Ж. Пиаже [28], Л.С. Выготский [29, с. 25–30]; А.Р. Лурия [30], М. Коул [31] и др.).

В рамках теории деятельности (А.Н. Леонтьев, Д.Б. Эльконин) и деятельностного подхода (Г.П. Щедровицкий, М.В. Розин) мышление представлено как компонент более сложной системы – коллективно осуществляемой деятельности. Такая деятельность требует: 1) коммуникации людей между собой; 2) использования знаковых средств, которые замещают собой материальные компоненты ситуации действия и по-

зволяют организовать деятельность. История мышления в данном подходе рассматривается как последовательное наращивание слоёв знаковых замещений и развёртывание идеальных действительностей мысли (в результате проявления и «закрытия» разрывов в этих действительностях через коммуникацию и создание идеальных объектов). Поворотные точки этой истории связаны с отказом от одной системы идеальных объектов и развёртыванием альтернативной системы.

Примером может быть предложенная В.М. Розиным [32] псевдогенетическая реконструкция появления геометрии, её идеальных объектов и оперативной системы. Знаковая организация поля деятельности выделяет и структурирует в нём предмет деятельности. Знаки, которые внедрены в действия, задают общие для разных ситуаций связи и отношения – абстрактные содержания. Далее сами знаки становятся предметом оперирования – создаются связи и отношения знаков (соответственно, абстрактных содержаний) – возникает собственно мышление. Чистое мышление предполагает идеализацию – доведение захваченных знаками отношений до предельного, «рафинированного» вида и оформление идеальных объектов. Оно развёртывает на основе этих объектов идеальную действительность (теорию) математики (или физики, права и т.д.). Теоретические знания могут быть спроецированы на действительный мир через особые процедуры (интерпретация опыта, эксперимент, конструирование и проектирование) и становятся основой различных практик⁹ [23; 24].

⁹ Понятие практики девальвировано его употреблением в качестве синонима работы, дающей полезный результат. В философии, начиная с Античности, практикой называли практикование какого-либо учения, системы идей, теоретической позиции. «Праксис» – деятельность свободного человека, т. е. свобода практиковать свои убеждения, свои представления о прекрасном. Основным результатом практикования является испытание системы идей и развитие самого практикующего, его способности действовать. Младогегельянцы и марксисты использовали понятие «революционная практика», которое означало преобразование действительности. Таким образом, практика – это система, включающая основания (идею, позицию, учение, теорию и т. д. и формулируемые на их основе сверхзадачи) и «развёртку» этих оснований в деятельность – ситуативно адекватные цели, задачи, методы, инструменты, продукты.

История мышления доступна для изучения через его объективации – тексты, артефакты, события. К настоящему времени выдвинуты, но лишь частично реализованы различные (философские, психологические, науковедческие, междисциплинарные и др.) «исследовательские программы» (в смысле И. Лакатоса [22]) реконструкции истории мышления. Лучше обстоит дело с историей созданных мыслью представлений – существует множество работ по истории наук (математики, физики, биологии, лингвистики и т.д.), однако само мышление, создавшее эти предметы, остаётся, за немногими исключениями (например, работы [33; 34]), за границами анализа. В виде гипотез проработаны лишь отдельные эпизоды истории мышления, которые позволяют увидеть её общие контуры. Например, В.М. Розин выделяет в качестве «типов и идеалов научного мышления» античный, естественнонаучный, гуманитарный и социальный. Методом его работы с типами является выделение и анализ прецедентов – мышления Аристотеля, Г. Галилея, З. Фрейда, М. Фуко и др., представленного в их произведениях [35]. Для каждого типа характерны определённые основания, идеальные объекты, теоретические процедуры, формируемая картина мира, смысловой горизонт [35, с. 23–24].

Особый вопрос такого исследования – основания и способы выделения типов мышления; более того, неочевидна сама возможность выделения каких-либо типов и квалификации их в качестве исторических. Лишь в единичных работах эта проблематика обсуждается явным и развёрнутым образом. Так, А.М. Пятигорский [36] полагает, что тип мышления – «феноменологическая абстракция», образ содержания мышления (выделенный образец),

по которому могут конструироваться другие содержания мышления. Тип мышления выделяется как «предел», к которому редуцируется действие, речь (текст) или само мышление, представленное в своих реальных, материальных репрезентациях и коммуникациях. При этом тип мышления может быть представлен как идеализированный образ наблюдаемого содержания мышления или определённое «пространство», в котором каждый элемент содержания будет фигурировать как место или клеточка, своего рода структура содержания мышления. Основание для различий между типами мышления – различия и изменения в предмете и содержании мышления. По А.М. Пятигорскому, тип мышления обретает свою действительность только в динамике его трансформации из другого типа или его трансформации в другой тип. Можно говорить о революции – такой трансформации в содержании мышления, которая изменяет структуру топоса содержания мышления – конфигурацию мест, занимаемых различными элементами мышления.

Таким образом, выделение исторических типов мышления остаётся философской и методологической проблемой, возможности решения которой ещё только обсуждаются¹⁰. Будем использовать в качестве рабочей следующую гипотезу: выделяемым в европейской истории социокультурным эпохам – Античность, Средневековье, Современность (Модерн) и Постсовременность¹¹ – соответствуют различные типы мышления. Эти типы появляются, развёртываются и воплощаются в высших проявлениях цивилизации в соответствующие исторические периоды. Можно различить типы по их предметам и содержаниям, а также обнаружить «разрывы» – взаимную непонятность соответствующих мышлений.

¹⁰ Так же, как и различение и соотнесение типов мышления, типов знания и типов наук.

¹¹ С учётом производственных технологий и социоэкономической организации общества две последние обозначаются как индустриальная и постиндустриальная эпохи.

Такое членение редуцирует, упрощает реальную историю мысли¹², однако оно необходимо для решения задачи настоящего исследования, поскольку соразмерно истории университета как института мышления. Авторы видят свою задачу не в том, чтобы представить правильную и окончательную картину исторических типов мышления, а в том, чтобы инициировать обсуждение исторической перспективы университета (института мышления) как связанной именно с перспективами мышления.

Мышление прошло в своей истории путь от инструментального интеллекта до теоретического, выстраивающего системы понятий и мысленных моделей; от обеспечения «умности» отдельных действий к мысленной реконструкции целого мира в его сложности. Как итог этой истории оформляется методологическое мышление, которое делает своим предметом само мышление («мышление о мышлении», А.М. Пятигорский¹³). Оно рефлексивно оперирует частными видами мышления, конфигурирует возникшие на разных основаниях идеи и модели. Методологическое мышление может выявить и представить как объект саму парадигму¹⁴ определённого мышления – явные и неявные полагания, категории, понятия, нормы, которые задают границу возможного и невозможного, допустимого и недопустимого для данного мышления. Следовательно, можно ожидать, что прорывы границ, научные революции – преодоление существующих парадигм – будут происходить не спонтанным, а рациональным, проектным образом.

В XX столетии компьютерные технологии позволили передавать машинам оперативную часть мышления – вычисления, операции со знаками. В последние годы создаются

версии генеративного искусственного интеллекта (*Generative Pre-trained Transformer – GPT*), способные создавать тексты и изображения по запросу пользователей. Поставлена задача создания универсального искусственного интеллекта, способного понимать и решать задачи любого типа и включаться в коммуникации, генерирующие новые смыслы. Будучи технологизированным и машинно усиленным, мышление станет основой нового витка развития цивилизации подобно тому, как земледелие или металлургия дали старт цивилизациям прошлого.

Для удержания в едином концептуальном поле различных (по онтологическим основаниям, предметности и способам) типов мысли, сформировавшихся в разные историко-культурные эпохи, необходима соответствующая методологическая конструкция (схема).

Методологическая схема: предметность – способ – направленность мышления

Особенности типов мышления, сложившихся в различные историко-культурные эпохи, определяются: 1) исходными онтологическими вопрошаниями – проблемным полем мысли; 2) новыми предметами и способами мышления, определяющими само пространство мыслительных действий и тип получаемых результатов; 3) направленностью (интенцией) мысли, во-первых, на «упаковку» всевозможных содержаний в определённые (для данного типа мышления) эйдетические, категориальные и понятийные схемы – выстраивание связной картины мира; во-вторых, на обоснование и оснащение преобразующих действий – производственно-технических и социально-антропологических практик.

¹² Объём статьи не позволяет провести детализацию и обсуждать отдельно, например, различия средневекового, нововременного и т. д. инженерного, управленческого и т. п. мышления.

¹³ Александр Пятигорский. Мышление о мышлении: прерывистая дорога философа. Лекция прочитана 15.05.2007 г. в рамках фестиваля популярной науки «Дни науки в Санкт-Петербурге», проведённого фондом Дмитрия Зимина «Династия». Из видеотеки сайта «Элементы» (<http://elementy.ru>).

¹⁴ Понятие парадигмы и понятие «научной революции» как смены парадигмы мышления введено Т. Куном [37].

Каждый тип мышления имеет свой горизонт – то, что находится вне этого горизонта, не может быть помыслено, нелогично, абсурдно и «быть не может» с точки зрения такого мышления¹⁵. На переходах от одного исторического типа к другому работа мышления направлена на преодоление существующего и открытие нового горизонта мышления через формулирование новых онтологических вопрошаний, задание новых предметов и способов мышления, предвосхищение практик иного типа.

Итак, можно говорить о культурно-исторических типах мышления, которые могут быть охарактеризованы через особенности предмета, способа, направленности мышления. В пределах этих типов оформляется мышление в отдельных сферах деятельности (религия, наука, инженерия и т. д.) или научных дисциплинах (если они существовали). Возникновение нового типа означает не просто приращение знаний, а изменение целостности «предмет – способ – направленность».

Предмет мышления – универсальные для эпохи определения того, что мыслится. Предельная форма предметности – что, в принципе, может существовать и, может быть, помыслено – образует онтологию, онтологическое основание данного типа мышления¹⁶.

Способ мышления – совокупность форм и средств, которые применяет мышление, создавая различные содержания (например, создание моделей, формулирование принципов и законов). Предельные формы

мыслимости – категории и категориальные схемы¹⁷.

Направленность (интенция) мышления – характерные для эпохи задачи мыслительной работы: 1) познавательные – создание онтологически и логически связанных представлений, в пределе – целостной картины мира; 2) социально-практические – создание новых деятельностных, технологических, социально-производственных возможностей.

Мышление в университетах разных поколений

Предлагаемая сжатая реконструкция этапов развития мышления опирается на работу, проделанную И. Лакатосом [22], В.М. Розиным [23; 24; 35], А.Я. Гуревичем [27], А.В. Ахутиным [33], В.С. Степным [34], Т. Куном [37], Ф.Х. Кессиди [38], С.С. Аверинцевым [31, 39, 40], П.П. Гайденоко [41], В.С. Библером [42] и другими российскими и зарубежными философами и культурологами.

Предыстория: мышление Античности

Мышление как особая работа с её собственными задачами и продуктами оформилось задолго до возникновения университетов. В европейской цивилизации переход от эйдетического и синкретического сознания мышления к объектному и дискурсивному состоялся в античную эпоху. Оформились «ноэмы» – единицы мыслимого содержания – за счёт первоначальной рефлексии («о чём идёт речь»). В отличие от мифологического сознания, для которого «всё может

¹⁵ Например, независимая от Бога, сама по себе возникшая «природа» – абсурд с точки зрения средневекового мышления; произвольное сотворение Вселенной «из ничего» – то, чего не может быть с точки зрения естественнонаучного мышления Нового времени. Оперирование бесконечно малыми величинами было невозможно до создания дифференциального исчисления; хаотическое движение множества частиц было неопишным для мысли до появления статистической физики.

¹⁶ «Всё есть игра стихий», «всё есть разумное творение и может быть понято через замысел творения (и нет ничего, кроме сотворённого)», «всё есть вещи и процессы и может быть понято как взаимодействие вещей (и нет ничего, кроме вещей и процессов)», «всё есть действующие субъекты с их действительностями».

¹⁷ Пример: пространство–время и причинность классической науки.

быть всем»¹⁸, для объектного есть нечто, которое остаётся собой. Далее, оформлены идеи – очищенные эйдосы (базовые отношения, мыслимые в образной форме). В ряде областей эта работа была доведена до полагания идеальных объектов – единиц теоретической мысли. Обозначим два таких примера: 1) идеальные объекты – результат превращения семиотических объектов в предметы оперирования, особую действительность со своими законами и содержанием (происхождение идеальных объектов геометрии – [32]); 2) идеальные объекты – результат онтологического конструирования (идея элементов – стихий, которыми образовано всё сущее, или «атомов и пустоты» в античной метафизике).

Античная мысль представляет мир через меру и форму, величины и их отношения, фигуры и их преобразования. На этой основе развёртывается статика – представление равновесных конфигураций тел; представление движения как связи времени и пройденного пути. При этом эйдетическая мысль (созерцание мысленных объектов и отношений) доведена до дискурсивной – рассуждений и доказательств. Рефлексия относительно рассуждения позволила до какой-то степени «расклеить» грамматику и логику, нормировать процедуры логического вывода и доказательства¹⁹. Созданы первые образцы сборки знаний в логическую систему (геометрия Евклида). Мысль-рассуждение выделилась из стихии дискуссии и «отложились» в текстах – сочинениях, письмах²⁰. Мышление начало существовать как особая действительность поверх отдельных актов мысли. «Знаковые тела» античной мысли – устные и письменные высказывания, чертежи.

Интенция (направленность) античной мысли – создание устойчивых целостностей, таких как здание (например, храм), полис, гармоничный человек (калокагатия – сочетание физического, интеллектуального, морально-волевого совершенства).

Далее определим специфику поколений университетов через особенности развитых форм мышления, характерных для каждой эпохи. Вначале будет представлена «зарисовка» – эмпирическая картина того, в каком виде существовала мыслительная работа в определённый период истории. Затем будут показаны результаты применения методологической схемы «предметность – способ – направленность мышления».

Университет 1.0

Носителями развитого мышления в европейском средневековом мире были схоластики [41], которые занимались преподаванием, философией и частными областями знаний. Материалом размышлений схоластиков были сочинения Отцов Церкви²¹ и доступные через переводы фрагменты текстов античных мыслителей – Платона, Аристотеля. В XII в. из сочинений Аристотеля были доступны «Категории» и «Об истолковании» – на систему воззрений Аристотеля ранние схоластики «смотрели через маленькое окошко». Результатом было появление (для схоластиков) проблем и противоречий, которые в системе Аристотеля были разъяснены, в других (неизвестных в то время) сочинениях. Мышление схоластиков оказалось сфокусировано на попытках собрать воедино фрагменты, восстановить смыслы, разрешить противоречия и, кроме того, согласовать сказанное античными философами с тем, что написали Отцы Церкви.

¹⁸ См. работу Ф.Х. Кессиди [38].

¹⁹ Что отражено в сочинениях Аристотеля – Аналитиках, Топике и др.

²⁰ Пример – письма Архимеда его другу Досифею, в которых Архимед излагает и объясняет открытые им отношения в области, которую мы сегодня называем статикой (разделом физики).

²¹ Выдающихся церковных деятелей, которые отличались ортодоксальностью учения, святостью жизни, выдающейся учёностью (Амвросий Медиоланский, Григорий Богослов, блаж. Августин, Св. Иероним и др.).

Метафизические вопросы²² неизбежно возникали, и схоластики пытались извлекать ответы из разных текстов, включая те, которые находились, в современных терминах, на стыке логики и лингвистики. Схоластика была сфокусирована на определении терминов, подборе цитат авторитетных авторов, составлении всеобъемлющих обзоров, обсуждении сходств и различий в текстовых формулировках, на формально-дедуктивных рассуждениях. При этом книжное знание считалось высоким, а опытное – низким. В качестве источника знаний были приемлемы либо Божественное Откровение – Библия, либо естественная способность разума – логическое препарирование имеющихся определений и суждений.

В XIII в. стали доступными все ключевые сочинения Аристотеля, и схоластика переживала расцвет, сохраняя свои сложившиеся черты – формальную рассудочность, направленность на систематизацию книжного знания. Создавались «Суммы» – пространственные сочинения, собирающие в себе всё написанное относительно какой-то области («Сумма теологии», «Сумма музыки» и т. п.). Использовался микст техник размышления, который соединял полагание сущностей и логический вывод с использованием метафор и аналогий²³. Применяемые схемы: иерархия²⁴, противоположность²⁵, род и вид, и др. В отдельных областях (математика, механика) были развиты (в сравнении с Античностью) модели и оперативные системы; например, переход к арабским цифрам радикально улучшил понимание и использование чисел; представление отношения величин

как величины позволило моделировать движение и др.

Интенция средневековой мысли – постижение мира как божественного порядка; согласование жизни и деятельности человека с этим порядком (праведная жизнь, спасение), достижение успеха в различных делах (в хозяйстве, семье, ремесле, врачевании и т. д.) через согласование действий с принципами, выявленными мыслью или заданными традицией.

В этот период становления мышления важным было первичное полагание (установление) самих предметов мысли, противопоставленных чувственно данной реальности и деятельности человека. Важно было удерживать это пространство мысли, не «сваливаясь» в профанное сознание. Символика и атрибутика университета, ритуалы диспутов, регламенты высказываний, облачения профессоров – всё это служило, в том числе, средствами коллективного «удержания себя в мысли» (в умоглядной реальности).

Созданные в XIII в. университеты стали центрами и распространителями схолистического знания и образа мысли. Студенты должны были освоить способы и техники мыслительной работы: определение терминов, построение суждений и умозаключений. Они должны были слушать лекции профессоров и читать учёные трактаты (понимать, как рассуждают учёные), участвовать в диспутах (развёртывать собственную мысль) и в конце обучения написать и защитить учёный текст.

• **Предметность мышления** в Университете 1.0: Мир сотворённый – божественный

²² Вопросы о первоначалах, основах всего сущего.

²³ Например, части человеческого тела уподоблялись элементам, образующим Вселенную (плоть подобна земле, кровь – воде, дыхание – воздуху, тепло – огню). Аллегорические уподобления служили средством классификации вещей и событий и соотнесения их с вечностью [27, с. 63–65].

²⁴ Небесная иерархия духовных сущностей, земная иерархия сословий, родов занятий, живых существ и т. д.

²⁵ Добро и зло, праведники и грешники, возвышенное и низменное, чистое и грязное, ужасное и смешное и др.

порядок, человек и социум²⁶ в контексте божественного творения и эсхатологической перспективы; умозрительные сущности – метафизические основания чувственно данного мира (материя, форма, акт, потенция, цель, абсолют и др.).

- **Способ мышления** включал: полагание сущностей, удержания пространства мысли, противопоставленного пространству опыта и деятельности; развёртывание мысли в материале речи (рассуждение); поиск совпадений и аналогий умопостижаемого и переживаемого в опыте.

- **Направленность мыслительной работы:** 1) «извлечение» мысли (сущностей, их связей) из авторитетного текста; связывание текстов в непротиворечивый мега-текст (учение); формулировка поучений; 2) рационализация практических действий. Эта работа формировала²⁷ принципы европейской цивилизации (христианского мира).

Университет 2.0

Развитие производственной деятельности, создание устройств и машин (прядельный и ткацкий станок, паровая машина и др.), переход от мануфактур к фабрикам и заводам (Первая промышленная революция) в XVII–XVIII веках требовали знаний о природе, о свойствах используемых в деятельности материалов и объектов. Эмпирические знания столетиями накапливали ремесленники, строители, мореходы и др., но это были разрозненные сведения и рецепты, а главное – не было метода для целенаправленного наращивания знаний о природе. Знания схоластиков о природе были умозри-

тельными, однако ими был наработан логический инструментарий построения систем знаний на основе определённых начал.

Мостом от схоластики к науке стала натурфилософия. Большое значение для формирования наук Нового времени имел перевод на латынь текстов арабских мыслителей (по философии, математике, астрономии, оптике, медицине и др.). В XIV в. в Оксфордском университете работали так называемые оксфордские калькуляторы²⁸, которые стремились «математизировать» натурфилософию и создали основы кинематики (науки о движении тел в пространстве). Ключевым достижением калькуляторов стало отделение мысленных образов механического движения от речевого рассуждения и перенос их в иную знаковую форму – графики, математические выражения и теоремы. Это позволило калькуляторам оформить ряд собственно физических понятий (равномерное движение, равноускоренное движение), а их последователи²⁹ перешли к графическому анализу движения тел.

Галилео Галилей³⁰, знакомый с этими работами, совершил прорыв, создав метод познания, соединяющий эмпирические наблюдения и натурные эксперименты (с измерениями и фиксацией данных) и мысленные эксперименты. Мысленный эксперимент представлял собой серию вопросов воображаемому собеседнику, сформулированных так, что они вынуждали этот «модельный разум» отказаться от привычных представлений и породить новый идеальный объект, «зерно» будущей развёрнутой мысли (теории) [43].

²⁶ Смысловые доминанты средневековой мысли: время (жизни человека), социальные отношения (видимые через призму «любви к ближнему»), труд, богатство и собственность, право, социальный статус и призвание человека, личность (персона) [27].

²⁷ Вместе с деятельностью церкви, монашеских орденов, дипломатов и др.

²⁸ Или мертонские калькуляторы – группа философов, связанных с Мерстон-колледжем в Оксфорде (Т. Брадвардин, У. Хейтсбери, Р. Суайнхед, Дж. Дамблтон). См. [44].

²⁹ Николай Орем, причастный к Парижскому университету (упомянут в его документах в 1348 г.; Джованни ди Казали, преподававший в Кембридже в 1340–1341 гг. и в Болонском университете в 1346–1352 гг.).

³⁰ Работал в Пизанском (с 1589 г.) и Падуанском (в 1592–1610 гг.) университетах.

В течение XVII–XVIII столетий новый тип мышления – естественнонаучное – развивает свои средства: схемы и модели, способы математического описания физических процессов (И. Ньютоном³¹ создан математический аппарат науки, включающий дифференциальное и интегральное исчисление), выдвижение и проверка гипотез, техника натурного и лабораторного эксперимента с использованием измерительных приборов. Вырабатываемые наукой схемы, модели, законы применяются в промышленности, строительстве, на транспорте, в военном деле и др.

Появляется масштабный спрос на обученных людей, которые могут применять научные знания на практике, и в промышленно развитых странах (Франции, Англии) создаются технические, инженерные школы. Однако эти школы не могли стать местом обитания и роста самой науки: их выпускники были способны использовать научные знания, чертежи и схемы в своей деятельности, но не были носителями научно-теоретического мышления и методов исследовательской работы.

Повторялась в каком-то смысле ситуация XIII столетия: носители передового типа мышления существовали «штучным образом» и «в зазорах между институтами» – то среди придворных, то в университете (который был недружественной средой), то в среде промышленников, то в своём имении, превращённом в лабораторию («наука как досуг джентльмена»³²). Необходима была повторная институционализация интеллекта, на этот раз научного (исследовательского). В Германии был создан «гумбольдтовский» университет вначале как мыслимая возможность и затем как прецедент университета нового типа (исследовательский) – Университет 2.0, который стал «социальным телом»

научно-теоретического мышления. При этом Университет 2.0 сохранял и развивал достижения мышления Университета 1.0: определение (полагание) сущностей (предметов мышления); требование связности и логичности размышления; оформленность результатов и выводов.

В университете второго поколения студенты осваивали наработанные науками знания, научно-теоретическое мышление и методы исследовательской деятельности. Для этого они должны были, во-первых, пройти через «учебный конвейер»³³ – слушать лекции, читать учебники и научные работы, решать задачи на семинарах и в лабораториях. Во-вторых, они должны были включаться в работу научной школы, провести собственное исследование и по его результатам написать и защитить квалификационную работу.

- **Предметность мышления** в Университете 2.0: Природа как объекты и процессы, которые удерживаются через понятия: тело, движение, скорость, вероятность, поле, элементарная частица и др.; законы природы, определяющие связь объектов и процессов в математической форме связи переменных и функций³⁴.

- **Способ мышления** включал: создание идеальных объектов («материальная точка», «равномерное движение», «вероятность», «поле» и др.); оперирование ими и построение теоретических моделей; формулировку гипотез; мысленное экспериментирование; перевод моделей в математическую форму (алгебраических, дифференциальных и интегральных уравнений и др.); развёртывание мысли на материале терминов, схем, графиков, математических формул; создание теорий как систем логически связанных знаний (развёртывание моделей от простых к сложным).

³¹ И. Ньютон был более 30 лет связан с Тринити-колледжем Кембриджского университета: в 1661 г. стал студентом, в 1668 г. – магистром, в 1669 г. – профессором.

³² *Gentleman scientist* – состоятельный человек, ведущий исследования на собственные средства независимо от каких-либо институций.

³³ Термин предложен А.П. Зинченко [15].

³⁴ Филология, история и другие подобные предметы отчасти оставались схоластическими, умозрительными, отчасти следовали образцам эмпирической науки.

• **Направленность мыслительной работы:** 1) постановка задач для наблюдений и экспериментов, интерпретация их результатов; открытие законов природы, построение научных теорий и оформление онтологии природы; 2) создание теоретических оснований для технологий и конструкций как база индустриальной цивилизации.

Университет 3.0

В XX столетии лидирующие страны завершили индустриализацию; форму индустрии (деятельностных «машин») приняли не только промышленность, но и сельское хозяйство, торговля, финансы, услуги, медицина, образование и др. Ведущей формой экономической деятельности стали национальные и глобальные компании – сложные конфигурации фабрик и заводов, торговых и сервисных организаций, структур, производящих инновации (промышленные лаборатории, конструкторские и дизайнерские бюро и др.)³⁵. Сформировались постиндустриальные (или сверхиндустриальные) экономика и общество.

Й. Шумпетер [45], исследовавший влияние инноваций на экономические процессы, выделил новый тип деятельности – предпринимательскую, ведущую деятельность постиндустриальной эпохи. Предприниматель конструирует новую «сборку» существующих идей, технологий, деятельности, позволяющую производить новые товары и услуги, формировать новые потребности и создавать новые рынки. Таким образом, он создаёт новые возможности для деятельности.

Предприниматель работает в особой деятельности, единицы которой – это субъекты производства и потребления, сервисных и посреднических деятельностей; про-

цессы («то, что происходит») – это замысливание и инициирование деятельности, коммуникация, партнёрство и конкуренция; на эти процессы влияют разные среды – социальная, культурная, политическая, институциональная. Чтобы в этой действительности видеть новые возможности и создавать инновации, нужны новые знания, способы деятельности и инструменты. Предметом предпринимательского мышления становятся субъекты, активности, деятельности, рынки, коммуникации, среды и др.

Институциональное оформление предпринимательской деятельности сформировало расширенный запрос на инновации (продуктные, технологические, организационные, маркетинговые и др.) как ключевой актив предпринимательства. Университеты-лидеры в ответ на данный вызов формируют инновационные и предпринимательские компетенции и новую конфигурацию взаимодействий с бизнесом.

В XX столетии человечество пережило две мировые войны и ряд социально-политических революций; мыслители, писатели, художники осмысливали эти события как катастрофы, которые поставили под вопрос «человечность человека». На рубеже тысячелетий информационная и цифровая революция резко ускорила размывание привычных образов жизни. Таким образом человек стал проблемой для самого себя [46–48], что дало импульс развитию гуманитарных наук и практик.

В этих условиях в XX–XXI вв. формируются и развиваются новые науки и области исследований: экономика, политология, управление, социология, культурология, психология и др.³⁶ Заметим, что в каждой из этих областей (и зачастую независимым образом)

³⁵ Постиндустриальный переход в высшем образовании России: на примере анализа развития рынка образовательных услуг Северо-Запада РФ Российской Федерации. Доклад Фонда «Центр стратегических разработок «Северо-Запад»: науч. рук. В.Н. Княгинин. Санкт-Петербург, 2005. 127 с. URL: https://csr-nw.ru/upload/iblock/30a/6_postind_perehod.pdf (дата обращения: 28.05.2024).

³⁶ Политики, управленцы выходили из стен университетов первого и второго поколения, но это происходило в результате «посадки дискурсов на людей» и формирования персонального мастерства, а не освоения научной предметности.

возникают две линии науки – естественная и гуманитарная. Так, экономика как естественная наука изучает происходящие независимо от человеческого сознания процессы создания ценностей, движения товарных и денежных масс, миграции капиталов. Как гуманитарная – изучает влияние рациональных и иррациональных мотиваций, представлений о благе и о способах его достижения на поведение человека. Психология как естественная наука изучает поведение и психику в терминах процессов и функций; как гуманитарная наука – внутренние миры людей и порождаемые ими акты и поступки (субъективные действительности). Управление как естественная наука будет прикладной версией кибернетики, как гуманитарная – наукой о работе в системах с множеством субъектов/акторов (о коллективной генерации целей, рождении инициатив, координации активностей, создании рефлексивных контуров). Таким образом, новое по типу мышление постиндустриальной эпохи – гуманитарное. Оно отличается от естественнонаучного не только по предмету (человек, общество, культура), но и по способу и базовым категориям (субъект, его действительность, коммуникация, событие и др. [49]).

Особую форму принимает проектное мышление. В предыдущую эпоху оно занималось вещами и процессами; проект имел вид чертежа или технического регламента. Новые системы деятельности задавались косвенным образом через новые вещно-процессные системы.

В современном мире проектируются именно системы деятельности в их полноте; при этом удерживаются рамочные (надсистемные) конструкции, такие как ценности и миссии. Объектами проектирования становятся конфигурации позиций, коммуникации между ними; проектировщик имеет в виду (и в каком-то смысле задаёт) деятельность и цели носителей этих позиций. В системах деятельности проектируются механизмы их самоизменения – рефлексивные контуры, самообучаемость. Таким образом

проект становится многослойным, многопредметным, а само проектирование – коллективной работой, не просто функционально распределённой, а многопозиционной. Проектное мышление смыкается с организационно-управленческим, но, в отличие от обычного организационно-управленческого мышления, оно направлено на будущее.

Для освоения студентами инновационной, предпринимательской деятельности и гуманитарного мышления в университете должны быть развёрнуты (и включены в образовательный процесс) исследовательская и проектная деятельности, осуществляемые в командных и сетевых форматах. Студент должен уметь разработать и реализовать проект – например, создать стартап и представить его на рынке.

- **Предметность мышления** в Университете 3.0: мир деятельности, её компоненты и условия (субъекты, активности, технологии, рынки, среды, инновации); конфигурации деятельности – связи, возможности, продуктивность, сложности, риски. Формируется особая предметность гуманитарного мышления (субъекты, их действительности, коммуникации, событийность).

- **Способ мышления** включает: идентификацию возможностей (продуктивных, технологических, деятельностных, рыночных и др.); анализ возможностей на основе моделей в разных предметностях (полипредметное мышление); замысливание инновации – новой системы деятельности (продукт, технология, организационная схема производства, выход на рынок). Интеллектуальная работа явным образом включает коммуникацию и рефлексия, в том числе выявление культурных и персональных оснований, включённых в неё или в её предмет позиций (гуманитарный сдвиг).

- **Направленность мыслительной работы:** 1) постановка проблем и задач для гуманитарных исследований и проектных разработок (в области экономики, психологии, образования, управления), построение принципов и методов предпринимательской

деятельности, создание онтологии деятельности; 2) создание концептуальных оснований и технологий для новых социально-производственных и социокультурных практик.

Университет 4.0

В XXI столетии человечество обнаруживает себя в новой, сложной и проблемной ситуации. Локальные цивилизации, уже объединившиеся на экономическом уровне (глобальные товарные обмены и производственные цепочки), конфликтуют на уровне ценностей и представлений о желаемом будущем; эти цивилизационные конфликты разворачиваются в условиях «тесного» мира и наличия девяти ядерных держав. Производственная деятельность стала причиной масштабных экологических и климатических изменений – её продолжение в прежних формах приведёт к разрушению биосферы. В условиях глобальной связности и мобильности неотъемлемой частью жизни станут пандемии, аналогичные *COVID-19*.

Появление искусственного интеллекта (ИИ) порождает новые риски, например, вытеснение человека из производственных процессов или «интеллектуальной конкуренции» человека и ИИ, который может стать значимым источником изменений на планете. Наконец, непредсказуемы изменения самого человека в результате погружения в виртуальные коммуникативные среды, психологического «срачивания» с цифровыми гаджетами и ИИ-агентами.

Перечислены лишь самые обсуждаемые вызовы, актуальные для человечества. Оно слишком велико и активно, чтобы разрешить возникшие проблемы откатом в прошлое, к предыдущим технологиям, формам хозяйствования и жизни в целом. Путь к благополучию лежит только через инновации, создание новых хозяйственных, культурных, социально-организационных, политических, управленческих практик – именно практик, т. е. целостных и устойчивых дей-

ствительностей, а не отдельных технологий или видов деятельности.

Под практикой авторы понимают не «работу, дающую полезный результат», но практикование – разворачивание в мышлении, деятельности, социальных отношениях определённой системы взглядов, способов деятельности, ценностей. Практика складывается и развёртывается, исходя из её онтологических, ценностных, этических оснований. Такие основания – результат мышления. В условиях, когда новая практика должна замысливаться, опробоваться и развёртываться быстро (нет в запасе столетий для неспешного эволюционного движения), мышление становится делом номер один. Мышление даёт возможность опробовать основания новой практики в идеальном плане, на модели или на специальных «пробных телах мысли»³⁷, снижая возможные риски последствий инноваций.

Мышление уплотняет время, потому что оно неэволюционным образом «упаковывает» и включает прошлую деятельность в будущую через идеализацию, преобразование идеальных объектов и полагание оснований новой действительности. Такое мышление, как мета-технология, само нуждается в проектировании, конструировании, экспериментальной «обкатке».

Уже в настоящее время человек перекладывает механический компонент мышления на компьютеры. Идут разработки самоизменяющихся алгоритмов (искусственных нейронных сетей), технологий информационного связывания компьютеров с действительностью (машинное зрение и т. п.). Создан «слабый» искусственный интеллект, делаются пробы создания «сильного» ИИ. В перспективе будут созданы гибридные коллективные субъекты мышления, включающие людей и искусственных интеллектуальных агентов. Предметом «мышления о мышлении» станут конструкции коллективных и гибридных интеллектов, их возможно-

³⁷ Пробным телом может быть экспериментальная практика.

сти и ограничения, условия эффективности, технологии работы.

Итак, мышление в Университете 4.0 – это полагание рациональных и ценностных оснований новых практик; это «мышление о мышлении», создание конструкций и технологий работы коллективных и гибридных интеллектов. Это мышление методологическое (о методологическом мышлении и методологической работе см. [50]), рефлексивное и произвольное в отношении собственных оснований, предметности и используемых средств.

Чтобы студенты освоили такое мышление, в университете они должны участвовать в работе коллективных и гибридных интеллектов, в создании виртуальных действительностей, реконструкции оснований существующих практик и создании новых. Они должны участвовать в коммуникациях носителей разных действительностей, разных практик, удерживая общую рамку «мира миров» (таб.).

- **Предметность мышления** в Университете 4.0 – мир мышления: индивидуальные, коллективные и гибридные субъекты мышления и их активность; правила, нормы, принципы мышления; основания, возможности и границы различных мышлений и практик; мышление и практика как коллективная и многопозиционная действительность; «тонкие» структуры коллективного мышления и практики – проблематизация, генерация, рефлексия, работа сознания и воли, концентрация, трансценденция и др.

- **Способ мышления** включает: выделение / полагание / преобразование оснований (онтологических, ценностных, этических) и границ мышлений и практик; анализ / рефлексию предметности и используемых средств (мышления и практики); создание пробного тела мысли – виртуальной дей-

ствительности (мира); испытание мысли действием; создание, испытание и настройка коллективных, гибридных интеллектов.

- **Направленность мыслительной работы:** 1) создание новых инструментов для предметных мышлений, разработка принципов и правил методологического мышления, построение общей топики мышления³⁸; 2) работа с субъектностью (становлением субъекта), создание конструкций и технологий работы коллективных и гибридных интеллектов; создание основ когнитивной цивилизации: технологий, принципов организации деятельности; социальных отношений и институтов; новых антропопрактик.

Поколения университетов: работа с основаниями мышления и деятельности

Университет как «социальное тело мышления» работает с основаниями. В качестве оснований могут выступать различные организованные мышления и деятельности³⁹:

- категории и идеальные объекты (пространство мысли и его базовое наполнение) – онтологическое основание. Мысль, идущая к основаниям, показывает, на что мир логически разбирается (что «простое» находится в основе его сложности);

- технологические и организационно-деятельностные основания – каким образом нечто делается. Технология может оказываться базовой по отношению к онтологии, если онтология пересматривается для «упаковки» значимых (прорывных) технологий в картину мира – ответ на вопрос «каким образом» определяет ответы на вопросы «что» и «почему» (или «зачем»);

- ценностные и эстетические основания мысли и действия – ради чего они предпринимаются. Мысль, задающая основания, показывает, во что мир должен «собраться»;

³⁸ В настоящее время не определено, в каких категориальных или метафорических конструкциях могут быть определены основания и границы методологического мышления.

³⁹ В чём-то сходную ситуацию осмысливал Аристотель, размышляя о том, почему вещи таковы, какие они есть (а не иные); при этом он выделил четыре типа причин: материальная (субстрат вещи), формальная (как оформлен, организован субстрат), действующая (причина, которой порождена вещь), целевая (ради чего есть эта вещь).

Поколения университетов: деятельность, мышление, социум, человек
Generations of universities: activity, thinking, society, human being

Компоненты схемы	Характеристики поколений университетов			
	Университет 1.0 (доиндустриальное общество)	Университет 2.0 (индустриальное общество)	Университет 3.0 (постиндустриальное общество)	Университет 4.0 (когнитивное общество)
Деятельность, воспроизводимая университетом	Персональное мастерское действие (на высших уровнях мастерства – создание произведений, шедевра). Деятельность основана на осмысленном (через рассуждение) образце, традиции, она создаёт благо	Стандартизированное, технологичное действие. Исследование вещей, взаимодействие друг с другом (естественное) – наблюдение, эксперимент, моделирование. Создание научных основ для конструкций машин и технологий	Проектное / предпринимательское действие. Разработка проектов; конструирование предпринимательских схем; исследование и развитие новых рынков продуктов и услуг. Создание оснований для проектов и практик (исследования и разработки в деятельности и гуманитарной парадигме)	Поисковое действие (специально организованное и оснащённое). Разработка оснований для новых практик (концептов, онтологий, систем ценностей); технологизация мышления, создание коллективных и гибридных интеллектов; создание виртуальных действенности как «пробных тел»; разработка методов и технологий создания «персональных миров» [51]
Мышление в университете	Метафизическое (схоластическое) – размышление об источниках и началах сущего	Рациональное, естественнонаучное – оперирование объектами и процессами	Полипредметное – оперирует объектами, процессами, субъектами, активностями; формирует новые предметности (политика, управление, социальный дизайн и др.)	Методологическое (метапредметное) – рефлексивное в отношении онтологий, предметности и используемых средств (в том числе собственных); оперирует основаниями практик – онтологиями, ценностями
Социальное измерение университета	Корпорация интеллектуалов: братство посвящённых, приобщённых к знанию, и одновременно иерархическое сообщество (иерархия учебных степеней и званий)	Социальная машина, где отношения и взаимодействия регламентированы и стандартизованы. (Братство интеллектуалов сохраняется в «эзотерическом ядре» университета – неформальных сообществах)	Сочетание вертикальных и горизонтальных отношений, администрирования и командной работы; гибкость нормирования и персонализация взаимодействия. Университет организован в логике центров компетенций, среда, ресурсов и пользователей; включён в исследовательские и образовательные сети, в технологические экосистемы	«Сообщество» интеллектуальных сообществ (коллективных интеллектов). Университет интегрируется с обществом, создавая и поддерживая мыслящие сети, мыслящие среды. Ведущий тип отношений внутри университета и университета с партнёрами – позиционные взаимодействия и синергия сотрудничества
Человек – идеальная форма, ориентир для университета	Творение и подобие Божие, мастер (философствования, риторики, полемики и др.). Его ценности и установки: совершенство действия, преемственность традиции, «вечная жизнь» через произведение	Исследователь (на фронтире научной картины мира) и одновременно преподаватель – исполнитель частичной функции внутри образовательного конвейера. Его ценности и установки: рациональность, индивидуализм, прагматизм, инструментальность, технологичность	Лидер, предприниматель, организатор, метапрофессионал. Его ценности и установки: инновационность, открытость, коммуникабельность, готовность осваивать новые деятельности, работать с проблемами и открытыми ситуациями	Субъект поисковой активности, «игры с границами», замысливания и реализации «сотворённых миров». Его ценности и установки: креативность, само-стояние, концентрация сознания и воли, индивидуальность, доверие, синергия, интерактивность

Типы оснований мышления и деятельности

Types of foundations of thinking and activity

• этические основания – определение границы (и формы) допустимого для мысли и действия исходя из того, что существуют иные субъекты мысли и действия с их смыслами, целями и свободой; есть иные формы бытия (биосфера, другие цивилизации на нашей же планете, потенциально – «сильный» искусственный, неантропоморфный интеллект), которые самодостаточны и требуют пространства для своего развёртывания;

• социально-практические основания мысли и действия, которые должны объединить направленность на возможное (совершенное) бытие с установкой на сохранение исторически опробованных социально-культурных целостностей⁴⁰.

Наконец, основаниями мысли и действия могут служить понимание собственного непонимания, знание собственного

незнания, которые задают направленность этого действия на границу (и за границу) освоенного, мыслимого и воображимого. Основанием в такой поисковой работе становится ещё только возможная новая целостность, построенная не на наличных смыслах и интенциях, а тех, которые ещё только могут появиться, если ограниченность наличного будет преодолена. Разные по типу основания мышления и деятельности схематически представлены на рисунке, они в общем случае не образуют какой-либо иерархии – различные отношения соподчинённости оснований могут возникать в разных деятельностных или исторических ситуациях.

Университеты разных поколений двигались одновременно по нескольким линиям работы с основаниями, с акцентом на одной-двух линиях в том или ином поколении:

⁴⁰ Социально-политические революции XX столетия могут быть примером того, как результатом проектного преобразования социума, нацеленного на построение нового и лучшего мира, оказываются масштабные деструкции, поскольку попутно разрушаются сложные для понимания акторами революции институциональные сцепки.

- Университет 1.0 – онтологические и ценностные основания (в религиозной картине мира они не были разделены);

- Университет 2.0 – онтологические и технологические основания, которые собирались в естественнонаучную картину мира и были реализованы через инженерно-технические практики;

- Университет 3.0 – технологические и социально-практические основания, собираемые в деятельностной картине мира и реализуемые через инновационно-предпринимательские и социально-гуманитарные практики;

- Университет 4.0 – социально-практические и этические основания, необходимые для формирования социо-антропной картины мира и развёртывания культурно-экологических и социально-антропологических практик.

Заключение. Университет как институт мышления – возвращение к началам и новые задачи

Само рождение университетов было связано с тем, что умственный труд и передача сложных форм мышления из поколения в поколение требовали особой институциональной формы. Тем не менее, в течение столетий трансляция мышления была скорее побочным результатом передачи определённых предметных содержаний, чем прямой целью университетского образования. Так, среди студентов, изучающих математику (и успешно сдающих экзамены), только часть овладевает математическим мышлением, то есть способна, столкнувшись с задачей не из задачника, превратить её в математическую и создать способ решения.

В сегодняшнем динамичном мире появляется всё больше открытых, проблемных ситуаций, с которыми невозможно справиться имеющимися способами на мыслительном или на практическом уровне. Они требуют собственно мышления, то есть способности с нуля определить / сформировать предмет-

ность («с чем имеем дело») и тип задачи, способ решения. Тем самым будут созданы основы и для практического разрешения такой ситуации.

Подобные ситуации часто осмысливаются как междисциплинарные задачи, заведомо находящиеся на стыке двух или трёх известных дисциплин – достаточно привлечь соответствующие знания, методы или специалистов для их решения. Альтернативное понимание таких задач: они бросают вызов самим дисциплинарным делениям знаний, определениям предметов, наличным моделям и методам работы и даже ставят под вопрос базовые схематизмы и категории мышления.

Каким образом могут и должны решаться пограничные, проблемные задачи? Значимый компонент этого пути – развёртывание, оснащение, культивирование методологического мышления и методологической работы, которая делает предметом исследования и преобразования различные типы мышления, связанные с определёнными предметами и практиками. Методологическая работа – это анализ, рефлексия, критика частных видов мышления; это сборка новых конфигураций из наличных мышлений или (возможно) креативное порождение новых мышлений (с их категориальным строем, схематизмами, моделями). Другой компонент – сборка и запуск работы коллективных интеллектов, способных, с одной стороны, привлечь знания и методы в пределах имеющихся предметных областей, с другой – породить решение, которое невозможно вывести из частных (внутридисциплинарных) моделей. Такое решение может остаться уникальным «инсайтом», непонятным для внешнего (извне проблемно-креативной коммуникации) наблюдателя. В иных случаях оно может быть объективировано, дискурсивно разъяснено – для чего требуется дополнительное, развёрнутое уже не в сторону исходной проблемы, а в сторону возможной аудитории, онтологическое конструирование. Для того, чтобы сделать

инсайт понятным для других, необходимо его прояснить, т. е. «вынуть» (создать?) его внеситуативный смысл и конструктивно развернуть в определённой логике и увязать с имеющимися представлениями⁴¹. Если это удаётся, возникает новая предметная область с новыми понятиями, схематизмами мысли, возможно, даже категориями.

Ключевой целью образования при этом будет становление методологического мышления (способности работать с идеями, концептами, понятиями, моделями как особыми предметами осмысления и преобразования) и наработка компетенций, необходимых для включения человека в коллективные (и гибридные) интеллекты. Для этого потребуются: 1) создание и распространение соответствующих форматов и технологий интерактивной и коллективной работы студентов, в отличие от отдельных учебных дисциплин, которые дают сегодня студентам некоторые представления и знания о мышлении (курсы философии, психологии, критического мышления и т.п.); 2) организация коллективной работы студентов и преподавателей, направленной на проблемные ситуации (границы мышления) и включающей мышление, коммуникацию, понимание, рефлекссию, пробные действия; 3) трансформация представлений о культурном и социальном значении университета, миссии и смыслах его существования.

Это означает, что университетам-лидерам предстоит возвращение к началам в двух смыслах: 1) возвращение к своему предназначению как институту мышления, месту, где рождается, оформляется, транслируется мышление; 2) работа с началами – основаниями систем знаний, технологий, прак-

тик, т. е. обращение к базовым проблемам человечества и человека, онтологическое конструирование, задание ценностей и этических принципов, создание и опробование прототипов новых практик.

При этом другие функции университета – обучение и социализация молодёжи и др. – не исчезают, однако они не уникальны и могут быть разделены с другими институтами общества, что и происходит во всё возрастающих масштабах.

Каким образом может на практике возникнуть Университет 4.0? Возможно проектное создание новой институции подобно тому, как «модельный образец» Университета 2.0 был создан по проекту В. фон Гумбольдта в Берлине. Возможно создание экспериментальных площадок в рамках существующих университетов⁴². Перспективен также поиск сетевых, мобильных, виртуальных форматов существования Университета 4.0⁴³.

Литература

1. *Ле Гофф Ж.* Интеллектуалы в Средние века: пер. с франц. А.М. Руткевича. 2-е изд. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2003. 160 с. URL: http://yanko.lib.ru/books/temp/goff-intellectuala_v_sred_veka.pdf (дата обращения: 28.05.2024).
2. *Уваров П.Ю.* История интеллектуалов и интеллектуального труда в Средневековой Европе (спецкурс). М.: ИВИ РАН, 2000. 98 с. ISBN 5-201-00540-3. EDN: RPQKFB.
3. *Щедровицкий Г.П.* Проблемы построения системной теории сложного «популятивного» объекта // Мышление – Понимание – Рефлексия. М.: Наследие ММК, 2005. С. 245–284. EDN: QXLVWL.
4. *Яснeфс К.* Идея университета: пер. с нем. Т.В. Тягуновой; ред. перевода О.Н. Шпарага; под общ. ред. М.А. Гусаковского. Минск:

⁴¹ Способом увязки может быть «онтологическое уничтожение» прежних представлений – показывается, что они являются неизбежной видимостью, затемняющей понимание предмета в определённых (частных) условиях.

⁴² Прецедент создания такой площадки «будущего в настоящем» описан (в формате концепта, интервью и личных историй участников) в работе [52]. В том числе обсуждается необходимость баланса между ограничением и защитой площадки внутри традиционного вуза и её интеграцией в университет-носитель.

⁴³ В качестве прецедента можно обсуждать Университет Сингулярности (Singularity University).

- БГУ, 2006. 159 с. URL: <https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/4530/1/Ясперс.pdf> (дата обращения: 28.05.2024).
5. Никитин В.А. К представлению об исторических циклах университетского образования // Вопросы методологии. 1991. № 2. С. 67–68. https://www.kentavr.mathedu.ru/text/voprosy_metodologii_1991_2/p67/ (дата обращения: 28.05.2024).
 6. Щедровицкий П.Г. Смена поколений университетов как ось изменения образовательных формаций. Современный университет [Электронный ресурс] / Сайт Петра Щедровицкого. 2022. URL: <https://shchedrovitskiy.com/smena-pokoleniy-universitetov/> (дата обращения: 28.05.2024).
 7. Небофский Е.В. Реконструирование модели университета: переход к формату 4.0 // Интернет-журнал «Мир науки». 2017. Т. 5. № 4. DOI: 10.15862/26PDMN417
 8. Виссема Й.Г. Университет третьего поколения: управление университетом в переходный период. М.: Сбербанк, 2016. 422 с. URL: <https://alpinabook.ru/catalog/book-universitet-tretego-pokoleniya-sberbank/> (дата обращения: 28.05.2024).
 9. Giesenbauer B., Møller-Chris G. University 4.0: promoting the transformation of higher education institutions toward sustainable development // Sustainability. 2020. No. 12: 3371. DOI: 10.3390/su12083371
 10. Rosak-Szyrocka J., Apostu S.A., Ali Turi J., Tanveer A. University 4.0 sustainable development in the way of society 5.0 // Sustainability. 2022. No. 14: 16043. DOI: 10.3390/su142316043
 11. Crow M.M., Dabars W.B. The fifth wave: The evolution of American higher education. Johns Hopkins University Press, 2020. 456 p. URL: <https://www.press.jhu.edu/books/title/11790/fifth-wave> (дата обращения: 28.05.2024).
 12. Ефимов В.С., Лантева А.В. Университет 4.0: философско-методологический анализ // Университетское управление: практика и анализ. 2017. № 1. С. 16–29. DOI: 10.15826/umpra.2017.01.002
 13. Ефимов В.С., Лантева А.В. Фазовые трансформации и будущее университетов: философско-методологический анализ // Университетское управление: практика и анализ. 2016. № 6. С. 146–158. DOI: 10.15826/umj.2016.106.068
 14. Efimov V., Lapteva A. New generation of universities. University 4.0 // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 2016. Vol. 9. No. 11. Pp. 2681–2696. DOI: 10.17516/1997-1370-2016-9-11-2681-2696
 15. Зинченко А.П. Учебный план и траектория становления человека // Кентавр. Методологический и игротехнический альманах. 1996. № 2. С. 50–55. URL: https://www.kentavr.mathedu.ru/text/kentavr_1996_2/p51/ (дата обращения: 28.05.2024).
 16. Ефимов В.С., Лантева А.В. Когнитивный университет: контуры будущего // Университетское управление: практика и анализ. 2014. Т. 94. № 6. С. 18–29. URL: <https://www.umj.ru/jour/article/view/414/415> (дата обращения: 28.05.2024).
 17. Вико Дж. Основания новой науки об общей природе наций: пер. с итал. А.А. Губера. М.; Киев: REFL-book; ИСА, 1994. 656 с. URL: https://platon.net/load/knigi_po_filosofii/istoriya_prosveshhenie/viko_dzhambattista_osnovaniya_novoj_nauki_ob_obshej_prirode_nacij_1994/11-1-0-1916 (дата обращения: 28.05.2024).
 18. Тюрго А.Р. Избранные философские произведения. М., 1937. Прогресс человеческого разума // Философия и общество. 1999. № 3. С. 160–167. EDN: XRQIWX.
 19. Де Кондорсе М. Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума. М.: Юрайт, 2024. 193 с. URL: <https://urait.ru/bcode/541776> (дата обращения: 28.05.2024).
 20. Гегель Г. Феноменология духа: пер. с нем. Г.Г. Шпета. М.: Наука, 2000. 495 с. URL: <https://djvu.online/file/zO5rHafXQp8OH> (дата обращения: 28.05.2024).
 21. Щедровицкий Г.П. Проблема исторического развития мышления // Мышление – Понимание – Рефлексия. М., Наследие ММК, 2005. С. 227–244. EDN: QXLVWL.
 22. Лакатос И. Избранные произведения по философии и методологии науки: пер. с англ. И.Н. Веселовского, А.А. Никифорова, В.Н. Поруса. М.: Академический проект; Трикта, 2008. 475 с. URL: <https://djvu.online/file/V20wmwKyscnk5> (дата обращения: 28.05.2024).
 23. Розин В.М. Специфика и формирование естественных, технических и гуманитарных наук. Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1989. 200 с. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01001471273> (дата обращения: 28.05.2024).

24. *Розин В.М.* Наука: происхождение, развитие, типология, новая концептуализация. М., Изд-во Московского психолого-социального института; Воронеж, Изд-во НПО «МОДЭК», 2008. 596 с. ISBN: 978-5-89502-967-1. EDN: QWTWCN.
25. *Леви-Брюль А.* Первобытное мышление: пер. с фр. Б.И. Шаревской. М.: Академический проект, 2022. 430 с. URL: https://academ-pro.ru/index.php?id_product=1517&controller=product&id_lang=7 (дата обращения: 28.05.2024).
26. *Фуко М.* Слова и вещи. Археология гуманитарных наук: пер. с франц. В.П. Визгина, Н.С. Автономовой. СПб.: А-сэд, 1994. 406 с. URL: <https://studylib.ru/doc/2712283/fuko-m-slova-i-veshhi-arheologiya-gumanitarnyh-nauk-1994> (дата обращения: 28.05.2024).
27. *Гуревич А.Я.* Категории средневековой культуры. М.: Искусство, 1984. 350 с. EDN: RKLAON.
28. *Пиаже Ж.* Генетическая эпистемология. СПб.: Питер, 2004. 160 с. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01002447979> (дата обращения: 28.05.2024).
29. *Виготский Л.С.* Собрание сочинений: в 6-ти т. Т. 3. Проблемы развития психики: под ред. А.М. Матюшкина. М.: Педагогика, 1983. 368 с. URL: <https://djvu.online/file/CAqEGnND2CRFt> (дата обращения: 28.05.2024).
30. *Лурия А.Р.* Об историческом развитии познавательных процессов (Экспериментально-психологическое исследование). М.: Наука, 1974. 172 с. URL: https://www.academia.edu/50488642/Лурия_А_Р_Об_историческом_развитии_познавательных_процессов_Экспериментально_психологическое_исследование_М_1974 (дата обращения: 28.05.2024).
31. *Коул М.* Культурно-историческая психология: наука будущего. М.: Когито-центр, 1997. 431 с. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01001785872> (дата обращения: 28.05.2024).
32. *Розин М.В.* Логико-семиотический анализ знаковых средств геометрии (к построению учебного предмета) // Педагогика и логика. М.: Касталь, 1993. С. 201–305. URL: <https://djvu.online/file/mRCzj8siAqJ4d> (дата обращения: 28.05.2024).
33. *Ахутин А.В.* История принципов физического эксперимента: От Античности до XVII в. М.: Наука, 1976. 292 с. URL: <https://books-all.ru/read/459041-istoriya-principov-fizicheskogo-eksperimenta-ot-antichnosti-doxvii-veka.html> (дата обращения: 28.05.2024).
34. *Степин В.С.* Теоретическое знание: Структура, историческая эволюция. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 743 с. EDN: SIOLQR.
35. *Розин В.М.* Типы и дискурсы научного мышления. М.: Эдиториал УРСС, 2000. 248 с. URL: <https://urss.ru/cgi-bin/db.pl?lang=Ru&lang=ru&page=Book&id=242650> (дата обращения: 28.05.2024).
36. *Пятигорский А.М.* Схема типов мышления на рубеже столетий. М.: Фонд Александра Пятигорского, 2002. URL: <https://alexanderpiatigorsky.com/ru/teksty/knigi/ne-izdannoe-lekcii-i-statii/smena-tipov-myshleniya-na-rubezhe-stoletiy/> (дата обращения: 28.05.2024).
37. *Кун Т.* Структура научных революций. М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. 605 с. URL: <https://lib-bkm.ru/14329> (дата обращения: 28.05.2024).
38. *Кессиди Ф.Х.* От мифа к логосу: Становление греческой философии. СПб.: Алетейя, 2003. 360 с. URL: <https://klex.ru/nkg> (дата обращения: 28.05.2024).
39. *Аверинцев С.С.* Порядок космоса и порядок истории в мировоззрении раннего средневековья // Античность и Византия: под ред. Л.А. Фрейберга. М.: Наука, 1975. С. 266–285. EDN: VVLNET.
40. *Аверинцев С.С.* Два рождения европейского рационализма // Вопросы философии. 1989. № 3. С. 3–13. EDN: VRVIEХ.
41. Исторические типы рациональности Т.2: отв. ред. П.П. Гайденко. М.: Институт философии РАН, 1996. 348 с. EDN: SUPWJF.
42. *Библер В.С.* Мышление как творчество. Введение в логику мысленного диалога. М.: Политиздат, 1975. 399 с. URL: <https://klex.ru/b63> (дата обращения: 28.05.2024).
43. *Аверинцев С.С.* Схоластика // Новая философская энциклопедия: в 4 т. 2-е изд., испр. и доп. М.: Мысль, 2010. С. 683–696. EDN: UNXBKW.
44. *Гайденко В.П., Смирнов Г.А.* Западноевропейская наука в средние века: Общие принципы и учение о движении. М.: Наука, 1989. 352 с. EDN: GLOATV.
45. *Шумпетер Й.* Теория экономического развития (Исследование предпринимательской прибыли, капитала, кредита, процента и цик-

- ла конъюнктуры). М.: Прогресс, 1982. 455 с. URL: <https://djvu.online/file/JajYWySAMOXto> (дата обращения: 28.05.2024).
46. Франкл В. Человек в поисках смысла: Сборник: пер. с англ. и нем.: общ. ред. Л.Я. Гозмана, Д.А. Леонтьева. М.: Прогресс, 1990. 368 с. URL: http://library.lgaki.info:404/2017/Франкл_Человек.pdf (дата обращения: 28.05.2024).
 47. Ахутин А.В. Номо Еуропаеус // Фонарь Диогена: человек в многообразии практик. 2016. Т. 2. № 2. С. 271–310. EDN: LBPALB.
 48. Смирнов С.А. Чертов мост. Введение в антропологию перехода. Новосибирск: НГУЭУ, 2010. 491 с. EDN: SEOKWB.
 49. Бахтин, М. М. К философии поступка // Философия и социология науки и техники: Ежегодник 1984–1985. М.: Изд-во «Наука», 1986. С. 80–160. EDN VWTSPТ.
 50. Щедровицкий Г.П. Философия. Наука. Методология. М.: Школа культурной политики, 1997. 656 с. URL: <https://gtmarket.ru/library/basis/5484> (дата обращения: 28.05.2024).
 51. Генисафетский О.И. Культурно-антропологическая перспектива // Иное. Хрестоматия нового российского самосознания. М., 1995. URL: <http://old.russ.ru/antolog/inoe/index.html> (дата обращения: 28.05.2024).
 52. Ефимов В.С., Латтева А.В., Вязников В.Н. Красноярский образовательный феномен. Психолого-педагогический факультет КГУ: история, люди, смыслы. М.: ООО «МАКС Пресс», 2022. 712 с. ISBN 978-5-317-06772-4.

Статья поступила в редакцию 07.06.2024

Принята к публикации 30.08.2024

References

1. Le Goff, J. (1993). *Intellectuals in the Middle Ages*. Wiley-Blackwell, 224 p. Available at: <https://archive.org/details/intellectualsinm0000lego/page/n7/mode/2up> (accessed 28.05.2024).
2. Uvarov, P.Iu. (2000). *Istoriia intellektualov i intellektual'nogo truda v Srednevekovoi Evrope (spetskurs)* [History of intellectuals and intellectual work in Medieval Europe (special course)]. Moscow, Institute of World History RAS, 98 p. ISBN 5-201-00540-3. Available at: <https://klex.ru/1tx6?ysclid=m13on1jho378061513> (accessed 28.05.2024). (In Russ.).
3. Schedrovitskii, G.P. (2005). Problemy postroeniia sistemnoi teorii slozhnogo «populativnogo» ob"ekta [Problems of building a system theory of a complex «populative» object]. *Mysblenie – Ponimanie – Refleksiiia* [Thinking – Understanding – Reflection]. Moscow, Nasledie MMK, pp. 245–284. Available at: <https://www.fondgp.ru/publications/проблемы-построения-системной-теории/> (accessed 28.05.2024). (In Russ.).
4. Jaspers, K. (1959). *The Idea of the University*. Beacon Press, 160 p. Available at: <https://archive.org/details/karl-jaspers-the-idea-of-the-university-1960/page/n157/mode/2up> (accessed 28.05.2024).
5. Nikitin, V.A. (1991). K predstavleniiu ob istoricheskikh tsiklakh universitetskogo obrazovaniia [Toward an idea of the historical cycles of university education]. *Voprosy metodologii* [Methodological issues]. No. 2, pp. 67–68. Available at: https://www.kentavr.mathedu.ru/text/voprosy_metodologii_1991_2/p67/ (accessed 28.05.2024). (In Russ.).
6. Schedrovitskii, P.G. (2015). *Smena pokolenii universitetov kak os' izmeneniia obrazovatel'nykh formatsii. Sovremennyi universitet* [The change of generations of universities as an axis of change in educational formations. Modern university (electronic resource). Website of Piotr Schedrovitskii]. URL: <https://shchedrovitskiy.com/smena-pokoleniy-universitetov/> (accessed 28.05.2024). (In Russ.).
7. Neborskii, E.V. (2017). Rekonstruirovaniie modeli universiteta: perekhod k format 4.0 [Reconstructing the university model: transition to format 4.0]. *Internet-zhurnal “Mir nauki. Pedagogika i Psikhologiya”* = *Internet magazine “World of Science. Pedagogy and Psychology”*. Vol. 5, no. 4, doi: 10.15862/26PDMN417 (In Russ.).
8. Wissema, J.G. (2009). *Towards the Third Generation University: Managing the University in Transition*. Cheltenham, Edward Elgar Publishing, 272 p., doi: 10.4337/9781848446182

9. Giesenbauer, B., Müller-Chris, G. (2020). University 4.0: promoting the transformation of higher education institutions toward sustainable development. *Sustainability*. No. 12: 3371. DOI: 10.3390/su12083371
10. Rosak-Szyrocka, J., Apostu, S.A., Ali Turi, J., Tanveer, A. (2022). University 4.0 sustainable development in the way of society 5.0. *Sustainability*. No. 14: 16043. DOI: 10.3390/su142316043
11. Crow, M.M., Dabars, W.B. (2020). *The fifth wave: The evolution of American higher education*. Johns Hopkins University Press, 456 p. URL: <https://www.press.jhu.edu/books/title/11790/fifth-wave>
12. Efimov, V.S. & Lapteva, A.V. (2017). Universitet 4.0: filosofsko-metodologicheskii analiz [University 4.0: Philosophical and Methodological Analysis]. *Universitetskoe upravlenie: praktika i analiz = Journal University Management: Practice and Analysis*. No. 1, pp. 16-29, doi: 10.15826/umpa.2017.01.002 (In Russ., abstract in Eng.).
13. Efimov, V.S. & Lapteva, A.V. (2016). Fazovyie transformatsii i budushee universitetov: filosofsko-metodologicheskii analiz [Phase transformations and the future of universities: philosophical and methodological analysis]. *Universitetskoe upravlenie: praktika i analiz = University Management: Practice and Analysis*. No. 6, pp. 146-158, doi: 10.15826/umj.2016.106.068 (In Russ., abstract in Eng.).
14. Efimov, V., Lapteva, A. (2016). New generation of universities. University 4.0. *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*. Vol. 9, no. 11, pp. 2681-2696, doi: 10.17516/1997-1370-2016-9-11-2681-2696
15. Zinchenko, A.P. (1996). Uchebnyi plan i traektorii stanovleniia cheloveka [Curriculum and Trajectory of Human Development]. *Kentavr. Metodologicheskii i igrotekhnicheskii almanakh* [Centaur. Methodological and game-technical almanac]. No. 2, pp. 50-55. Available at: https://www.kentavr.mathedu.ru/text/kentavr_1996_2/p51/ (accessed 14.03.2024). (In Russ.).
16. Efimov, V.S. & Lapteva, A.V. (2014). Kognitivnyi universitet: kontury budushchego [Cognitive University: the contours of the future]. *Universitetskoe upravlenie: praktika i analiz = Journal University Management: Practice and Analysis*. Vol. 94, no. 6, pp. 18-29. Available at: <https://www.umj.ru/jour/article/view/414/415> (accessed 14.03.2024). (In Russ., abstract in Eng.).
17. Vico, G., trans. by Bergin, T.G. and Fisch, M.H. (1984). *The New Science of Giambattista Vico: Unabridged Translation of the Third Edition (1744) with the Addition of "Practic of the New Science"*. Cornell University Press, 1984, 496 p. Available at: <https://dokumen.pub/qdownload/the-new-science-of-giambattista-vico-unabridged-translation-of-the-third-edition-1744-with-the-addition-of-quotpractic-of-the-new-sciencequot-9781501702990.html> (accessed 14.03.2024).
18. Turgo, A.R. (1999). Izbrannye filosofskie proizvedeniia. M., 1937. Progress chelovecheskogo razuma [Selected philosophical works. M., 1937. Progress of the human mind]. *Filosofiiia i obshchestvo = Philosophy and Society*. No. 3, pp. 160-167. Available at: <https://www.socionauki.ru/journal/articles/698595/> (accessed 14.03.2024). (In Russ.).
19. Condorcet, M. (1955). *Sketch for a Historical Picture of the Progress of the Human Mind*. Noonday Press, 202 p. (Russian translation: Moscow: Urait, 2024, 193 p. ISBN: 978-5-534-09700-9).
20. Hegel, G. (1988). *Phänomenologie des Geistes*. Hamburg: Felix Meiner Verlag GmbH. ISBN 978-3-7873-0769-2. (Russian translation: Moscow: Nauka, 2000, 495 p. ISBN: 5-02-008380-1).
21. Schedrovitskii, G.P. (2005). Problema istoricheskogo razvitiia myshleniia [The problem of historical development of thinking]. *Myshlenie – Ponimanie – Refleksiiia* [Thinking – Understanding – Reflection]. Moscow, Nasledie MMK, pp. 227-244. Available at: <https://www.fond-gp.ru/publications/проблемы-исторического-развития-мышлени/> (accessed 28.05.2024). (In Russ.).

22. Lakatos, I. (2008). *Izbrannyye proizvedeniia po filosofii i metodologii nauki* [Selected works on philosophy and methodology of science]. Moscow, Academicheskii proekt, Triksa, 475 p. Available at: <https://djvu.online/file/V20wmwKyscnk5> (accessed 14.03.2024). (In Russ.).
23. Rozin, V.M. (1989). *Spetsifika i formirovanie estestvennykh, tekhnicheskikh i gumanitarnykh nauk* [Specificity and formation of natural, technical sciences and humanities]. Krasnoyarsk, Izdatel'stvo Krasnoyarskogo universiteta, 200 p. Available at: <https://search.rsl.ru/ru/record/01001471273> (accessed 14.03.2024). (In Russ.).
24. Rozin, V.M. (2008). *Nauka: proiskhozhdenie, razvitiie, tipologiya, novaya kontseptualizatsiia* [Science: origin, development, typology, new conceptualization]. Moscow, Izdatel'stvo Moskovskogo psikhologo-sotsial'nogo instituta; Voronezh, Izdatel'stvo NPO «MODEK», 596 p. ISBN: 978-5-89502-967-1. (In Russ.).
25. Lévy-Bruhl, L. (2018). *Primitive Mentality*. Routledge, 458 p., doi: 10.4324/9781315122458
26. Foucault, M. (2001). *The Order of Things. An archaeology of the human sciences*. London, New York, Routledge, 448 p., doi: 10.4324/9781315660301
27. Gurevich, A.Ia. (1984). *Kategorii srednevekovoi kultury* [Categories of medieval culture]. Moscow, Iskustvo, 350 p. Available at: http://library.lgaki.info/404/2017/Гуревич_Категории.pdf (accessed 14.03.2024). (In Russ.).
28. Piaget, J. (1970). *Genetic epistemology*. New York, Columbia University Press, 84 p., doi: 10.7312/piag91272
29. Vygotskii, L.S. (1983). *Sobranie sochinenii: v 6-ti t. T. 3. Problemy razvitiia psikhiki* [Collected works: in 6 volumes. Vol. 3. Problems of mental development]. Moscow, Pedagogika, 368 p. Available at: <https://djvu.online/file/CAqEGnND2CRFt> (accessed 14.03.2024). (In Russ.).
30. Lurii, A.R. (1974). *Ob istoricheskom razvitiu poznavatel'nykh protsessov. Eksperimental'no-psikhologicheskoe issledovanie* [On the historical development of cognitive processes. Experimental psychological research]. Moscow, Nauka, 172 p. Available at: https://www.academia.edu/50488642/Лурья_А_Р_Об_историческом_развитии_познавательных_процессов_Экспериментально_психологическое_исследование_М_1974 (accessed 14.03.2024). (In Russ.).
31. Cole, M. (1998). *Cultural psychology: A once and future discipline*. The Belknap Press, 416 p. Available at: <https://www.hup.harvard.edu/books/9780674179561> (accessed 14.03.2024).
32. Rozin, V.M. (1993). Logiko-semioticheskii analiz znakovykh sredstv geometrii (k postroeniui uchebnogo predmeta) [Logical-semiotic analysis of symbolic means of geometry (towards the construction of an academic subject)]. *Pedagogika i logika* [Pedagogy and logic]. Moscow: Kastal', pp. 201-305. Available at: <https://djvu.online/file/mRCzj8siAqJ4d> (accessed 14.03.2024). (In Russ.).
33. Akhutina, A.V. (1976). *Istoriia printsipov fizicheskogo eksperimenta: Ot Antichnosti do XVII v.* [History of the principles of physical experiment: From Antiquity to the 17th century]. Moscow, Nauka, 292 p. Available at: <https://books-all.ru/read/459041-istoriya-principov-fizicheskogo-eksperimenta-ot-antichnosti-do-xvii-veka.html> (accessed 28.05.2024). (In Russ.).
34. Stepin, V.S. (2003). *Teoreticheskoe znanie: struktura, istoricheskaya evoliutsiia* [Theoretical knowledge: structure, historical evolution]. Moscow, Progress-Traditsiia, 744 p. ISBN: 5-89826-053-6. (In Russ.).
35. Rozin, V.M. (2000). *Tipy i diskursy nauchnogo mysleniia* [Types and discourses of scientific thinking]. Moscow, Editorial URSS, 248 p. Available at: <https://urss.ru/cgi-bin/db.pl?lang=Ru&blang=ru&page=Book&id=242650> (accessed 28.05.2024). (In Russ.).

36. Piatigorskii, A.M. (2002). *Skhema tipov mysbleniia na rubezhe stoletii* [A scheme of types of thinking at the turn of the century]. Moscow, Alexander Piatigorsky Foundation. Available at: <https://alexanderpiatigorsky.com/ru/teksty/knigi/ne-izdannoe-lekcii-i-stati/smena-tipov-myshleniya-na-rubezhe-stoletiy/> (accessed 28.05.2024). (In Russ.).
37. Kuhn, T.S. (2012). *The structure of scientific revolutions*. The University of Chicago Press, 212 p. <https://press.uchicago.edu/ucp/books/book/chicago/S/bo13179781.html> (accessed 14.03.2024).
38. Kessidi, F.H. (2003). *Ot mifa k logosu: Stanovlenie grecheskoi filosofii* [From myth to logos: The formation of Greek philosophy]. Saint Petersburg, Aletheia, 360 p. Available at: <https://klex.ru/nkg> (accessed 28.05.2024). (In Russ.).
39. Averintsev, S.S. (1975). Poriadok kosmosa i poriadok istorii v mirovozzrenii rannego srednevekov'ia [The order of cosmos and the order of history in the worldview of the early Middle Ages]. In: Freiberg, L.A. (Ed.). *Antichnost' i Vizantiia [Antiquity and Byzantium]*. Moscow, Nauka, pp. 266-285. Available at: <https://studylib.ru/doc/2067808/averincev-s.s.-poryadok-kosmosa-i-poryadok-istorii> (accessed 28.05.2024). (In Russ.).
40. Averintsev, S.S. (1989). Dva rozhdeniia evropeiskogo ratsionalizma [Two births of European rationalism]. *Voprosy filosofii* [Issues of Philosophy]. No. 3, pp. 3-13. Available at: <https://djuv.online/file/NrnwiVSk9pQuK?ysclid=m13vex98oo707339688> (accessed 28.05.2024). (In Russ.).
41. Gaidenko, P.P. (ed.). (1996). *Istoricheskie tipy ratsional'nosti. T. 2* [Historical types of rationality. Vol. 2]. Moscow, Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, 348 p. Available at: <https://m.eruditor.one/file/632967?ysclid=m13w57qm6t279008745> (accessed 28.05.2024). (In Russ.).
42. Bibler, V.S. (1975). *Mysblenie kak tvorchestvo. Vvedenie v logiku myslennogo dialoga* [Thinking as creativity. An introduction to the logic of mental dialogue]. Moscow, Politizdat, 399 p. Available at: <https://klex.ru/b63> (accessed 28.05.2024). (In Russ.).
43. Averintsev, S.S. (2010). Skholaistika [Scholasticism]. *Novaia filosofskaia entsiklopediia v 4 t., 2-e izd.* [New Philosophical Encyclopedia: 4 volumes, 2nd ed.]. Moscow, Mysl', 2816 p. Available at: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASHd77bb8e881b4426890ced7> (accessed 28.05.2024). (In Russ.).
44. Gaidenko, P.P., Smirnov, G.A. (1989). *Zapadnoevropeiskaya nauka v srednie veka: Obschie printsipy i uchenie o dvizhenii* [Western European science in the Middle Ages: General principles and conception of movement]. Moscow, Nauka, 352 p. Available at: <https://djuv.online/file/aQ6aic62jQQXS?ysclid=m13w9fb7sd383315813> (accessed 28.05.2024). (In Russ.).
45. Schumpeter, J. (2021). *The theory of economic development. An inquiry into profits, capital, credit, interest, and business cycle*. London, Routledge, 254 p. DOI: <https://doi.org/10.4324/9781003146766>
46. Frankl, V. (2006). *Man's Search for Meaning*. Beacon Press, 165 p. Available at: <https://www.beacon.org/Mans-Search-for-Meaning-P602.aspx> (accessed 28.05.2024).
47. Akhutin, A. V. (2016). Homo Europaeus. *Fonar' Diogena: chelovek v mnogoobrazii praktik* [Diogenes' Lantern: human in a variety of practices]. Vol. 2, no. 2, pp. 271-310. EDN: LBPALB (In Russ., abstract in Eng.).
48. Smirnov, S. A. (2010). *Chertov most. Vvedenie v antropologiiu perekhoda* [Damn bridge. Introduction to the anthropology of transition]. Novosibirsk, NSUEM, 491 p. EDN: SEOKWB (In Russ.).
49. Bakhtin, M. M. (1986). K filosofii postupka [Towards a philosophy of action]. *Filosofia i sotsiologiya nauki i tekhniki. Ezhegodnik 1984–1985*. [Philosophy and sociology of science and technology. Yearbook 1984–1985]. Moscow, 80–160. EDN: VWTSTPT (In Russ.).

50. Schedrovitskii, G. P. (1997). *Filosofia. Nauka. Metodologiya* [Philosophy. Science. Methodology]. Moscow, Shkola kul'turnoi politiki. 656 p. Available at: <https://gtmarket.ru/library/basis/5484> (accessed 28.05.2024). (In Russ.).
51. Genisaretskii, O. I. (1995). Kul'turno-antropologicheskaya perspektiva [Cultural-anthropological perspective]. *Inoe. Kbstomatia novogo rossiiskogo samosoznaniia* [The Otherness. Reader of the new Russian self-awareness]. Moscow. Available at: <http://old.russ.ru/antolog/inoe/index.html> (accessed 14.03.2024). (In Russ.).
52. Efimov, V.S., Lapteva, A.V., Viaznikov, V.N. (2022). *Krasnoiarskii obrazovatel'nyi fenomen. Psikhologo-pedagogicheskii fakul'tet KGU: istoriia, liudi, smysl* [Krasnoyarsk educational phenomenon. Psychological and pedagogical faculty of KSU: history, people, meanings]. Moscow, MAKSS Press, 712 p. ISBN 978-5-317-06772-4.

*The paper was submitted 07.06.2024
Accepted for publication 30.08.2024*

ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ В РОССИИ

научно-педагогический журнал

«Высшее образование в России» – ежемесячный межрегиональный научно-педагогический журнал, публикующий результаты фундаментальных, поисковых и прикладных трансдисциплинарных исследований наличного состояния высшей школы и тенденций её развития с позиций педагогики, социологии и философии образования.

Журнал входит в Перечень рецензируемых научных изданий (2018), в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук по следующим научным специальностям:

- 5.4.4 – Социальная структура, социальные институты и процессы (Социологические науки)
- 5.4.6 – Социология культуры (Социологические науки)
- 5.7.6 – Философия науки и техники (Философские науки)
- 5.7.7 – Социальная и политическая философия (Философские науки)
- 5.8.1 – Общая педагогика, история педагогики и образования (Педагогические науки)
- 5.8.2 – Теория и методика обучения и воспитания (по областям и уровням образования) (Педагогические науки)
- 5.8.7 – Методология и технология профессионального образования (Педагогические науки)

Пятилетний импакт-фактор журнала (без самоцитирования) в РИНЦ составляет 2,559; показатель Science Index-2022 – 9,885

Дорогие читатели и авторы! Призываем оформить подписку на журнал «Высшее образование в России».
Светлое будущее нашего издания зависит от вас!

SCOPUS	
Vysshee Obrazovanie v Rossii	
Q1	Philosophy
Q2	Sociology and Political Science
Q3	Education

Журнал издаётся с 1992 года.
Периодичность – 11 номеров в год.
Распространяется в регионах России,
в СНГ и за рубежом.

Главный редактор:
Никольский Владимир Святославович

Редакция:
E-mail: vovrus@inbox.ru, vovr@bk.ru
<http://vovr.elpub.ru>
127550, г. Москва,
ул. Прянишникова, д. 2а

Подписные индексы:
«Пресса России» – 83142

Имеет ли значение наличие высшего образования для поведения молодёжи в сети Интернет?

Научная статья

DOI: 10.31992/0869-3617-2024-33-8-9-123-139

Габдрахманова Гульнара Фаатовна – д-р социол. наук, доцент, заведующая отделом этнологических исследований Института истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан, ведущий научный сотрудник кафедры общей и этнической социологии, ORCID: 0000-0002-1796-5234, Researcher ID: N-1811-2017, medi54375@mail.ru

Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан, Казань, Россия
Адрес: 420111, г. Казань, ул. Батурина, д. 7

Казанский федеральный университет, Казань, Россия

Адрес: 420008, г. Казань, ул. Кремлёвская, д. 35

Аннотация. В статье решается задача сравнения влияния двух факторов – наличия высшего образования и поколенческой принадлежности – на цифровую компетентность и на поведение молодёжи в интернет-пространстве. К её решению привлекаются вытекающие из теории цифрового неравенства подходы, проблематизирующие значение социально-демографических и иных характеристик населения для использования информационно-технологических новинок. Также важной для исследования является теория поколений. Она позволила выделить поколения Y и Z, сформировавшихся в условиях технологических изменений рубежа XX–XXI вв. В статье основное внимание уделяется представителям поколения Z. Их цифровая компетентность и поведение в сети Интернет сравнивается с обладателями высшего образования. Источники исследования: результаты социологического опроса молодёжи, проведённого в 2023 г. в 8 федеральных округах России, данные аналитических компаний, подвергнутые вторичной оценке, материалы официальной статистики.

В России образование является третьим по значимости фактором, влияющим на цифровое неравенство российской молодёжи, уступая двум другим причинам – месту проживания и материальной обеспеченности. Высшее образование сохраняет свои позиции в обеспечении цифровой компетентности молодёжи. Однако его наличие не влияет на поведение молодёжи в сети Интернет. Представители поколения Z, которые сегодня ещё только обучаются в российских вузах или поступают в них, по уровню использования информационно-технологических новинок не уступают тем, кто имеет высшее образование. «Цифровые аборигены» заметно чаще миллениалов оценивают Интернет как источник образования, самообразования, расширения кругозора. Такой запрос формирует новые задачи перед высшим образованием. Статью завершают рекомендации для вузов России в части их работы в значимых для поколения Z социальных медиа.

Ключевые слова: цифровое неравенство, высшее образование, поколение Z, цифровая компетентность, поведение в сети Интернет

Для цитирования: Габдрахманова Г.Ф. Имеет ли значение наличие высшего образования для поведения молодёжи в сети Интернет? // Высшее образование в России. 2024. Т. 33. № 8-9. С. 123–139. DOI: 10.31992/0869-3617-2024-33-8-9-123-139

Is It Matters to Have a Higher Education for the Young People Behavior on the Internet?

Original article

DOI: 10.31992/0869-3617-2024-33-8-9-123-139

Gulnara F. Gabdrakhmanova – Dr. Sci. (Sociology), Associate Professor, Head of the Department of Ethnology, Institute of History named after Sh. Mardjani, Leading Researcher, Department of General and Ethnic Sociology, ORCID: 0000-0002-1796-5234, Researcher ID: N-1811-2017, medi54375@mail.ru

Academy of Sciences of the Tatarstan Republic, Kazan, Russia

Address: 7 Baturina str., 420111, Kazan, Russia

Kazan Federal University, Kazan, Russia

Address: 35 Kremlevskaya str., 420008, Kazan, Russia

Abstract. The article solves the problem of comparing the influence of two factors – the presence of higher education and generational affiliation – on digital competence and on the behavior of young people in the Internet space. Approaches arising from the theory of digital inequality are involved to solve it. They are problematizing the importance of socio-demographic and other population's characteristics for the use of information and technological innovations. Another important study aspect was the theory of generations. It made it possible to identify generations Y and Z, formed under the conditions of technological changes at the turn of the 20th-21st centuries. The article focuses on representatives of Generation Z. Their digital competence and behavior on the Internet is compared with higher education. Sources of the study: a sociological survey of young people in 8 federal districts of Russia conducted in 2023, data from analytical companies subjected to secondary assessment, materials from official statistics.

Education is the third most important factor influencing the digital inequality of Russian youth, two other reasons are behind – place of residence and material security. Higher education maintains its position in ensuring the digital competence of young people. However, its presence does not affect the behavior of young people on the Internet. Representatives of Generation Z, who today are still studying at or enrolling in Russian universities, are not inferior to those who have higher education in terms of the information and technological innovations level of use. Digital natives are noticeably more likely than millennials to evaluate the Internet as a source of education, self-education, and broadening their horizons. Such a request creates new tasks for higher education. The article concludes with recommendations for Russian universities regarding their work in social media that is significant for generation Z.

Keywords: digital inequality, higher education, generation Z, digital competence, behavior on the Internet

Cite as: Gabdrakhmanova, G.F. (2024). Is It Matters to Have a Higher Education for the Young People Behavior on the Internet? *Vysshee obrazovanie v Rossii = Higher Education in Russia*. Vol. 33, no. 8-9, pp. 123-139, doi: 10.31992/0869-3617-2024-33-8-9-123-139 (In Russ., abstract in Eng.).

Введение

Одним из признаков современной социальной дифференциации является вовлечённость населения в интернет-пространство. Для её фиксации исследователи ввели понятие «цифровое неравенство». Многочисленные исследования раскрывают факторы, влияющие на неравенство стран, их отдельных регионов и социальных групп. В числе причин, провоцирующих цифровой разрыв, называется уровень интернетизации государств, подразумевающий наличие или отсутствие доступа людей к компьютерам и компьютерным сетям, средств на подключение к ним. Он, по оценке авторов *Inclusive Internet Index*, постоянно поднимался до 2021 г., после чего произошло замедление темпов роста¹. Однако разрыв в интернетизации между развитыми и развивающимися странами остаётся всё ещё существенным [1].

В последние годы при изучении цифрового неравенства в центре научно-аналитического внимания оказываются человекоориентированные факторы, влияющие на включённость населения, его заинтересованность в освоении информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) [2; 3]. Для Международной компании *Digital Riser* наличие соответствующих знаний, онлайн-креативность, цифровое мышление населения конкретных стран становятся критериями измерения цифрового разрыва между современными государствами².

Значительное число исследований о цифровом неравенстве посвящено другой группе социальных характеристик населения – демографическим, образовательным, поселенческим, поколенческим, материальной обе-

спеченности. Выяснилось, что пол не имеет значения для вероятности использования Интернета. Высокую степень активности в глобальной сети проявляют жители столичных регионов и обладатели более высоких доходов [4]. Уровень цифровой грамотности оказывает влияние на субъективные оценки благополучия молодёжи [5].

Уровень образования трактуется как одно из главных условий, существенно влияющего на цифровые компетентности и открывающие для обладателей высшего образования безграничные возможности Интернета. Так же доказано, что определяющим фактором вхождения в цифровой мир и жизни в нём является возраст [6]. Он «...имеет отрицательный эффект, т. е. чем старше человек, тем с меньшей вероятностью он пользуется всемирной информационной сетью» [7, с. 175]. Однако всё большее число исследователей обращает внимание на значение для цифрового неравенства факта принадлежности к конкретному поколению – представителям групп X, Y или Z, которые сильно отличаются друг от друга по поведению в интернет-пространстве. Среди особенностей поколения Z называется стремление его представителей к самообразованию и к использованию социальных сетей для обучения, прагматическое отношение к образованию (они выбирают лишь то, что им пригодится в жизни) [8]. Всё это проблематизирует вопрос о конкурентоспособности высшего образования – насколько этот классический институт сохраняет своё значение для структурирования цифрового общества. В статье ставится задача сравнения влияния двух факторов – наличия высшего образования и поколенческой принадлежности – на цифровую компетент-

¹ Global connectivity index Mode. URL: <https://www.huawei.com/minisite/gci/en/> (accessed 13.05.2024).

² The Digital Economy and Society Index (DESI). Available at: <https://ec.europa.eu/digital-single-market/en/desi> (accessed 14.05.2024).

ность и на поведение молодёжи в интернет-пространстве.

Теоретические основы исследования

История изучения влияния уровня образования на цифровое неравенство начиналась с анализа его связности с частотой обращения к Интернету. Дж.П. Робинсон, П. ДиМаджио и Э. Харгиттай выясняли, что люди с высшим и средним специальным образованием более вероятно являются интернет-пользователями по сравнению с респондентами, имеющими среднее образование и ниже. Высокообразованные граждане США проводят в Интернете больше времени, чем люди с низким образованием, и чаще обращаются к нему для решения профессиональных и образовательных задач, для проявления политического и социального участия [9]. Российские исследователи зафиксировали, что в стране в начале второго десятилетия 2000-х гг. число активных пользователей с высшим образованием на 20% превышало количество респондентов со средним специальным профессиональным образованием (57% и 36% соответственно), при этом актуальная ситуация получения образования и занятость усиливали пользовательскую активность [4].

В последние годы учёные рассматривают связь между наличием высшего образования и использованием Интернета в контексте жизненных стратегий и идентичностей людей. Например, доказано, что получение высшего образования напрямую и значительно снижает патриархальные взгляды как городских, так и сельских китайских женщин, но использование ими Интернета ослабляет эту связь, особенно в случае частого обращения к нему [10].

Для нашего исследования особое значение имеет теория поколений. Её роль для анализа российского общества, как и для всего мира, определяется происходящей сменой поколений – приходом молодых людей с другими поведенческими практиками и способами восприятия окружающего. И хотя волна изменений 2000-х гг. в сравне-

нии с 1980–1990-ми менее яркая и не всегда чётко различимая, но не менее важная по своим долгосрочным последствиям, новые цифровые и сетевые технологии начали действительно воспроизводить новые практики, стимулируя социальные сдвиги [11]. Именно эти глобальные технологические изменения можно рассматривать как историческое событие, оказавшего символическое влияние на судьбу социальной общности и определившего «дух времени». Оно рассматривается как существенная точка отсчёта в социологическом определении границ поколений [12], поэтому для исследователей социальной выделение поколений на основании их включённости в цифровой мир стало специальным инструментом анализа разных когорт. Устоявшимся является понимание о том, что поколение X – это те, кто родился в промежутке между 1965–1980 гг., Y – между 1980–1990-ми гг., Z – с начала 2000-х гг. и примерно до 2012 г., А (альфа) – это те, кому сейчас от 8 лет и 15 лет. Их специфичное потребительское поведение является предметом целого ряда исследований [13].

На нынешнем этапе высшее образование получает поколение Z. Как вузам реагировать на специфику «цифровых аборигенов» – вопрос, вокруг которого в экспертном сообществе развернулась большая дискуссия. Исследователи подчёркивают неподготовленность современного образования к нуждам поколения Z [14]. В России эта ситуация выражается в преобладании цифровых технологий, ориентированных лишь на информирование абитуриентов, студентов и выпускников, в распространении «традиционных» цифровых технологий сопровождения процесса обучения, в дефиците размещения учебных кейсов [15]. Сдержанный характер цифровизации образовательной среды объясняется следствием медленного оснащения вузов необходимыми для перехода на «цифру» финансовыми, техническими, кадровыми ресурсами [16].

Отдельное внимание исследователей привлекают негативные последствия цифрови-

зации образования. По мнению П. Кишнер и Р. Де Брюйкере, изменение образовательных технологий ухудшает качество обучения и снижает его результаты [17]. Дистанционный формат обучения сопровождается проблемами технического, психологического, дидактического и воспитательного характера [18]. Поэтому поиск органичной модели цифровой среды высшего образования, учитывающей качество образования и необходимость достижения им всех необходимых, социально значимых задач вкупе с интересами современного обучающегося поколения Z и будущих студентов – представителей ещё более технологичного поколения Альфа – становится актуальной задачей не только системы образования, но и иных институций, прямо или опосредованно связанных с молодёжью и детьми.

Эмпирическая база исследования

Наше исследование состоялось в 2023 г. Оно проводилось с помощью социологического опроса молодёжи от 18 до 35 лет, проживающей в 8 федеральных округах России. Анкета распространялась через сервис *Google Forms*. Рекрут респондентов осуществлялся с применением метода «снежного кома», предполагающего поиск участников исследования по рекомендациям знакомых с ними людей. Использовалась квотная выборка по каждому федеральному округу, репрезентирующая молодёжь по полу и возрасту. Опрошено 2292 человека, из них число лиц со средним общим образованием составило 515 чел., средним специальным – 586, высшим – 1191. Поскольку нас интересовали особенности поколений, были выделены две возрастные группы. К поколению Y отнесены респонденты, родившиеся между 1988 и 2000 гг. ($n=1008$), т. е. те, кто получил общее, среднее, высшее образование или кто не имеет профессионального образования, а к поколению Z – родившиеся в промежутке 2001–2005 гг. ($n=1198$). Во второй группе оказывались лица, заканчивающие школу, обучающиеся в учреждениях среднего или

высшего профессионального образования, работающая или неработающая молодёжь.

Статистическая обработка данных осуществлялась с помощью программы *SPSS*. Она позволила построить и проанализировать одномерные и двумерные частотные распределения, рассчитать коэффициенты сопряжённости.

В статье представлены результаты вторичного анализа данных исследовательских компаний о процессах цифровизации и развитии высшего образования в РФ, а также материалы официальной статистики.

Рейтинг социальных факторов, влияющих на поведение молодёжи в сети Интернет

На первом этапе анализа выяснялось, какое место среди прочих человекоориентированных причин, влияющих на цифровое неравенство, занимают два интересующих нас фактора – наличие высшего образования и принадлежность к поколению. Ключевым параметром стала категория «цифровая грамотность» / «цифровая компетентность». Оба словосочетания рассматриваются нами как синонимы в силу того, что эти категории пока слабо операционализированы и требуют от социологии чувствительного инструментария, который ещё предстоит разработать. Мы будем придерживаться определения цифровой грамотности как навыка поиска данных в больших информационных потоках, определения фейков, оценки достоверности, обработки информации, интерпретации, знания правил использования и других способностей оперирования сведениями [19].

В нашем исследовании цифровая грамотность замерялась с помощью субъективных оценок респондентов: как они оценивают собственный уровень цифровой компетентности и в каких сферах используют ИКТ. По каждому такому вопросу анкеты рассчитывались коэффициенты сопряжённости со следующими признаками – пол, поколенческая принадлежность, место жительства, материальное положение. Населённые пун-

Таблица 1

Коэффициенты сопряжённости между социально-демографическими характеристиками молодёжи, уровнем её цифровой компетентности и поведением в сети Интернет

Table 1

Association coefficients between the socio-demographic characteristics of young people, their level of digital competence and behavior on the Internet

Показатели	Пол	Поколение	Место жительства	Материальное положение	Образование
Оценка уровня собственной цифровой компетентности	0,104	0,092	0,204	0,162	0,128
Используют ИКТ...					
на работе и в бизнесе	0,069	0,324	0,209	0,205	0,249
в образовании	0,116	0,132	0,261	0,136	0,240
в общении	0,105	0,165	0,226	0,115	0,151
при самообразовании	0,123	0,098	0,239	0,175	0,197
при приобретении товаров и услуг	0,162	0,098	0,236	0,176	0,168
в развлечениях и на отдыхе	0,064	0,097	0,206	0,152	0,112

кты – места проживания участников исследования, были разделены на четыре группы: сёла и населённые пункты до 50 тыс. жителей, малые города (до 50 тыс.), средние города (50–500 тыс.), крупные города (500 тыс. – 1 млн) и города-миллионники. В качестве показателей уровня материального положения использовались данные о согласии участников исследования с одним из суждений: «Денег не хватает даже на самые необходимые продукты», «Все деньги расходуются на продукты и необходимые недорогие вещи», «В основном денег хватает, но приобретение товаров длительного пользования (телевизор, холодильник, мебель) затруднительно», «Живём обеспеченно, но на покупку квартиры, автомобиля нужно копить», «Можем себе позволить практически всё».

Изучение полученных данных показало, что образование является важным фактором, влияющим на субъективные оценки цифровой компетентности молодёжи и на её практики в сети Интернет (табл. 1). Особенно сильно оно влияет на использование ИКТ в сфере образования и в трудовой сфере, бизнесе. Между тем сравнение коэффициентов сопряжённости с другим социальными характеристиками молодёжи показывает, что фактор образования уступает по значимости такому условию как тип населённого

пункта. Место проживания оказывает главным, самым значимым условием, влияющим на уровень цифровой компетентности и на использование ИКТ при получении образования, самообразовании, общении, приобретении товаров, услуг и развлечениях. Материальное положение, половая и поколенческая принадлежность также в целом оказываются значимыми условиями поведения молодёжи в сети Интернет. Однако образование всё же является третьим по силе влияния обстоятельством: оно определяет дизайн поведения молодёжи в интернет-пространстве, освоения ею современных информационно-технологичных новинок. Особым случаем таких действий является использование ИКТ на работе и в бизнесе. Здесь выявлена самая сильная связь с таким параметром как поколение. Его значение, как и значение уровня образования, требуют отдельного рассмотрения.

Высшее образование или поколения – кто выигрывает в Интернете?

Для оценки респондентами собственного уровня цифровой компетентности им предлагалось три варианта ответа – «низкий», «средний», «высокий». Анализ субъективных мнений подтвердил ожидаемый вывод – цифровая компетентность оказалась самой

Таблица 2

Уровень цифровой компетентности молодёжи по самооценкам в зависимости от уровня образования и поколенческой принадлежности, %

Table 2

Young people digital competence level according to self-assessments depending on the education level and generational affiliation, %

Уровень цифровой компетентности	Образование			Поклоение	
	общее среднее	среднее профессиональное	высшее	Y	Z
Низкий	6,4	9	5,2	8,3	5,1
Средний	50,7	56	46,1	47,5	50,7
Высокий	39,4	32,3	46,3	41,5	41,5
Затруднились с ответом	3,5	2,7	2,4	2,7	2,8
Коэффициенты сопряжённости	0,129			0,020	

Таблица 3

Сферы использования молодёжью цифровых и интернет-технологий в зависимости от уровня её образования и поколенческой принадлежности, %

Table 3

Digital and Internet technologies areas of use by young people depending on their education level and generational affiliation, %

Сфера использования цифровых и интернет-технологий...	Образование			Коэффициент сопряжённости	Поклоения		Коэффициент сопряжённости
	общее среднее	среднее профессиональное	высшее		Y	Z	
Работа и бизнес	44,9	36,3	60,4	0,247	51,1	54	0,001
Образование	72,2	42,2	66,3	0,237	44,1	76,4	0,324
Общение	77,5	66,7	80,7	0,145	70,4	81,7	0,135
Самообразование, расширение кругозора, чтение новостей	65,4	49,5	69,9	0,194	56,1	70,8	0,171
Приобретение товаров и услуг	49,9	41,8	59,3	0,173	49	57,2	0,1
Развлечения и отдых	54,6	43	53	0,116	46,5	56,2	0,1

Примечания: В таблице представлена доля выбравших ответ «часто».

Note: The table shows the share of those who chose the answer “often”.

высокой среди лиц с высшим образованием (табл. 2). Значение уровня образования подтверждает значимый коэффициент сопряжённости (0,129). Высшее образование остаётся существенным фактором, влияющим на цифровую компетентность молодёжи. В тоже время довольно близкие показатели цифровой грамотности между обладателями общего и высшего образования, как и отсутствие по этому параметру статистической связи между представителями поколений Y и Z демонстрирует приближение си-

туации стирания границ между носителями разных уровней образования и не имеющими профессионального образования. Иными словами, наличие высшего образования в перспективе может перестать быть достаточным и необходимым условием цифровой компетентности.

Значение поколенческого фактора подтвердилось ответами на вопрос об использовании респондентами ИКТ (табл. 3). Их представители поколения Z используют так же активно, как и респонденты с высшим об-

Таблица 4

Поведение молодёжи в Интернете в зависимости от уровня образования и поколенческой принадлежности, %

Table 4

Behavior of young people on the Internet depending on the education- and generation level, %

Сфера использования цифровых и интернет-технологий...	Образование			Поколения	
	общее среднее	среднее профессиональное	высшее	Y	Z
	Повседневная онлайн-коммуникация, переписка...				
Общение					
– с друзьями, коллегами	76,9	62,5	76,2	62,9	80,6
– с семьёй	55	47,6	61,8	51,9	60
– в домовых чатах	14,2	14,7	18,1	17,9	15
– в чатах района, города	8,2	9,1	8,3	10	7,5
– с потенциальным партнёром, поиск романтических отношений (Баду, Тиндер, Мамба и т. п.)	8,5	9,2	7,2	8,8	7,7
<i>Трудоустройство</i>					
Поиск работы (hh.ru, Superjob, Работа.ру, VK работа и т. п.)	10,7	12,1	13,9	14,1	11,9
<i>Онлайн-покупки и онлайн-услуги</i>					
Покупки товаров в маркетплейсах (Ozon, Wildberries, Яндекс.Маркет, Сбермега-маркет, KazanExpress, Aliexpress и т. п.)	46,2	38,2	55,2	43,8	59,3
Заказ продуктов и еды (Яндекс Еда, Яндекс Лавка, Delivery Club, Самокат, СберМаркет, и т. д.)	27,8	26,1	35,4	31,5	31,7
Заказ такси (Яндекс. Такси, Ситимобил, Uber, Максим и т. п.)	42,3	31,7	50,9	38,3	48
Покупка билетов для поездок, на культурные мероприятия (Aviasales, Tuti, Яндекс.Афиша, Kassir, Афиша, Ticketland)	26,2	16,4	43,1	24,2	28,1
Покупка и аренда недвижимости	8	7	8,6	8,9	7,5
<i>Использование информационных технологий –</i>					
Облачные сервисы хранения файлов (Яндекс.Диск, Google Drive, OneDrive, DropBox, iCloud)	38,6	28,8	41,4	32,6	41,3
Платформы для видеоконференций (Zoom, Microsoft Teams, Skype, Яндекс. Телемост, VK Звонки, Google Meet)	29,7	20,8	37,1	29,6	33,5
Голосовой ассистент (Алиса, Маруся, Сири, Олег и т. п.)	18,4	15,5	17,3	18,4	16,7

разованием, при общении, самообразовании, приобретении товаров и услуг, развлечениях (табл. 4). Выявлен высокий уровень значимости связи с такой онлайн-практикой как использование ИКТ в образовании (0,324 – по принадлежности к поколению, 0,237 – по уровню образования). Отчасти его можно объяснить тем, что для обладателей высшего

образования обращение к всемирной паутине по образовательным мотивам перестаёт быть актуальным, они покинули учебные заведения и многие занимаются трудовой деятельностью. Однако представленные в таблице данные показывают более высокую технологичность поколения Z, представители которого используют облачные сервисы

Таблица 5

Темы, по которым молодёжь обращается к Интернету,
в зависимости от уровня её образования и поколенческой принадлежности, %

Table 5

Topics which young people turn to the Internet
depending on their education- and generational affiliation level, %

Темы	Образование			Покоеение	
	общее среднее	среднее профессиональное	высшее	Y	Z
Политика, государственное и муниципальное управление	33	32,4	39,1	42,4	33,3
Экономика и финансы	20,2	26,3	28,5	33	22,1
Бизнес и инвестиции	17,5	23,4	28,6	30,3	22
Спорт и физическая культура	32,8	34,1	32,2	32,2	35,7
Семья	17,3	24,9	19,9	24,7	18,6
Отдых и развлечения	59,2	51,4	51,8	45,3	63,9
Наука и образование	46,4	30,4	41,4	30,7	50,1
Светская жизнь	16,7	15,7	16,8	19	15,6
Юриспруденция и правовые отношения	11,5	9	8,3	10,2	9
Информационные технологии и сфера связи	15	10,9	16	15,6	14,6
Гражданское общество и общественная деятельность	15,9	14	13	15,6	13,5
Правопорядок и общественная безопасность	7,8	9,4	8,3	10,5	7,3
Журналистика и средства массовой информации	16,3	14,5	16,1	15,3	17,3
Хобби и увлечения	53,2	43	47,1	38,3	58,5
Транспортная сфера	13	15,4	11,1	14,4	12
Техника и технологии	18,6	17,6	16,4	17,6	18,1
Медицина и здоровье	20,2	22,4	21,8	22,8	22,1
Мода, стиль и дизайн	40	27,4	36,9	28,4	43,3
Искусство и народное творчество	25,2	16,2	19,6	14,8	25,8
Экология и природопользование	9,1	8,2	8	8,4	8,8
Массовая культура (кино, сериалы, музыка, литература)	58,3	41,6	54,1	46,7	59,8
Туризм и путешествия	25,8	22	20,3	25,6	29,5
Игровая индустрия	31,3	20,3	20,9	14,8	31,7

Примечания: Сумма не равна 100%, т. к. респондент мог выбрать любое количество ответов.

Note: The amount is not equal to 100%, because the respondent could choose any number of answers.

хранения файлов и голосовые ассистенты, возможности видеоконференций не меньше, чем респонденты с высшим образованием и более активно, чем поколение Y. Кроме того, поколение Z, как и те, кто имеет высшее образование, одинаково прибегают к повседневной онлайн-коммуникации и к решению повседневных проблем с помощью ИКТ. Поэтому можно говорить о том, что для нынешнего высшего образования в России

контингент обучающихся представлен такими учащимися, для которых ИКТ являются естественным спутником жизни при решении самых разных, в том числе образовательных задач. Обращают на себя внимание данные о тех, кто имеет общее образование, т. е. о тех, кто станет в ближайшем будущем студентами российских вузов. Две трети таких респондентов используют ИКТ в образовательных целях.

Таблица 6

Используемые молодёжью источники информации о значимых событиях жизни общества и страны в зависимости от уровня образования и поколенческой принадлежности, %

Table 6

Information sources used by young people about significant events in the society life and the country, depending on the level of education and generational affiliation, %

Обращаются к...	Образование			Поколение	
	общее среднее	среднее профессиональное	высшее	Y	Z
социальным сетям, мессенджерам, блогам, форумам	90,5	88,2	92	86,3	94,2
видеохостингам	42,7	34,5	38,5	34,8	42,4
тематическим веб-сайтам	24,1	23	22,8	26,3	21,2
электронным СМИ	66	56,3	66,2	60	66,1
телевидению	27,6	42,5	29,7	40,9	25
радио	5,8	14,2	7,9	13,3	5,9
печатным СМИ	5,6	7,3	4,8	7,3	4,3

Примечания: Сумма не равна 100%, т. к. респондент мог выбрать любое количество ответов.

Note: The amount is not equal to 100%, because the respondent could choose any number of answers.

О стратегиях работы высшего образования с поколением Z

Российская молодёжь обращается к Интернету по самым разным причинам (табл. 5). Развлекательный контент – для отдыха, развлечений, потребления продуктов массовой культуры – является самым востребованным. К этой сфере несколько чаще обращается молодёжь с общим образованием. Второй по значимости для молодёжи темой является наука и образование. Её востребованность прежде всего среди поколения Z и среди лиц с общим образованием, т. е. среди тех, кто будет поступать в вузы, ставит перед высшим образованием задачу учёта цифровых интересов потенциальных и реальных участников образовательного процесса в вузах.

В фокусе нашего внимания оказались цифровые каналы, которые могут быть использованы высшим образованием в самых разных целях – для повышения престижа высшего образования, продвижения имиджа университетов, создания цифровой среды вузов. В нынешних условиях достижение всех их не обеспечивают традиционные институты – радио и печатные СМИ, а также телевидение, которое востребовано лишь

среди лиц со средним профессиональным образованием и представителей поколения Y (табл. 6). К условно традиционным каналам отнесём тематические сайты. На них обращает внимание лишь четверть респондентов. Высокую значимость для молодёжи представляют электронные СМИ: их читают около 60% респондентов. Но самыми востребованными площадками, к которым обращается молодёжь при поиске информации о значимых событиях, являются социальные сети, мессенджеры, блоги, форумы. Особенно они популярны у поколения Z.

Поколение Z среди разнообразных сетей и платформ предпочитает прежде всего Telegram – 91,9% (Табл. 7). Причём, отвечая на вопрос о контенте, которым он привлекает пользователей – участников исследования, четверть назвала образовательный. Ещё более высокий показатель выявлен при анализе ответов в отношении YouTube. К этой платформе обращается 70% представителей поколения Z, причём 37% респондентов стимулирует образовательные причины. Instagram и TikTok хотя и пользуются популярностью у молодёжи, однако образовательный контент не назывался участниками исследования в качестве побуждающего

Таблица 7

Предпочтения социальных сетей и мессенджеров среди молодёжи
в зависимости от уровня образования и поколенческой принадлежности, %

Table 7

Preferences for social networks and instant messengers among young people depending
on their level of education and generation, %

Виды социальных сетей и мессенджеров	Образование			Поколение	
	общее среднее	среднее профессиональное	высшее	Y	Z
ВКонтакте	78,1	74,7	70,4	64,3	82
WhatsApp	60,4	74,6	74,4	76,8	65,3
Telegram	87,6	74,9	87,3	75,3	91,9
Viber	8,2	18,9	10,4	17,7	8,2
Одноклассники	4,9	12,6	6,8	13	4
Twitter	6,6	10,8	12,4	12	8,7
Instagram	56,9	49,1	58,4	48,8	60,5
TikTok	38,4	36	30,3	24,7	41,2
YouTube	68,2	59,7	62,9	54,6	70,1
Discord	21,7	13,1	13,1	10,7	18,6
Twitch	10,1	6,8	6,5	6,3	9,9

Примечания: Сумма не равна 100%, т. к. респондент мог выбрать любое количество ответов.

Note: The amount is not equal to 100%, because the respondent could choose any number of answers.

обстоятельства. *RuTube*, ТамТам, *Facebook*, Дзен, *Likee*, *Trovo*, *WASD*, *ICQ*, МойМир, Живой Журнал, ЯРУС, *Signal*, ДругВокруг, *imo HD*, *LinkedIn*, *Reddit* использует не более 10% респондентов. Их предпочтения не связаны с уровнем образования и поколенческими особенностями. Платформа «Одноклассники» больше привлекает молодёжь со средним профессиональным образованием, *Twitter* – с высшим. Можно говорить о том, что конкретные социальные медиа становятся участниками образовательной сферы.

Обсуждение

В России образование остаётся значимым фактором цифрового неравенства. Социологический опрос Всероссийского центра изучения общественного мнения, проведённый в 2018 г., показал, что наиболее активными пользователями Интернета в стране

являются высокообразованные респонденты (78%)³. Однако образование не является ведущим фактором различий поведения молодёжи в Интернете. По-прежнему на возможности использования всемирной паутины и на онлайн-практики в первую очередь влияют такие выделенные ещё в первом и втором десятилетии 2000-х гг. факторы как материальная обеспеченность и место жительства [7].

В России всё ещё сохраняется высокий цифровой разрыв между территориями. На уровне федеральных округов (ФО) в стране фиксируется сохранение значительного разрыва между лидерами и отстающими (пример – Уральский ФО и Северо-Кавказский ФО) (табл. 8), обусловленного темпами цифровизации входящих в их состав регионов⁴ [20]. Согласно рейтингу Минцифры РФ, в 2022 г. в Северо-Западном, Южном и

³ Просторы Интернета: для работы или развлечений? URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/prostory-interneta-dlya-raboty-ili-razvlechenij> (дата обращения: 27.05.2024).

⁴ Индекс «Цифровая Россия». Отражение цифровизации субъектов Российской Федерации через призму открытых источников. Авторская методология с учётом российской специфики и лучших практик. Сколково: Московская школа управления, 2018. URL: <https://finance.skolkovo.ru/downloads/>

Северо-Кавказском ФО не было ни одного региона, входящего в топ лидеров по уровню цифровой зрелости. В других округах весьма заметно проявляется расслоение входящих в них субъектов: на фоне лидерских позиций отдельных регионов в составе Приволжского ФО (республики Башкортостан, Татарстан, Удмуртия, Оренбургская, Нижегородская, Самарская области), Центрального ФО (Белгородская, Тульская, Калужская, Липецкая, Московская области), Сибирского ФО (Ханты-Мансийский автономный округ, Ямало-Ненецкий автономный округ, Тюменская, Кемеровская области), Уральского ФО (Челябинская, Курганская области), Дальневосточного ФО (Приморский край, Республика Саха (Якутия), Сахалинская область) другие соседние территории входят в группу явных аутсайдеров (например, Чукотский автономный округ в Дальневосточном ФО, Тамбовская область в Центральном, Ставропольский край – в Южном). Общие, происходящие в регионах процессы цифровизации напрямую влияют на расположенные на их территориях вузы, стимулируя или препятствуя созданию цифровой образовательной среды, на использование учебными заведениями ИКТ и на возможности обладателей высшего образования, которые оказываются в ситуации цифрового неравенства при использовании современных технологических возможностей.

Высшее образование в России сохраняет свою роль в наращивании цифровой компетентности молодёжи. Однако конкурирующим с ним фактором становится поколенческий. Высшее образование уже не задаёт особый дизайн поведения молодёжи в Интернете. Как показало наше исследование, представители поколения, которое сегодня обучаются в российских вузах или поступа-

ют в них, активнее прибегают к технологическим новинкам и заметно чаще миллениалов оценивают Интернет как источник образования, самообразования, расширения кругозора. Тенденция усиления значимости образовательных онлайн-источников для новых поколений была выявлена Всероссийским центром изучения общественного мнения ещё в 2014 г.: тогда образовательную причину обращения к всемирной паутине назвали 37% респондентов, в 2018 г. – 44%. Среди 18–24-летних доля таких респондентов составила 68%, среди высокообразованных лишь 56%⁵. Перед современным высшим образованием возникает вопрос о стратегиях встраивания в глобальные потоки образовательной информации.

Сегодня на рынке образовательной информации в Интернете всё больший сегмент начинают занимать частные EdTech-корпорации. В России их выручка по итогам I квартала 2023 г. составила 26 951 млн рублей, I квартала 2024 г. – 33 015 млн рублей⁶. Онлайн-школы, онлайн-курсы идут в тренде раннего освоения профессий, предоставляют возможность для получения востребованных, модных цифровых специальностей и разнообразных знаний, навыков. Интернет-образование привлекает внимание крупных компаний, испытывающих дефицит специалистов и выражающих всё большую заинтересованность в высоких профессионалах, в удержании кадров и повышении их квалификации.

Классические способы получения образования оказываются в ситуации конкуренции с новыми формами его получения. Режим соперничества поляризует российское общество: в том, что новые образовательные онлайн-платформы не смогут заменить традиционное высшее образование однозначно

documents/FinChair/Research_Reports/SKOLKOVO_Digital_Russia_Resume_2019-04_ru.pdf (дата обращения: 27.05.2024).

⁵ Просторы Интернета: для работы или развлечений? URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/prostory-interneta-dlya-raboty-ili-razvlechenij> (дата обращения: 27.05.2024).

⁶ Выручка топ-100 компаний по кварталам. URL: <https://edtechs.ru/analitika-i-intervyu/edtech-rynok-v-nachale-2024-goda-vyros-na-225-do-33-mlrd-rub/> (дата обращения: 29.05.2024).

Таблица 8

Рейтинги федеральных округов РФ по уровню цифровизации

Table 8

Ratings of the Russian Federation federal districts by digitalization level

ФО	Авторы рейтинга						
	Минцифры РФ, баллы		СКОЛКОВО, баллы		АНО «Диалог», 10 лучших регионов		
	2022 г.	Динамика 2021-2022 гг.	2018 г.	Динамика 2017-2018 гг.	Качество обратной связи, 1 полугодие 2023 г.	Личные страницы глав регионов, 2021 г.	Официальные паблики правительств регионов
УФО	23,1	−4,2	68,34	+11,17	Ханты-Мансийский автономный округ	Ямало-Ненецкий автономный округ	Ханты-Мансийский автономный округ, Тюменская область, Ямало-Ненецкий автономный округ
ПФО	20,4	+1	62,65	+15,72	Пермский край, Пензенская область	Удмуртская Республика, Республика Башкортостан	Республика Мордовия, Республика Татарстан, Республика Чувашия
ЦФО	19,8	+3,4	62,24	+12,19		Белгородская область, Орловская область, Калужская область	Тульская область, Калужская область, Рязанская область
СЗФО	18,8	+2,1	62,02	+11,12	Республика Коми, Ненецкий автономный округ, Мурманская область, Новгородская область	Мурманская область	—
СФО	18,6	+0,2	50,00	+8,09	—	—	—
ДФО	17,6	−1,1	54,66	+10,46	Еврейская автономная область, Сахалинская область	Республика Саха(Якутия), Сахалинская область, Амурская область	Чукотский автономный округ
ЮФО	18,1	−7,3	53,88	+10,82	—	—	—
СКФО	16,1	−4	45,36	+11,99	—	—	—

Источники: Таблица составлена на основании данных рейтинга цифровой трансформации регионов, осуществляемого Министерством цифрового развития, связи и массовых коммуникаций РФ (URL: <https://clck.ru/3BfH6a> (дата обращения: 12.01.2024)), рейтинга Центра финансовых инноваций и безналичной экономики Московской школы Сколково⁷ и рейтинга Центра компетенций в сфере интернет-коммуникаций АНО «Диалог» (URL: <https://dialog.info/ratings/> (дата обращения 12.01.2024)).

Source: The table is compiled based on data from regions digital transformation rating carried out by the Ministry of Digital Development, Communications and Mass Communications of the Russian Federation (URL: <https://clck.ru/3BfH9H> (accessed 12.01.2024); URL: <https://dialog.info/ratings/> (accessed 12.01.2024)).

⁷ Индекс «Цифровая Россия». Отражение цифровизации субъектов Российской Федерации через призму открытых источников. Авторская методология с учётом российской специфики и лучших практик. Сколково: Московская школа управления, 2018. URL: https://finance.skolkovo.ru/downloads/documents/FinChair/Research_Reports/SKOLKOVO_Digital_Russia_Resume_2019-04_ru.pdf (дата обращения 27.05.2024)..

уверена лишь половина участников опроса компании «ПромРейтинг», проведённого в 2022 г. Положительные оценки образовательных онлайн-платформ зафиксированы у 60% представителей молодого поколения: 30% среди них уверены в том, что такое образование в будущем сможет заменить традиционное образование, и столько же считает, что сегмент онлайн-курсов, онлайн-школ уже победил⁸. Ситуацию осложняет падение ценности высшего образования. Доля респондентов, считающих, что высшее образование является необходимым условием успеха, снизилась, по данным Фонда общественного мнения, с 65% в 1999 г. до 54% в 2014 г.⁹ В 2022 г. лишь 37,1% учащихся и выпускников российских вузов согласилось с мнением о том, что в России важно иметь высшее образование¹⁰.

Рекомендации

Для более активного и эффективного поддержания статуса высшего образования необходимо увеличивать объём информации о его значении и престиже, кардинально менять формы и способы преподнесения информации о нём, адекватно реагировать на образовательные и технологические запросы «цифровых аборигентов». Представителей поколения Z мало интересуют традиционные институты воздействия – радио, ТВ, печатные СМИ, тематические сайты. Более востребованными у них являются цифровые технологии, нацеленные на коммуникацию,

интерактивные форматы, которые в цифровой среде университетов пока заметно уступают цифровым технологиям, направленным на информирование (сайтам) [15]. Перспективными площадками для коммуникации видятся в том числе социальные сети, мессенджеры. Российским вузам можно порекомендовать активнее присутствовать на двух наиболее востребованных у молодёжи площадках – *Telegram* и *YouTube*. Важность их использования и эффективного воздействия на молодёжную аудиторию показывают данные исследования *MediaScope*. Ежедневно к социальным сетям, *Telegram* или *YouTube* обращаются 92% 18–24-летних¹¹. *Telegram* демонстрирует положительную динамику в привлечении внимания посетителей. В нём наблюдается рост времени потребления по всем возрастным группам. Но особенно сильный рост среди 12–25-летних: в феврале 2022 г. они тратили на посещение *Telegram* 16 минут, в октябре 2022 г. – уже 31 минуту¹².

Присутствие и работа вузов в социальных сетях в РФ включены в рейтинг медийной активности 218 подведомственных Минобрнауки РФ вузов¹³. Пока же этот показатель в силу значительной дистанции между лидерами и аутсайдерами (например, Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова – 27,915, Херсонский технический университет – 3,697)¹⁴ становится ещё одним показателем цифрового разрыва, но уже в самой системе высшего образования.

⁸ Интернет-образование в РФ: уровень, особенности, варианты регулирования со стороны государства. URL: <https://promrating.ru/issledovaniya/internet-obrazovanie-v-rf-uroven-osobennosti-varianty-regulirovaniya-so-storony-gosudarstva/> (дата обращения 5.05.2024).

⁹ Зачем нужно высшее образование? URL: <https://fom.ru/Nauka-i-obrazovanie/11596> (дата обращения 29.05.2024).

¹⁰ Интернет-образование в РФ: уровень, особенности, варианты регулирования со стороны государства. URL: <https://clck.ru/3BfHG3> (дата обращения 05.05.2024).

¹¹ Суанова И. Social Media. URL: <https://clck.ru/3BfHCV> (дата обращения: 18.05.2024).

¹² Ачкасова К. Медиа 2022: главные тренды (аналитический отчёт, 9 декабря 2022 г.). URL: <https://clck.ru/3BfHDi> (дата обращения: 18.05.2024).

¹³ Соцсети вузов растут: опубликован рейтинг медийной активности вузов за апрель 2022 года. Министерство науки и высшего образования РФ. URL: <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/novosti-ministerstva/51394/> (дата обращения: 10.06.2024).

¹⁴ Рейтинг медийной активности вузов. URL: <https://xn----ftbfmepluu.xn--plai/> (дата обращения: 10.06.2024).

Литература

1. *Gebremichael M.D., Jackson J.W.* Bridging the gap in Sub-Saharan Africa: A holistic look at information poverty and the region's digital divide // *Government Information Quarterly*. 2006. Vol. 23. No. 2. P. 267–280. DOI: 10.1016/j.giq.2006.02.011
2. *Mullick M., Patnaik A.* Pandemic management, citizens and the Indian Smart cities: Reflections from the right to the smart city and the digital divide // *City, Culture and Society*. 2022. No. 30. DOI: 10.1016/j.ccs.2022.100474
3. *Grishchenko N.* The gap not only closes: Resistance and reverse shifts in the digital divide in Russia // *Telecommunications Policy*. 2020. Vol. 44. No. 8. DOI: 10.1016/j.telpol.2020.102004
4. *Бродовская Е.В., Шуилова О.Е.* Российские пользователи и непользователи: соотношение и основные особенности // *Мониторинг общественного мнения*. 2013. № 3 (115). С. 5–18. EDN: QIVARH.
5. *Шихгафизов П.Ш., Конищева Е.В., Котляров С.А.* Влияние цифровой грамотности на субъективное благополучие молодого населения региона // *Цифровая социология*. 2023. Т. 6. № 4. С. 61–66. DOI: 10.26425/2658-347X-2023-6-4-61-66
6. *Алексеева О.А., Бестужева О.Ю., Вершинская О.Н., Скворцова Е.Е.* Адаптация пенсионеров к интернет-среде // *Социальная психология и общество*. Международное научное издание. 2018. Т. 9. № 2. С. 150–165. DOI: 10.17759/sps.2018090210
7. *Волченко О.В.* Динамика цифрового неравенства в России // *Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены*. 2016. № 5. С. 163–182. DOI: 10.14515/monitoring.2016.5.10
8. *Богачева Н.В., Сивак Е.В.* Мифы о «поколении Z» / Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Институт образования. М.: НИУ ВШЭ, 2019. Современная аналитика образования. № 1 (22). 63 с. URL: <https://ioe.hse.ru/pubs/share/direct/408113365.pdf> (дата обращения: 10.06.2024).
9. *Robinson J.P., DiMaggio P., Hargittai E.* New social survey perspectives on the digital divide // *IT & Society*. 2003. Vol. 1. No. 5. P. 1–22. URL: <https://www.scholars.northwestern.edu/en/publications/new-social-survey-perspectives-on-the-digital-divide> (дата обращения: 10.06.2024).
10. *Гао Ц., Лю Ю.* Высшее образование, пользование сетью «Интернет» и отождествление китайских женщин с патриархальным укладом: эмпирический анализ с учётом эффекта модерации // *Цифровая социология*. 2023. Т. 6. № 1. С. 79–88. DOI: 10.26425/2658-347X-2023-6-1-79-88
11. *Радаев В.В.* Миллениалы на фоне предшествующих поколений: эмпирический анализ // *Социологические исследования*. 2018. № 3. С. 15–33. DOI: 10.7868/S0132162518030029
12. *Семенова В.В.* Современные концептуальные и эмпирические подходы к понятию «поколение» // *Россия реформирующаяся: Ежегодник-2003*. Дробизева Л.М. (ред.) М.: Институт социологии РАН, 2003. С. 213–237. ISBN: 5-89697-081-1.
13. *Тимохина Г.С., Мхитарян С.В., Скоробогатых И.И., Корягина И.А., Лукина А.В.* Устойчивое поведение потребителей: исследование через призму теории поколений // *МИР (Модернизация. Инновации. Развитие)*. 2022. Т. 13. № 3. С. 420–442. DOI: 10.18184/2079-4665.2022.13.3.420-442
14. *Seemiller C., Grace M.* Generation Z Goes to College. San Francisco: Jossey-Bass, 2015. 320 p. ISBN: 978-1-119-14345-1.
15. *Бродовская Е.В., Домбровская А.Ю., Петрова Т.Э., Пырм Р.В., Азаров А.А.* Цифровая среда ведущих университетов мира и РФ: результаты сравнительного анализа данных сайтов // *Высшее образование в России*. 2019. Т. 28. № 12. С. 9–22. DOI: 10.31992/0869-3617-2019-28-12-9-22
16. *Юдина Т.Н., Сёмочкина Н.Н.* Постпандемия: итоги и перспективы цифровизации высшего образования // *Цифровая социология*. 2024. Т. 7. № 1. С. 86–96. DOI: 10.26425/2658-347X-2024-7-1-86-96
17. *Kirschner P., De Bruyckere P.* The myths of the digital native and the multitasker // *Teaching and Teacher Education*. 2017. Vol. 67. P. 135–142. URL: <https://gwern.net/doc/psychology/2017-kirschner.pdf> (дата обращения: 10.06.2024).
18. *Щербакова И.К.* Влияние дистанционного формата обучения на качество образовательного процесса (по результатам исследования, проведённого в Государственном университете управления) // *Цифровая социология*. 2023. № 6 (2). С. 89–98. DOI: 10.26425/2658-347X-2023-6-2-89-98

19. Каменева Т.Н., Кульчицкий А.В., Котляров С.А., Казафян М.Ю., Орлова Е.С. Анализ проблемы распространения фейковой информации в интернет-пространстве // Цифровая социология. 2023. № 6 (3). С. 73–78. DOI: 10.26425/2658-347X-2023-6-3-73-78

Благодарность. Исследование проведено за счёт средств субсидии, выделенной Казанскому федеральному университету

для выполнения проекта № FZSM-2023-0022 «Цифровая социализация и цифровая компетентность молодёжи в условиях глобальных системных изменений: технологии регулирования, риски, сценарии» в рамках государственного задания.

Статья поступила в редакцию 11.06.2024

Принята к публикации 10.07.2024

References

1. Gebremichael, M.D., Jackson, J.W. (2006). Bridging the Gap in Sub-Saharan Africa: A Holistic Look at Information Poverty and the Region's Digital Divide. *Government Information Quarterly*. Vol. 23, no. 2, pp. 267-280, doi: 10.1016/j.giq.2006.02.011
2. Mullick, M., Patnaik, A. (2022). Pandemic Management, Citizens and the Indian Smart Cities: Reflections from the Right to the Smart City and the Digital Divide. *City, Culture and Society*, No. 30, doi: 10.1016/j.ccs.2022.100474
3. Grishchen, N. (2020). The Gap Not Only Closes: Resistance and Reverse Shifts in the Digital Divide in Russia. *Telecommunications Policy*. Vol. 44, no. 8, doi: 10.1016/j.telpol.2020.102004
4. Brodovskaya, E.V., Shumilova, O.E. (2013). [Russian Users and Non-Users: Correlation and Basic Features]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny = Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 3, pp. 5-18. Available at: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_19412737_15451638.pdf (accessed 10.06.2024). (In Russ.).
5. Shikhgafizov, P.Sh., Konischeva, E.V., Kotlyarov, S.A. (2023). Digital Literacy Impact on the Subjective Well-Being of the Region Young Population. *Digital Sociology*. Vol. 6, no. 4, pp. 61-66, doi: 10.26425/2658-347X-2023-6-4-61-66 (In Russ., abstract in Eng.).
6. Alekseeva, O.A., Bestuzheva, O.Yu., Vershinskaya, O.N., Skvortsova, E.E. (2018). [Adaptation of Pensioners to the Internet Environment]. In: *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo. Mezh-dunarodnoye nauchnoye izdaniye* [Social Psychology and Society. International Scientific Publication]. Vol. 9, no. 2, pp. 150-165, doi: 10.17759/sps.2018090210 (In Russ.).
7. Volchenko, O.V. (2016). Dynamics of Digital Inequality in Russia. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny = Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 5, pp. 163-182, doi: 10.14515/monitoring.2016.5.10 (In Russ., abstract in Eng.).
8. Bogacheva, N.V., Sivak, E.V. (2019). *Mify o "pokolenii Z"* [Myths about "Generation Z"]. National Research University "Higher School of Economics", Institute of Education. Moscow: National Research University Higher School of Economics. Modern education analytics. No. 1 (22). Available at: <https://ioe.hse.ru/pubs/share/direct/408113365.pdf> (accessed 10.06.2024). (In Russ.).
9. Robinson, J.P., DiMaggio, P., Hargittai, E. (2003). New Social Survey Perspectives on the Digital Divide. *IT & Society*. Vol. 1, no. 5, pp. 1-22. Available at: <https://www.scholars.northwestern.edu/en/publications/new-social-survey-perspectives-on-the-digital-divide> (accessed 10.06.2024).
10. Gao J., Lu, Y. (2023). Higher Education, Internet Usage, and Chinese Female's Identification with Patriarchal Perspective: An Empirical Analysis Considering Moderating Effect. *Digital Sociology*. Vol. 6, no. 1, pp. 79-88, doi: 10.26425/2658-347X-2023-6-1-79-88 (In Russ., abstract in Eng.).

11. Radayev, V.V. (2018). Millennials Compared to Previous Generations: An Empirical Analysis. *Sotsiologicheskie issledovaniya [Sociological Studies]*. No. 3, pp. 15-33, doi: 10.7868/S0132162518030029 (In Russ., abstract in Eng.).
12. Semenova, V.V. (2003). *Sovremennyye kontseptual'nyye i empiricheskiye podkhody k ponyatiyu "pokoleniye"* [Modern Conceptual and Empirical Approaches to the Concept of "Generation"]. In: Drobizheva, L.M. (Eds.) *Rossiya reformiruyushchayasya: Yezhegodnik-2003* [Reforming Russia: Yearbook-2003]. Moscow: Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, pp. 213-237. ISBN: 5-89697-081-1. (In Russ.).
13. Timokhina, G.S., Mkhitaryan, S.V., Skorobogatikh, I.I., Koryagina, I.A., Lukina, A.V. (2022). Sustainable Consumer Behavior: Research Through the Prism of Generational Theory. *MIR (Modernizatsiya. Innovatsii. Razvitiye) = MIR (Modernization. Innovation. Research)*. No. 13 (3), pp. 420-442, doi: 10.18184/2079-4665.2022.13.3.420-442 (In Russ., abstract in Eng.).
14. Seemiller, C., Grace, M. (2015). *Generation Z Goes to College*. San Francisco: Jossey-Bass. 320 p. ISBN: 978-1-119-14345-1.
15. Brodovskaya, E.V., Dombrovskaya, A.Yu., Petrova, T.E., Pyrma, R.V., Azarov, A.A. (2019). Digital Space of Leading Universities: The Comparative Analysis of Sites. *Vysshee obrazovanie v Rossii = Higher Education in Russia*. Vol. 28, no. 12, pp. 9-22, doi: 10.31992/0869-3617-2019-28-12-9-22 (In Russ., abstract in Eng.).
16. Yudina, T.N., Semochkina, N.N. (2024) Post-pandemic: Outcomes and Prospects of the Digitalisation of Higher Education. *Digital Sociology*. No. 7 (1), pp. 86-96, doi:10.26425/2658-347X-2024-7-1-86-96 (In Russ., abstract in Eng.).
17. Kirschner, P., De Bruyckere, P. (2017) The Myths of the Digital Native and the Multitasker. *Teaching and Teacher Education*. Vol. 67, pp. 135-142. Available at: <https://gwern.net/doc/psychology/2017-kirschner.pdf> (accessed 10.06.2024).
18. Shcherbakova, I.K. (2023). The Distance Learning Impact on the Quality of the Educational Process (According to the Study Results Conducted at the State University of Management). *Digital Sociology*. No. 6 (2), pp. 89-98, doi: 10.26425/2658-347X-2023-6-2-89-98 (In Russ., abstract in Eng.).
19. Kameneva, T.N., Kulchitskiy, A.V., Kotlyarov, S.A., Kazaryan, M.Yu., Orlova, E.S. (2023). Analysis of the Problem of Spreading Fake Information in the Internet Space. *Digital Sociology*. No. 6 (3), pp. 73-78, doi: 10.26425/2658-347X-2023-6-3-73-78 (In Russ., abstract in Eng.).

Acknowledgement. The study was carried out by allocated subsidies to the Kazan Federal University for the project implementation No. FZSM-2023-0022 "Digital socialization and digital competence of young people in the context of global systemic changes: regulatory technologies, risks, scenarios" as a part of the state assignment.

*The paper was submitted 11.06.2024
Accepted for publication 10.07.2024*

Здоровьесбережение в представлениях студентов: особенности и факторы формирования

Научная статья

DOI: 10.31992/0869-3617-2024-33-8-9-140-160

Лядова Анна Васильевна – канд. социол. наук, канд. ист. наук, доцент кафедры современной социологии, ORCID ID: 0000-0002-2820-8589, Researcher ID: AAQ-7447-2021, annaslm@mail.ru

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (МГУ им. М.В. Ломоносова)
Адрес: 119991, Россия, г. Москва, Ленинские Горы, д. 1, стр. 33

***Аннотация.** Исследование посвящено изучению особенностей представлений студентов вузов о здоровьесбережении и факторов их формирования. Обращаясь к научному дискурсу о проблемах студенческого здоровья, автор отмечает, что большинство исследователей акцентирует внимание на роли образовательной среды. Соглашаясь с этой позицией, тем не менее, как считает автор, следует учитывать и другие значимые детерминанты. В связи с тем, что здоровьесбережение – это целенаправленная деятельность, в структуру которой входят наряду с мотивационным, поведенческим, экспрессивным компонентами также когнитивный, включающий знания о здоровье и способах его сохранения, необходимым для осмысления проблем студенческого нездоровья является изучение особенностей формирования их представлений о здоровьесбережении. В этой связи следует учитывать, что современные студенты – это в большинстве своём представители цифрового поколения Z, кого отличает глубокая вовлечённость в онлайн-среду, что оказывает существенное влияние на формирование их ценностей и представлений, в том числе и о здоровье. Цель данного исследования – изучение особенностей представлений о здоровьесбережении современных студентов и определение факторов их формирования. Теоретико-методологическую основу работы составили теории социального конструктивизма, цифровизации здоровья, медиатизации. Эмпирическая база – данные авторского исследования (методы – опрос (онлайн-анкетирование), шкалирование, лингвистический ассоциативный эксперимент, контент-анализ) и представления в релевантных отечественных и зарубежных публикациях. По результатам исследования выявлены особенности представлений о здоровьесбережении и выделены основные факторы их формирования. Установлено, что наряду с традиционными всё большее влияние на этот процесс оказывают онлайн-ресурсы, которые отличаются амбивалентностью влияния. Учитывая ориентированность учащейся молодёжи поколения Z на здоровую жизнедеятельность, высокий статус здоровья в их системе ценностей, потребность в физической активности, предлагается расширить меры в рамках образовательного процесса по формированию идеологии здоровьесбережения современной студентов, включая привитие навыков информационной гигиены, посредством как введения соответствующих образовательных курсов, так и активизации внеучебной оздоровительной деятельности.*

Ключевые слова: здоровье студенческой молодёжи, здоровьесбережение студентов, представления о здоровьесбережении, поколение Z, факторы формирования представлений о здоровье.

Для цитирования: Лядова А.В. Здоровьесбережение в представлениях студентов: особенности и факторы формирования // Высшее образование в России. 2024. Т. 33. № 8-9. С. 140–160. DOI: 10.31992/0869-3617-2024-33-8-9-140-160

Health Keeping in the Views of Students: Features and Formation Factors

Original article

DOI: 10.31992/0869-3617-2024-33-8-9-140-160

Anna V. Liadova – Cand. Sci. (Sociology, History), Associate Professor of Contemporary Sociology Department, ORCID ID: 0000-0002-2820-8589, Researcher ID: AAQ-7447-2021, annaslm@mail.ru

Lomonosov Moscow State University

Address: 119991, Moscow, Russia, Leninskie Gory, 1, build. 33

Abstract. The study deals with the problem of students' health. Discussing the relevant studies, the author notes that most researchers focus on the role of the educational environment. Considering it, the author underlines that there are other significant factors, which affect students' health. Because health keeping is a purposeful activity that includes motivational, behavioral, expressive components as well as cognitive one, it is necessary to study the peculiarities of the formation students' ideas about healthy caring. In addition, it should be taken into account that modern students are digital generation Z, who are famous for their deep involvement into online reality that has a significant impact on the construction of their values and ideas, including those about health. The purpose of the paper is to study the ideas about health keeping among Zet-students and identify the factors of their formation. The theoretical and methodological background includes theories of social constructivism, digitalization of health and mediatization. The empirical data consist of data from the author's research (methods – survey (online questionnaire)) and those presented in relevant publications. Based on the results, the features of ideas about health keeping and the main factors of their formation were identified. As it has found out, along with traditional ones, this process is increasingly influenced by online resources, which have ambivalent impact. Considering the focus of Generation Z students on healthy life, health value, it is proposed to expand measures within the educational process to form an ideology of healthy lifestyle among modern students.

Keywords: student health; student health; ideas about health keeping; generation Z; factors in the formation of ideas about health

Cite as: Liadova A.V. (2024). Health Keeping in the Views of Students: Features and Formation Factors. *Vysshee obrazovanie v Rossii = Higher Education in Russia*. Vol. 33, no. 8-9, pp. 140-160, doi: 10.31992/0869-3617-2024-33-8-9-140-160 (In Russ., abstract in Eng.).

Введение

За последние годы проблематика здоровьесбережения российской студенческой молодёжи сохраняет свою актуальность в публично-научном дискурсе [1–9]. Интерес

общественного и исследовательского сообществ к данной теме обусловлен, по мнению автора, рядом факторов. Во-первых, на современном этапе развития возрастает значимость капитала здоровья молодого

поколения как необходимого ресурса и условия для дальнейшего эффективного функционирования российского общества, что отражено в официальных нормативных документах и реализуемых государственных программах, в том числе Федеральном Законе «О молодёжной политике в Российской Федерации»¹, согласно которому одним из приоритетных направлений проводимой в РФ молодёжной политики выступает оздоровление и содействие здоровому образу жизни молодёжи, «Стратегии развития физической культуры и спорта в Российской Федерации на период до 2030 года»², Указу Президента Российской Федерации «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года»³, в котором сохранение населения и укрепление его здоровья обозначены первыми в общем списке национальных целей.

Также в рамках национальных проектов таких, как «Образование», «Демография», «Здравоохранение», реализуется значительное число программ и мероприятий, направленных на воспитание гармонично развитой и социально ответственной личности, приобщение молодых людей к здоровому образу жизни, включая формирование ценностного отношения к своему здоровью.

В целом по результатам предпринимаемых российским государством мер отмечаются определённые позитивные перемены в тенденциях здоровьесбережения молодёжи. Так, по данным, полученным Всероссийским центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ), в ходе опроса в апреле 2024 г. бо-

лее половины молодых респондентов в возрасте от 16 до 23 лет придерживается принципов здорового образа жизни⁴.

Однако, несмотря на прослеживаемую положительную динамику, эксперты по-прежнему выражают обеспокоенность сохранением негативных тенденций в отношении ряда болезней и проблем здоровья российского студенчества [2; 5; 9]. Так, среди учащихся различных российских вузов отмечаются высокие показатели распространения заболеваний органов зрения, пищеварительной системы и кровообращения, опорно-двигательного аппарата, ожирения, психических нарушений, включая расстройство поведения [2, с. 40; 1, с. 194; 9, с. 13], что актуализирует научный дискурс и вызывает необходимость проведения дальнейших исследований и поиска причин студенческого нездоровья, а также разработки соответствующих мер по преодолению их негативного воздействия и улучшению самочувствия учащихся российских вузов.

Цель настоящего исследования – изучить особенности представлений о здоровье и здоровьесбережении современной студенческой молодёжи и на основе полученных результатов выделить наиболее значимые факторы, оказывающие влияние на процесс их формирования.

Для достижения поставленной цели выдвинуты следующие задачи:

- 1) проанализировать представленные отечественные и зарубежные релевантные публикации;
- 2) провести авторское эмпирическое исследование представлений о здоровье и здо-

¹ Федеральный Закон «О молодёжной политике в Российской Федерации» от 30.12.2020 № 489-ФЗ. URL: <http://static.government.ru/media/acts/files/1202012300003.pdf> (дата обращения: 02.06.2024).

² Распоряжение Правительства Российской Федерации от 24 ноября 2020 года № 3081-р. URL: <http://static.government.ru/media/files/Rr4JTrKDQ5nANTR1Oj29BM7zJBHXM05d.pdf> (дата обращения: 02.06.2024).

³ Указ Президента Российской Федерации «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» от 07.05.2024 № 309. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202405070015?index=1> (дата обращения: 02.06.2024).

⁴ ВЦИОМ. Здоровый образ жизни: мониторинг. 22 мая 2024 года. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/zdorovyi-obraz-zhizni-monitoring> (дата обращения: 01.06.2024).

ровесбережении современной российской молодёжи;

3) выявить на основе обобщения и систематизации данных наиболее значимые факторы здоровья студенческой молодёжи;

4) сравнить полученные данные с результатами, представленными в релевантных исследованиях;

5) обобщить результаты проведённой работы.

Обзор литературы

Обзор релевантных публикаций по проблемам обусловленности здоровьесбережения студенческой молодёжи демонстрирует в целом достаточную разработанность данной темы [6]. Анализ соответствующих исследований позволяет заключить, что подавляющее большинство авторов при изучении детерминант здоровья студентов указывает на влияние образовательной среды вуза как наиболее значимой [6; 10]. При этом позиции исследователей в отношении оценки воздействия данного институционального фактора отличаются амбивалентностью. Так, по мнению А.С. Копылова, в системе высшего образования отмечается ряд негативных аспектов воздействия учебной деятельности на здоровье обучающихся [2, с. 38–39]. Как указывает этот автор, в силу повышения требований к подготовке профессиональных кадров значительно увеличивается учебная нагрузка, что зачастую ведёт к дисбалансу в общем режиме жизнедеятельности студентов, вызывает состояние у них хронической усталости, снижение физической активности, распространение нарушений в режиме питания, сна и отдыха [2, с. 38–39].

В исследовании А.В. Тарасова, Р.С. Рахманова и др. отмечается высокий уровень стресса у студентов во время прохождения итоговых аттестаций, что, по мнению авторов, ведёт к функциональному перенапряжению, нарушению баланса «между адренергическими и холинергическими системами», и, как следствие, развитию «... синдрома вегетативной дисфункции, цере-

брально-сосудистых нарушений и неврозов среди студентов [11, с. 5].

Эксперты указывают на негативные аспекты влияния цифровизации образовательного процесса и недостаточность внедрения здоровьесберегающих технологий в вузовской среде, что ограничивает возможности учащихся реализовать потребности в сохранении и улучшении своего здоровья [12; 13].

Однако, наряду с неблагоприятными аспектами выявлены и положительные эффекты воздействия образовательной среды на здоровье обучающихся. В этой связи интерес представляет исследование М.М. Болотовой с соавторами, в котором проанализированы возможности вовлечения студентов в практики здоровьесохранения и оздоровительные движения в рамках организации внеучебной социальной активности на базе вуза [14]. Кстати, именно данное направление, как указывают авторы, является наиболее востребованным и популярным среди обследованной студенческой молодёжи [14, с. 67].

Также, как отмечается в работе А.Н. Покиды с соавторами, среди респондентов с высшим образованием чаще, по сравнению с теми, кто не обучался в вузе, проявляется более осознанное отношение к своему здоровью, они лучше информированы о рисках здоровью, что позволяет рассматривать фактор высшего образования как стимулирующий для формирования здорового образа жизни среди российской молодёжи [3, с. 85–86].

Из анализа приведённых примеров становится очевидным, что образовательная среда вуза как фактор здоровья учащихся имеет неоднозначное влияние, вследствие этого, исходя из понимания здоровья человека как комплексного феномена, который отражает состояние физического, психического, социального, профессионального и духовного благополучия личности и формируется под влиянием различных условий, среди которых в современном обществе приоритетная

роль отводиться социальным детерминантам, закономерно возникает необходимость поиска иных факторов, оказывающих определяющее воздействие на формирование здоровьесбережения студенческой молодёжи.

По мнению авторов настоящего исследования, при изучении данной проблемы следует принимать во внимание специфику обследуемой социальной группы. Учащиеся вузов – это не просто демографическая категория, отличающаяся психофизиологическими особенностями, и чьей приоритетной деятельностью является учёба. Современные студенты – это преимущественно молодые люди в возрасте от 18 до 22 лет, рождённые в начале 2000-х годов, кого сегодня относят к особой группе – поколению Z⁵ [15–18]. Учитывая значительное влияние на их социализацию процесса цифровизации, их отличает сильная вовлечённость в виртуальное пространство, конвергенция которого в их практиках с реальным миром формирует так называемый феномен фиджитал-мира [19], зависимость от онлайн технологий и вследствие этого датафикация, геймификация и глубокая медиатизация их жизнедеятельности, что оказывает существенное влияние на их ценностные ориентации и представления о социальной реальности, включая и сферу здоровья [16, с. 288; 18].

Также следует иметь в виду, что здоровьесбережение представляет собой целенаправленную организованную деятельность по улучшению и сохранению здоровья [20, с. 146]. Как система действий, здоровьесбережение базируется на принципах комплексности и систематичности [21, с. 50], что предполагает включение в повседневную жизнь индивида основных компонентов здорового образа жизни, к которым относятся такие аспекты, как правильное питание, регулярная физическая нагрузка, соблюдение режима сна и отдыха, прохождение профилактиче-

ских осмотров, отказ от вредных привычек, умеренность в использовании цифровых устройств, саморазвитие, гармоничное взаимодействие с окружающей средой (поддержание позитивных отношений с близкими), управление стрессом, информированность о рисках здоровью, рациональное употребление лекарственных препаратов (в контексте ответственного самолечения) [22–24]. В аспекте конструирования здоровьесбережения важным является взаимосвязь входящих в структуру деятельности по сохранению и укреплению здоровья компонентов, которые определяют её успешность и направленность, а именно: мотивационного, связанного с уровнем сформированности приоритета здоровья в системе жизненных ценностей; когнитивного, отражающего уровень знаний о здоровье, способах его укрепления; эмоционально-волевого, который выступает как индикатор «...сформированности ответственного отношения к здоровью»; операционально-процессуального, характеризующего уровень включённости в жизнь индивида здоровьесберегающих практик [25, с. 26].

Результаты эмпирических исследований отношения российских студентов к своему здоровью в целом демонстрируют позитивную динамику в возрастании приоритета здоровья в системе их ценностей [7; 26–28]. Однако данные о наиболее распространённых практиках в сфере здоровьесбережения указывают на декларативный и ограниченный характер выявленного ценностного восприятия. Так, в работе Н.С. Журавской с соавторами по результатам обследования студентов вузов г. Владивостока выявлено, что регулярно придерживается здорового рациона и режима питания лишь 21,1 % от общего числа опрошенных, эпизодически – 53,7 %, «...вовсе не придерживаются принципов здорового питания 25,3 %», «...10,5 % студентов употребляют алкоголь не менее трёх раз в неделю, а 3,3 % респондентов еже-

⁵ RuGenerations российская школа теории поколений. URL: <https://rugenerations.su/> (дата обращения: 02.06.2024).

дневно» [26, с. 41]. По итогам обследования учащейся молодёжи г. Саратова и г. Санкт-Петербурга в релевантном периоде выявлены схожие неутешительные результаты: «...многие ведут нездоровый образ жизни: мало спят, много времени проводят у компьютера, мало двигаются и гуляют на улице, скромно и не регулярно питаются, пища в основном у них углеводистая; ...только 5–10% респондентов занимаются физической культурой, посещают бассейн и спортзал» [7, с. 67].

Вследствие этого возникает закономерный вопрос о причинах выявляемого парадокса, отражающего несоответствие между достаточно высоким уровнем ценностного восприятия своего здоровья студенческой молодёжью и ограниченным распространением в молодёжной среде компонентов здорового образа жизни на фоне достаточно распространённых тенденций деструктивного отношения молодых людей к своему здоровью.

По мнению автора исследования, для поиска ответа на поставленный вопрос необходимо изучить особенности конструирования представлений о здоровье и способах его сохранения.

Учитывая комплексный характер данной проблемы, а также «цифровую» специфику исследуемой социальной группы, представляется обоснованным применение в качестве теоретико-методологической основы исследования следующих подходов и концепций:

– теории социального конструирования реальности, разработанная в русле феноменологического подхода зарубежными исследователями П. Бергером и Т. Лукманом [29], на основе которой рассматривается процесс конструирования социального знания о здоровье и практик его сбережения под влиянием социального окружения, включающего в условиях конвергенции реального и виртуального миров не только «домашнюю»

группу индивида, но и удалённых значимых «других»;

– теории цифровизации здоровья австралийского социолога Д. Лаптон (*D. Lupton*) [30], посредством которой обосновывается цифровая трансформация практик заботы о здоровье в условиях хабилизации цифровых устройств нашей повседневности;

– концепции медиатизации Н. Коулдри (*N. Couldry*) [31] и А. Хепп (*A. Hepp*) [32], на основе которой анализируется роль новых медиа в конструировании представлений о здоровье среди студенческой молодёжи.

Материалы и методы исследования

С учётом поставленных цели и задач настоящего исследование включает три раздела. Первый из них представляет собой теоретическую часть, в которой представлен обзор, анализ и систематизацию основных идей и подходов к изучению особенностей здоровьесбережения российских студентов. Второй раздел содержит результаты авторского эмпирического исследования представлений о здоровье и здоровьесбережении учащихся российских вузов (на примере одного из вузов Москвы). Третий раздел включает основные выводы по результатам сравнительного анализа, систематизации и обобщения данных, полученных автором и представленных в релевантных публикациях.

Эмпирическую базу работы составили данные, полученные в ходе авторского исследования «Здоровьесбережение современной российской студенчества: представления и практики», которое было проведено в период с февраля по апрель 2024 г. Основным методом эмпирического исследования – опрос (онлайн-анкетирование). Для выявления мнений участников опроса был разработан инструментарий (анкета) с опорой на «Опросник качества жизни Всемирной организации здравоохранения»⁶. Включён-

⁶ WHO. WHOQOL: Measuring Quality of Life. Режим доступа: <https://www.who.int/tools/whoqol> (дата обращения: 03.02.2024). Опросник был использован в качестве основы авторской анкеты. Выбор опросника обоснован возможностью комплексной оценки здоровья в структуре качества жизни, а также его объективностью, независимо от социального, политического, культурного контекста.

ные в него вопросы были разбиты на четыре содержательных блока для выявления: 1) особенностей восприятия здоровья и здоровьесбережения; 2) значимых для обследуемой аудитории проблем здоровья; 3) основных источников получения информации о проблемах здоровья и их решения; 4) факторов, оказывающих наибольшее, по мнению респондентов, влияние на конструирование их представлений о здоровьесбережении. Обработка и анализ данных проводились с помощью статистического пакета *SPSS*, метода сводных таблиц *Excel*, а также использовались методы: шкалирование, лингвистический ассоциативный эксперимент, контент-анализ.

В исследовании приняли участие студенты ФГБОУ ВО «Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова». Выбор столичного вуза был обусловлен необходимостью нивелировать влияние, в первую очередь, институциональных факторов здоровья, а именно: а) фактора образовательной среды (данное образовательное учреждение обладает достаточными ресурсами для удовлетворения потребностей здоровья учащихся (наличие спортивных объектов и пространства для занятий физической культурой, комбинатов питания, студенческих медицинских центров)); б) фактора доступности медицинских ресурсов и рекреационной инфраструктуры вне вузовского пространства (в Москве отмечается более высокий по сравнению с регионами уровень обеспеченности медицинскими, спортивными и оздоровительными учреждениями и центрами); в) фактора материального благополучия (у московских студентов больше возможностей найти подработку, а также за счёт вуза получить дополнительные стипендиальные выплаты). Объём выборочной совокупности – 385 человек, из которых 63% – девушки, 37% – юноши. Средний возраст респондентов – 20,4 года.

Результаты исследования

Полученные в ходе авторского эмпирического исследования данные были проанализированы в соответствие с выделенными в анкете смысловыми блоками.

Блок 1: Особенности восприятия здоровья и здоровьесбережения

Для выявления особенностей восприятия студенческой молодёжи здоровья был применён метод лингвистического ассоциативного эксперимента, с помощью которого были составлены ассоциативные поля концептов «здоровье» и «здоровый образ жизни» и выделены основные и дополнительные ассоциаты (соответственно, ядро и периферия)⁷. Статистическая частотность определялась с помощью программного обеспечения для качественного анализа *MAXQDA*.

Ядро ассоциативного поля «здоровье» составили три ключевых вектора:

- самым частотным оказался вектор «физическая активность» (44 %), включающий такие наиболее распространённые ассоциативные реакции, как «спорт», «занятия физической культурой», «бег», «фитнес», «активность», «сила», что отражает значимость хорошей физической формы и функционирования как показателей здоровья;

- второй по распространённости – вектор «благополучие» (41,6 %), который содержит такие ассоциаты, как «счастье», «комфорт», «спокойствие», «позитив», «гармония», «радость», и связан с оценочным компонентом в представлениях респондентов о здоровье, а также может указывать на значимость для опрошенных субъективного благополучия как критерия хорошего самочувствия;

- третий по значимости – вектор «жизнь» (28,8 %), выявление которого позволяет судить о восприятии здоровья как необходимого условия витальности, а также может демонстрировать уровень его ценности в структуре представлений о здоровье.

⁷ Ответы на вопросы: «Приведите три слова, которые ассоциируются у Вас со словом «здоровье»; «Приведите три слова, которые ассоциируются у Вас со словом «здоровый образ жизни».

Наряду с основными в ассоциативном поле «здоровье» были выявлены дополнительные группы:

- вектор «питание» (19,4 %), который отражает волнующие часть респондентов проблемы веса, режима и сбалансированности рациона, а также, возможно, косвенно указывает на имеющиеся у них заболевания, связанные с питанием систем органов;

- вектор «сон» (16,5 %), который, на взгляд автора, может свидетельствовать о наличии у части респондентов проблем в сбалансированности режимов работы, отдыха и сна.

Менее выраженные ассоциативные реакции в отношении концепта «здоровье» среди опрошенных студентов связаны с лексемами «врач» (4,6 %), «медицина» (3,3%), «болезни» (3,19%), «таблетки/ лекарства» (2,3 %), что, по мнению автора, может указывать на хорошее состояние здоровья опрошенных в целом, а также на особенности восприятия института медицины в контексте роли данного социального института как фактора сохранения и укрепления здоровья.

Ядро ассоциативного поля «здоровый образ жизни» составили два вектора:

- ключевым оказался вектор «активный образ жизни» (66 %), в который вошли ассоциаты «активный отдых», «прогулки на свежем воздухе», «регулярная физическая активность», что указывает на восприятие респондентами здорового образа жизни в первую очередь в контексте двигательной активности, а также, предположительно, демонстрирует отражение в смысловой структуре общераспространённого паттерна «движение – это жизнь» и осознание вреда малоподвижного образа жизни;

- вторым по частотности выявлен вектор «режим дня» (56,8 %), в который вошли ассоциативные реакции «здоровый сон», «режим дня», что позволяет предположить значимость данного аспекта для здоровьесбережения в представлениях респондентов.

К менее распространённым отнесены два вектора – «режим правильного питания» (38 %) и «отказ от вредных привычек» (33,6 %). По мнению автора, это свидетельствует о значимости восприятия данных компонентов здорового образа жизни лишь среди чуть больше трети опрошенных, что может быть объяснено отсутствием самих проблем питания, курения, употребления алкоголя среди других респондентов, которые не выразили соответствующие ассоциативные реакции, а также связано с трансформацией представлений опрошенной аудитории о составляющих здоровьесберегающего поведения.

Самой низкочастотной оказалась ассоциация здорового образа жизни с институционализированными практиками, а именно диспансеризацией и профилактическими осмотрами (19,5 %), что указывает на слабую выраженность их значимости в структуре представлений респондентов о здоровьесберегающих практиках и подтверждает выявленную в ассоциативном поле «здоровье» незначительную связь с институтом медицины.

Также следует отметить, что наряду с традиционными компонентами здорового образа жизни выявлены и новые, связанные с ассоциатом «поддержание стабильности эмоционального состояния» (23,7 %), что позволяет предположить, что в структуре представлений о здоровом образе жизни у части респондентов особое место занимают практики заботы не только о физическом здоровье, но и о психическом благополучии.

Итак, проведённый анализ демонстрирует, что опрошенные учащиеся ассоциируют здоровье, прежде всего, с активной, благополучной (эмоционально-позитивной) жизнью. В структуре же представлений опрошенных студентов о здоровом образе жизни преобладает лишь часть из его традиционных характеристик, а также включены новые, направленные на заботу о сохранении психической стабильности.

Блок 2: Значимые для обследуемой аудитории проблемы здоровья

Результаты опроса показали⁸, что подавляющее большинство респондентов (89 %) волнуют проблемы физического здоровья, а именно: заболевания желудочно-кишечного тракта (36,9 %); органов зрения (30,4 %); органов дыхания (9,6 %); сердечно-сосудистой (22,9%), опорно-двигательной (17,4 %), иммунной (16,9 %) и репродуктивной (10,6 %) систем. Необходимо отметить, что озабоченность вопросами женского нездоровья преобладает по сравнению с проблемами мужского здоровья (9,3 % и 1,3 % соответственно),

Проблемы психического здоровья также важны для опрошенной аудитории – 78,4 % респондентов указали их как актуальные. При этом выделены следующие состояния: расстройства психики в целом – 26,7 %, депрессия – 24,4 %, нарушения памяти – 16,9 %, одиночество – 10,4 %. В отношении последнего, учитывая комплексность факторов, его обуславливающих, данную проблему можно также соотнести с уровнем социального здоровья.

Полученные результаты позволяют, с одной стороны, сделать вывод об ограниченном восприятии здоровья в контексте только его биопсихологических характеристик, с другой же, могут отражать реальные проблемы нездоровья, которые уже испытывают опрошенные студенты в своём подавляющем большинстве.

Блок 3. Основные источники получения информации о здоровье/нездоровье и здоровьесберегающих практиках

Для выявления источников формирования знаний о здоровье и практиках его сохранения респондентам было предложено ответить на вопрос, откуда они получают информацию о проблемах здоровья, включая ситуации заболевания⁹. Полученные данные были систематизированы в следующие группы источников:

- 1) традиционные, включающие:
 - «институциональные»: медицинское сообщество; образовательные учреждения (курсы в рамках образовательных программ);
 - «социально-средовые» – близкое окружение индивида (семья, друзья);
 - «научные» – медицинская литература;
 - 2) новые, к которым отнесены размещённые в сети Интернет, а именно:
 - общие интернет-ресурсы (веб-сайты, блоги и т.п.);
 - виртуальные социальные сообщества (форумы, онлайн-группы по интересам и т.п.).
- Распределение ответов по группам и типам источников представлено в таблице.
- Сравнительный анализ полученных данных демонстрирует приоритет трёх основных типов источников в структуре информационного потребления студенческой молодёжи о здоровье: традиционных – медицинского сообщества и социального окружения (семьи) (69,5 % и 58,8 %, соответственно), а также новых – интернет-ресурсов (68,3 %). Следует отметить, что в контексте последнего подтип «друзья» также может быть связан со второй группой «интернет-источники», так как при ответах респонденты могли соотнести друзей с представителями виртуальных социальных сообществ. Также под обращением к медицинскому сообществу они могли подразумевать использование «медицинских сайтов» и форумов врачей [33].

Из традиционных источников также следует отметить влияние социального окружения в лице семьи (родителей и близких родственников), которые, наряду с профессиональным медицинским сообществом, выступают как значимые агенты социализации в сфере здоровьесбережения и формирования соответствующих знаний и опыта. Однако сопоставление полученных результатов выявило более низкий статус семьи по сравне-

⁸ Ответ на вопрос: «Какие проблемы здоровья Вас волнуют больше всего?» (множественный выбор).

⁹ Ответ на вопрос: «Из каких источников Вы получаете информацию о проблемах здоровья, включая ситуации в случае заболевания?» (множественный выбор).

Типологизация источников информации о здоровье (по данным опроса московских студентов)
Typology of sources of information about health (according to a survey of Moscow students)

Группа источников	Тип источника	Подтип	Частота потребления, %
Традиционные	1.1. Институциональные:	1.1. а) «медицинское сообщество» («врач») 1.1. б) образовательные (курсы)	69,5 15,6
	1.2. Социально-средовые:	1.2.а) семья 1.2.б) друзья	46,4 12,4
	1.3. Научные:	1.3.а) медицинская литература	20,0
Новые	2.1. Интернет-ресурсы	2.1.а) веб-сайты, блоги	68,3
	2.2. Виртуальные социальные сообщества	2.2.а) форумы, онлайн-группы по интересам	52,2

нию с новыми – онлайн-источниками. В этой связи можно предположить, что это связано с тем, что не все волнующие студентов проблемы здоровья «открыты» для семейного обсуждения (например, расстройства психики, депрессия, заболевания репродуктивной системы), а также то, что часть респондентов, будучи учащимися, проживают не дома, а в общежитии, поэтому ограничены в возможности обратиться к родственникам за советом в случае нездоровья.

Также для части опрошенных наряду с указанными источниками информации о здоровье выступают курсы в рамках образовательных программ и научная литература (15,6 % и 20,0 %, соответственно), что является в целом нехарактерным для молодёжной аудитории и, по мнению автора, связано с особым образовательным статусом исследуемой её части.

Учитывая значимость онлайн-источников в структуре медиапотребления о здоровье среди опрошенных студентов, респондентам дополнительно были заданы вопросы, связанные с обращением по интересующим их темам к популярному медиаформату – бло-

гам¹⁰. Выявлено, что 52 % от общего числа участников исследования, кто утвердительно ответил об использовании информации о здоровье в Интернете, обращаются к блогам. Из них 68,2 % доверяют размещённым в них сведениям, 14,4 % считает их ненадёжными, 17,4 % затруднились с ответом¹¹. Больше половины (58 %) из тех, кто постоянно обращается «за советом» к блогерам, подписаны на их страницы, 42 % регулярно их просматривают¹². Статистический анализ полученных данных показал, что не все опрошенные «честно» ответили на вопросы об использовании блогосферы для получения информации о здоровье, так как по результатам корреляции выявлено, что среди тех, кто никогда не обращается к блогам, 23,2 % подписаны на онлайн-дневники, 23,1 % их просматривают. Эти показатели позволяют уточнить в сторону увеличения общее число студентов, кто использует блоги для получения сведений о проблемах здоровья и практиках его сохранения, что «укрепляет» статус новых источников информации о здоровье среди представителей учащейся молодёжи.

¹⁰ Ответы на вопрос: «Пользуетесь ли Вы информацией о здоровье и практиках его поддержания, размещённой в блогах?» (единичный выбор).

¹¹ Ответы на вопрос: «Считаете ли Вы информацию о здоровье и практиках его поддержания, представленную в блогах, достоверной?» (единичный выбор).

¹² Ответы на вопрос: «Подписаны ли Вы на блогеров, ведущих страницы о здоровье, проблемах здоровья и/или здоровом образе жизни?» (единичный выбор).

Распределение факторов, которые, по мнению респондентов, оказывают влияние на формирование представлений о здоровье и здоровьесбережении (%).
Distribution of factors that, according to respondents, influence the formation of ideas about health and health conservation (%).

В качестве причин выбора блога и подписки респонденты указали следующие¹³:

- понятность изложенной информации (эффект доступности);
- у блогера схожие проблемы со здоровьем (эффект «домашней группы»);
- «блог ведёт врач» (эффект доверия);
- блог содержит развлекательный контент (эффект релаксации);
- блогер предлагает скидки на рекламируемые товары или услуги (эффект выгоды).

Наряду с рассмотренными аспектами также были проанализированы тематические предпочтения респондентов¹⁴. Их анализ показывает, что самые распространённые запросы – о питании (17,7 %), психическом нездоровье (15,3 %), что коррелирует с рассмотренными выше результатами о волнующих студентов проблемах здоровья. Также среди популярных (24,7 % в общей сумме) можно отметить вопросы, связанные с внешним видом, поддержанием своего тела в тонусе, которые коррелируют с темами косметологии, коррекции внеш-

ности (пластическая хирургия), занятиями бодибилдингом и фитнесом.

Таким образом, наряду с традиционными источниками информации студенты активно обращаются к новым, размещённым в онлайн-среде, что обусловлено глубокой вовлечённостью в цифровые практики данной возрастной группы.

Блок 4. Факторы, оказывающие влияние на конструирование представлений о здоровье и здоровьесбережении

Для выявления факторов, оказывающих влияние на формирование представлений о здоровье и практиках здоровьесбережения студенческой молодёжи, респондентам было предложено ответить на соответствующий вопрос: «Какие факторы, на Ваш взгляд, оказывают наибольшее влияние на формирование представлений о проблемах здоровья и практиках его поддержания?» (множественный выбор). Распределение результатов представлено на рисунке.

Указанные факторы были объединены в группы:

¹³ Ответ на вопрос: «Что определяет Ваш выбор подписки на аккаунт блогера о здоровье?» (множественный выбор).

¹⁴ Ответ на вопрос: «Какие темы в блогах о здоровье Вас интересуют больше всего (выберите не более трёх вариантов ответа)» (множественный выбор).

1 группа – опыт значимых других (семья, врачи, авторитетные люди, друзья) (42,1 %);

2 группа – медиа (реклама, телепередачи, научная литература, Интернет) (30,4 %);

3 группа – социальные институты (государство и система образования) (14,1 %);

4 группа – собственный опыт (13,5 %).

Обращает внимание незначительный уровень оценки респондентами таких институциональных факторов, как социальная политика государства в сфере охраны здоровья и система образования. В этой связи интерес представляют данные с ответами, полученными на вопросы об отношении к мероприятиям, проводимым государством в сфере здравоохранения, и к занятиям физической культурой в рамках образовательного процесса в вузе¹⁵. Чуть менее половины опрошенных (43,8 %) студентов положительно оценивают государственные меры, направленные на сохранение и улучшение здоровья молодого поколения, 36,8 % считают их недостаточно эффективными, остальные затруднились с оценкой. Назвать же сами мероприятия¹⁶ и реализуемые программы смогла лишь треть опрошенной аудитории, при этом самыми упоминаемыми по частоте стали диспансеризация (36,7 %), проекты «Здоровая Москва» (35,4 %) и «Активное долголетие» (27,9 %), которые оказались «на слуху», хотя не все являются «молодёжными». Полученные результаты демонстрируют, по мнению автора, слабую информированность студентов о здоровьесберегающих программах государства, что может быть следствием недостаточной освещённости их в средствах массовой информации и/или в студенческой среде.

Отношение студентов к занятиям физической культуры в целом характеризуется как положительное (63,8 %). Респонденты

указали на возможности релаксации и активного отдыха после основных дисциплин, связанных с умственной нагрузкой. Однако вовлечённость в эти оздоровительные практики в рамках учебного процесса оказывается слабой, так как лишь 37 % опрошенных регулярно посещает занятия. Причины, которые респонденты указывают в качестве основных барьеров, больше связаны с организацией самого процесса. Так, большинство респондентов (83 %) сетует на требование выполнения нормативов, которые, по мнению студентов, высокие и не всегда выполнимы. Эффект «обязательности» вызывает нежелание их посещать. Среди женской опрошенной аудитории (73 %) распространённые причины непосещения связаны с тем, что нужно весь день носить физкультурную форму, а это неудобно, особенно в условиях удалённости проживания от территории образовательного учреждения, а также после занятий физической культурой возникают проблемы с внешним видом, и, учитывая, что потом есть другие пары, не хватает времени привести себя в порядок.

Таким образом, значимыми факторами, оказывающими воздействие на когнитивный компонент в структуре представлений студенческой молодёжи о здоровьесбережении, как демонстрируют полученные данные, оказываются медиа и значимые другие. При этом следует уточнить, что вторая детерминанта также может включать и представителей интернет-сообществ, что усиливает роль онлайн-ресурсов в артикуляции, трансляции и конструировании представлений данной социальной группы о здоровье и практиках заботы о нём.

Обсуждение

В ходе проведённого исследования выявлено, что представления о здоровье студен-

¹⁵ Ответы на вопросы: «Считаете ли Вы меры в сфере охраны здоровья, предпринимаемые российским правительством, эффективными?» (единичный выбор); «Считаете ли Вы полезными для Вашего здоровья занятия физической культурой в рамках образовательного процесса в вузе?» (единичный выбор).

¹⁶ Ответы на вопрос: «Можете ли Вы назвать сами мероприятия (программы) в сфере охраны здоровья, реализуемые государством?» (открытый вопрос).

тов поколения Z основаны на его восприятии в контексте биопсихологической модели, что свидетельствует об определённой ограниченности их знаний о здоровье. При этом важными для респондентов выступают оба вида здоровья: и физическое, и психическое, которые ассоциируются большинством опрошенных с физической активностью и эмоциональным благополучием. Выявленные особенности восприятия здоровья находят отражение в данных о наиболее актуальных для обследуемой аудитории проблемах, среди которых наряду с болезнями соматического профиля выделены и вопросы психического нездоровья.

Несмотря на отмеченные ограничения, установлено, что для обследованной группы важным аспектом в понимании здоровья выступает осознание его ценности, что согласуется с результатами других исследований. Так, в работе Н.А. Коровниковой отмечается, что в контексте переживания витального и социального кризиса, возникшего вследствие пандемии новой коронавирусной инфекции, особую значимость для молодёжи приобретают такие аксиологические принципы, как безопасность, здоровье и эмпатия [34, с. 50]. О.В. Ковальчук с соавторами также указывают на высокий статус здоровья в системе ценностей студенческой молодёжи [35, с. 465]. По мнению исследователей, это связано с тем фактом, что в условиях пандемии поколение зуммеров, в отличие от предыдущей возрастной когорты, столкнулось с реальной угрозой жизни и здоровью в раннем возрасте, что могло повлиять на их «тягу» к здоровому образу жизни и восприятию здоровья как условия их витальности [35, с. 470]. Представленные в работе Р.И. Зинуровой и других данные демонстрируют значимость для поколения Z вопросов, связанных с проблемами здравоохранения и психического здоровья [36, с. 151]. С.В. Алексеев указывает на высокую ценность здоровья для исследуемой возрастной группы на основе связи с их мотивацией к жизнедеятельности в здоровой среде, в

здоровом окружении, занятиям физической культурой, здоровому режиму дня [37].

По результатам проведённого анализа выявлено, что забота о здоровье включает такие наиболее значимые, по мнению опрошенных, практики, как занятия спортом и физической культурой, прогулки на свежем воздухе, соблюдение режима дня, правильное питание, отказ от вредных привычек, поддержание эмоциональной стабильности. Полученные выводы коррелируют с результатами исследования здоровьесберегающего поведения студенческой молодёжи в работе Ковальчук О.В. и др. [35], согласно которым здоровый образ жизни, по мнению большинства респондентов, включает физическую активность, правильное питание, достаточный сон, отсутствие вредных привычек, хорошее самочувствие, благополучие во всём [35, с. 465].

Тем не менее, ядро представлений о практиках здоровьесбережения среди студентов, принявших участие в авторском опросе, отражает лишь два характерных для традиционной модели здорового образа жизни компонента: активный образ жизни и соблюдение режима дня. Снижение статуса такой важной составляющей здорового образа жизни, как отказ от вредных привычек, в структуре представлений респондентов связано с тем, что их большая часть не курит (78,3 %) и редко употребляет алкоголь (83,9 %), считая эти практики крайне вредными для своего здоровья, вследствие чего отказ от вредных привычек для них не является актуальным в силу их отсутствия. Также данный факт отражает общую тенденцию снижения распространённости химических зависимостей среди зуммеров, что находит подтверждение в зарубежных и отечественных исследованиях по данной теме [28; 38]. Так, в работе С.А. Судына выявлено, что «...среди представителей поколения Z больше 62% заявили об отсутствии опыта употребления табака, четверть опрошенных отказались от курения после нескольких проб, а регулярно курят всего 5% опрошен-

ных» [28, с. 57]. Автор отмечает низкий уровень вовлечённости представителей данной группы молодёжи в практики наркотизации и алкоголизации, объясняя данный факт тем, что «... для представителей поколения Z наркотические вещества являются своего рода объективным злом, привычным элементом социально-культурной реальности, равно как и связанные с ними риски потери здоровья, смерти от передозировки и лишения свободы» [28, с. 60].

Однако указанная специфика восприятия структуры здорового образа жизни также, по мнению автора, может быть связана с недостаточной сформированностью идеологии здоровьесбережения, трансформацией представлений современного молодого поколения о здоровьесберегающем поведении в целом, по сравнению с традиционной его моделью, и источников их формирования.

В этой связи проведённый анализ источников получения информации о здоровье и практиках его сохранения, а также наиболее значимых факторов формирования этих знаний, показал, что наряду с традиционными, к которым отнесены медицинское сообщество, близкое окружение (семья, друзья), высока роль в конструировании представлений о здоровье и здоровьесбережении новых, размещённых в онлайн-среде, что обусловлено глубокой вовлечённостью в цифровые практики данной возрастной группы. Полученные выводы согласуются с результатами других релевантных исследований [26; 35; 39]. Так, Н.С. Журавская с коллегами также отмечают, что большинство принявших в их исследовании «...студентов (87,4 %) информированы о ЗОЖ посредством сайтов и интернет-информации» [26, с. 39]. По данным, представленным в работе О.В. Ковальчук и соавторов, знания зуммеров о здоровье основаны чаще всего на опыте родителей, сверстников, либо на «увиденном случайно» в онлайн-ресурсах [35, с. 466].

В этой связи исследователи справедливо обращают внимание на проблему достоверности получаемой онлайн ин-

формации о здоровье, так как в условиях цифровой коммодификации предлагаемые ЗОЖ-трендсеттерами различные тренинги, «чудо»-диеты, «экспертные» советы, конструирующие ориентируемые на модные стандарты красоты и телесности нормы, не только могут формировать ограниченное представление о здоровье и практиках заботы о нём исключительно через призму хорошей физической формы, но и иметь деструктивное воздействие на состояние здоровья молодых людей вследствие некорректности транслируемых способов поддержания здоровья и лечения заболеваний [40; 41].

По мнению И.А. Молодцовой, онлайн-среда для поколения Z в силу его социально-психологической специфики содержит информационный фактор риска, что ставит вопрос о необходимости обучения данных представителей молодёжи навыкам информационной гигиены [42, с. 268].

Анализ полученных результатов также выявил недостаточную роль традиционных институциональных факторов конструирования здоровьесбережения, таких как государственная политика в сфере охраны здоровья и система образования, что указывает как на специфику самого поколения Z, склонного к самостоятельному выбору и контролю за своим здоровьем [43], так и объясняется проблемами информированности молодых людей о проводимых оздоровительных мероприятиях, хотя в целом, молодёжь позитивно относится к занятиям физической культурой и спортом [37; 44].

Заключение

Обзор релевантных публикаций и результаты авторского исследования демонстрируют, что представления о здоровьесбережении студенческой молодёжи и их формирование отличаются определённой спецификой:

- восприятие здоровья носит ограниченный характер, так как основано на его понимании в контексте биопсихологической модели и не включает таких значимых для

полноценного развития личности видов здоровья, как социальное и духовное; хотя отмечается наличие в структуре представлений о здоровье аксиологического аспекта;

– выявленные знания о практиках заботы о здоровье ориентированы на сохранение физической формы и психического благополучия, при этом из традиционных способов наиболее распространёнными являются только два – активный образ жизни и поддержание режима дня;

– основными источниками информации для обследованной группы являются как традиционные (медицинское сообщество, семья, друзья), так и онлайн-ресурсы, что обусловлено высоким уровнем вовлечённости данной возрастной категории в цифровые практики; при этом обращение к врачам связано с крайней необходимостью в ситуации заболевания, прохождение же профилактических осмотров отличается низким уровнем частотности;

– наиболее значимыми для студентов поколения Z факторами, влияющими на формирование их представлений о здоровьесбережении, выступают медиа и значимые другие, при этом следует уточнить, что вторая детерминанта также может включать и представителей интернет-сообществ, что усиливает роль онлайн-ресурсов в артикуляции, трансляции и конструировании представлений данной социальной группы о здоровье и практиках заботы о нём;

– роль таких традиционных факторов, как государство и система образования, хотя и оценивается позитивно, однако фактически они не являются приоритетными для данной возрастной группы, что связано с её цифровой повседневностью.

Таким образом, представления о здоровьесбережении современных студентов формируются под влиянием новых источников и агентов социализации, воздействие которых имеет амбивалентный характер. Учитывая ориентированность поколения Z на здоровый образ жизни, их ценностное восприятие здоровья, потребность в физической актив-

ности, предлагается усилить меры в рамках образовательного процесса по формированию идеологии здоровьесбережения современной молодёжи, включая привитие навыков информационной гигиены, посредством как введения соответствующих образовательных курсов, так и активизации внеучебной оздоровительной деятельности.

Данное исследование было проведено среди студентов московского вуза, вследствие чего выборка ограничивает возможности широкой экстраполяции полученных результатов. Тем не менее, согласованность с данными, представленными в работах зарубежных и отечественных авторов, позволяет рассматривать полученные выводы как основу для дальнейших изысканий.

Литература

1. Система здоровьесбережения студенческой молодёжи: XXI век: монография / под ред. В.И. Стародубова, В.А. Тутельяна. М.: Издательско-полиграфический центр «Научная книга», 2021. 348 с. EDN: MZDHPS.
2. Копылов А.С. Здоровье студенческой молодёжи и факторы риска, его определяющие // Российский вестник гигиены. 2022. № 1. С. 38–45. DOI: 10.24075/rbh.2022.040
3. Покида А.Н., Зыбуновская Н.В., Газиева И.А. Роль высшего образования в формировании здорового образа жизни (по результатам социологического исследования) // Высшее образование в России. 2022. Т. 31. № 1. С. 72–88. DOI: 10.31992/0869-3617-2022-31-1-72-88
4. Пузанова Ж.В., Лафина Т.И. «Здоровая личность» современного студента вуза как исследовательский концепт // Высшее образование в России. 2022. Т. 31. № 7. С. 151–166. DOI: 10.31992/0869-3617-2022-31-7-151-166
5. Фазлеева Е.В., Шалавина А.С., Васенков Н.В. [и др.] Состояние здоровья студенческой молодёжи: тенденции, проблемы, решения // Мир науки. Педагогика и психология. 2022. Т. 10. № 5. EDN: SCZANZ.
6. Бермус А.Г. Проблемы и перспективы исследований здоровьесбережения в образовательной среде вуза: теоретический обзор // Педагогика. Вопросы теории и практики. 2023. Т. 8. № 1. С. 1–12. DOI: 10.30853/ped20220221

7. Рагимова О.А., Саятин В.Н., Архипова А.Ю. Представления современного студенчества о здоровье человека // Общество. Среда. Развитие. 2023. Т. 67. № 2. С. 65–68. DOI: 10.53115/19975996_2023_02_065-068
8. Лисовский О.В. Особенности состояния здоровья обучающихся в системе высшего медицинского образования // Общественное здоровье и здравоохранение. 2024. Т. 80. № 1. С. 34–38. DOI: 10.56685/18120555_2024_80_1_34
9. Ольховская Е.Б., Сапегина Т.А. Исследование здоровья современных студентов педагогических вузов: проблемы, пути оптимизации: монография. Екатеринбург: Изд-во Рос. гос. проф.-пед. ун-та, 2023. 118 с. EDN: SDFJJY.
10. Лялюк А.В., Тучина О.Р. Социальные представления абитуриентов и студентов о рисках образовательной среды современного вуза // Высшее образование в России. 2019. Т. 28. № 11. С. 56–67. DOI: 10.31992/0869-3617-2019-28-11-56-67
11. Современные факторы, определяющие состояние здоровья студенческой молодёжи/ Р.С. Тарасов, Е.С. Рахманов, А.В. Богомолова и др.// Российский вестник гигиены. 2022. № 1. С. 4–9. DOI: 10.24075/rbh.2022.034
12. Попова Н.В., Данике К.К. Здоровьесберегающие технологии в работе со студенческой молодёжью: анализ и пути совершенствования // Физическая культура. Спорт. Туризм. Двигательная рекреация. 2021. Т. 6. № 3. С. 118–124. DOI: 10.47475/2500-0365-2021-16319
13. Кабанова И.А., Чичерин В.П., Терехова Н.В., Токарева Е.Р. Совершенствование компонентов здоровьесберегающих технологий в современном вузе // Вестник университета. 2022. № 11. С. 186–193. DOI: 10.26425/1816-4277-2022-11-186-193
14. Болотова М.М., Ермакова М.А., Чузова Е.С. Физическая культура, спорт и околоспортивные сообщества как основа развития социальной активности в студенческой среде // Учёные записки университета им. П.Ф. Лесгафта. 2023. Т. 217. № 3. С. 63–69. DOI: 10.34835/issn.2308-1961.2023.03.p63-70
15. Дутко Ю.А. Поколение Z: основные понятия, характеристики и современные исследования // Проблемы современного образования. 2020. № 4. С. 28–37. DOI: 10.31862/2218-8711-2020-4-28-37
16. Липидус А.В., Гостилов А.О., Омарова Ш.А. Особенности проникновения цифровых технологий в жизнь поколения Z: ценности, поведенческие паттерны и потребительские привычки интернет-поколения // Государственное управление. Электронный вестник. 2020. № 83. С. 271–293. DOI: 10.24411/2070-1381-2020-10119
17. Тарасова Е.М. Некоторые психологические особенности студентов поколения Z // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. 2020. № 2. С. 62–70. DOI: 10.18384/2310-7235-2020-2-62-70
18. Шлегель Е.В. Поколение Z: типические черты и ценностные ориентации // Вестник Гуманитарного университета. 2022. Т. 37. № 2. С. 122–130. DOI: 10.35853/vestnik.gu.2022.2(37).12
19. Стиллман Д., Стиллман И. Поколение Z на работе. Как его понять и найти с ним общий язык / пер. с англ. Ю. Кондукова. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2018. 344 с. ISBN: 978-5-00117-167-6.
20. Бонкало Т.И. Здоровьесберегающие технологии в учебной и профессиональной деятельности. М.: ГБУ «НИИОЗММ ДЗМ», 2023. 206 с. ISBN: 978-5-907717-19-0.
21. Антонова Н.А. Культура здоровьесбережения: социологическая концептуализация // Перспективы науки. 2014. № 12. С. 49–51. EDN TLHPUR.
22. Chatterjee A., Prinz A., Gerdes M., Martinez S. Digital interventions on healthy lifestyle management: systematic review // Journal of Medical Internet Research. 2021. Vol. 23. No. 11. P. e26931. DOI: 10.2196/26931
23. Cockerham W.C. Health lifestyle theory and the convergence of agency and structure // Journal of Health and Social Behavior. 2005. Vol. 46. No. 1. P. 51–67. DOI: 10.1177/002214650504600105
24. Simons-Morton B., McLeroy K., Wendel M. Behavior Theory in Health Promotion Practice and Research. Jones & Bartlett Publishers, 2011. 428 p. ISBN: 9780763786793.
25. Федоров В.А. Третьякова Н.В. Концептуальные основы здоровьесберегающей деятельности образовательных организаций в контексте теории управления качеством // Образование и наука. 2023. Т. 25. № 2. С. 15–45. DOI: 10.17853/1994-5639-2023-2-15-45
26. Журавская Н.С., Аленникова М.В., Янович В.А. К вопросу о формировании восприя-

- тия здорового образа жизни студенческой молодёжи (на примере студентов Владивостокских вузов) // Здоровье населения и среда обитания – ЗНисО. 2022. Т. 30. № 12. С. 37–44. DOI: 10.35627/2219-5238/2022-30-12-37-44
27. Закирова А.И., Литовченко О.Г., Тостановский А.В. Отношение студентов к здоровому образу жизни // Профилактическая медицина. 2023. Т. 26. № 3. С. 75–80. DOI: 10.17116/profmed20232603175
 28. Судьин С. А. Здоровье и практики здоровьесбережения: межкогортный анализ // Социальные контексты здоровья: монография. Нижний Новгород: ООО «Научно-исследовательский социологический центр». 2020. С. 52–67. EDN: QLBWTT.
 29. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: «Медиум», 1995. 323 с. ISBN: 5-85691-036-2.
 30. Lupton D. Digital health: Critical and Cross-Disciplinary Perspectives. London: Routledge, 2017. 178 p. ISBN: 9781138123458.
 31. Couldry N., Hepp A. The Mediated Construction of Reality. Cambridge: Polity Press, 2017. 290 p. ISBN: 978-0-7456-8130-6.
 32. Hepp A. Deep Mediatization. London: Routledge, 2020. 260 p. ISBN: 9781138024991.
 33. Оситова Н. Г., Лядова А. В., Заплетнюк М. А. Медиатизация здоровья в российской блогосфере // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2023. Т. 16(3). С. 309–323. DOI: 10.21638/spbu12.2023.305
 34. Коробникова Н.А. Изменение потребления в контексте пандемии COVID-19 // Социальные новации и социальные науки. 2021. № 3. С. 42–53. DOI: 10.31249/snsn/2021.03.03
 35. Ковальчук О.В., Лазуренко Н.В., Нифонтова В.А. Здоровьесберегающее поведение студенческой молодёжи: факторы формирования и условия сохранения // НОМОТНЕТИКА: Философия. Социология. Право. 2021. Т. 46 (3). С. 461–473. DOI: 10.52575/2712-746X-2021-46-3-461-473
 36. Зинурова Р.И., Никитина Т.Н., Фатхуллина А.З. Социальные практики и социальнопсихологические характеристики поколения Z (по результатам фокус-группового исследования) // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 476. С. 146–158. DOI: 10.17223/15617793/476/16
 37. Алексеев С.В. Здоровый образ жизни: взгляд представителей разных поколений // Здоровье. Образование. Партнёрство: сборник материалов региональных научно-практических конференций, Санкт-Петербург, 11–29 ноября 2021 г. Санкт-Петербург: Государственное автономное образовательное учреждение дополнительного профессионального образования «Ленинградский областной институт развития образования», 2021. С. 83–91. EDN: EWBKAD.
 38. Matthews-King A. Generation Z Teens “More Depressed Despite Fall in Drinking and Drugs” // Independent. 2019. URL: <https://www.independent.co.uk/news/health/teenage-depression-mental-health-drugs-antisocial-behaviour-generation-z-a8800291.html> (дата обращения: 03.06.2024).
 39. Papp-Zipernovszky O., Horváth M.D., Schulz P.J., Csabai M. Generation Gaps in Digital Health Literacy and Their Impact on Health Information Seeking Behavior and Health Empowerment in Hungary // Frontiers in Public Health. 2021. 9:635943. DOI: 10.3389/fpubh.2021.635943
 40. Papathomas A., White H., Plateau C. Young people, social media, and disordered eating // V. Goodyear (ed.). Young People, Social Media and Health. London: Routledge, 2019. P. 101–116. DOI: 10.4324/9781351026987-10
 41. Suarez-Lledo V., Alvarez-Galvez J. Prevalence of health misinformation on social media: Systematic review // Journal of Medical Internet Research. 2021. Vol. 23. No. 1. P. e17187. DOI: 10.2196/17187
 42. Молодцова И.А. Социально-психологические проблемы здоровьесбережения Z-поколения в современных условиях: информационная гигиена // Психолого-педагогическое сопровождение образовательного процесса: проблемы, перспективы, технологии: материалы VII Международной научно-практической конференции, Орёл, 09–10 апреля 2020 г./ под ред. А.И. Ахуловой. Орёл: Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева, 2020. С. 266–270. EDN: NJBJET.
 43. Nayak B. et al. Exploring the factors influencing adoption of health-care wearables among generation Z consumers in India // Journal of Information, Communication and Ethics in Society. 2022. Vol. 20. No. 1. P. 150–174. DOI: 10.1108/JICES-07-2021-0072

44. Haas J., Baber M., Byrom N., Meade L., Nouri-Aria K. Changes in student physical health behaviour: an opportunity to turn the concept of a Healthy University into a reality // Perspectives in Public Health. 2018. Vol. 138(6). P. 316–324. DOI:10.1177/1757913918792580

Благодарность. Исследование выполнено при поддержке РФФ № 23-28-01081, <https://rscf.ru/project/23-28-01081/>.

Статья поступила в редакцию 20.06.2024

Принята к публикации 01.08.2024

References

1. *Sistema zdorov'esberezheniya studentcheskoi molodezhi: XXI vek* [The health care system for students: the XXI century]. (2021). Moscow: Publishing and printing center "Scientific Book", 348 p. (In Russ.).
2. Kopylov, A.S. (2022). Health of students and its determining risk factors. *Rossiiskii vestnik gigeny = Russian Bulletin of Hygiene*. No. 1, pp. 38–45, doi: 10.24075/rbh.2022.040 (In Russ., abstract in Eng.).
3. Pokida, A.N., Zybunovskaya, N.V., Gazieva, I.A. (2022). The Role of Higher Education in the Formation of a Healthy Lifestyle: Results of Sociological Research. *Vysshee obrazovanie v Rossii = Higher Education in Russia*. Vol. 31, no. 1, pp. 72–88, doi: 10.31992/0869-3617-2022-31-1-72-88 (In Russ., abstract in Eng.).
4. Puzanova, Zh.V., Larina, T.I. (2022). «Healthy Personality» of a Modern University Student as a Research Concept. *Vysshee obrazovanie v Rossii = Higher Education in Russia*. Vol. 31, no. 7, pp. 151–166, doi: 10.31992/0869-3617-2022-31-7-151-166 (In Russ., abstract in Eng.).
5. Fazleeva, E.V., Shalavina, A.S., Vasenkov, N.V., Martyanov, O.P., Fazleev, A.N. (2022). Health status of youth students: trends, problems, solutions. *Mir nauki. Pedagogika i psikhologiya = World of Science. Pedagogy and Psychology*. Vol. 10, no. 5. Available at: <https://mir-nauki.com/PDF/01PDMN522.pdf> (accessed 01.08.2024). (In Russ., abstract in Eng.).
6. Bermus, A.G. (2023). Issues and Research Perspectives of Health Protection in the University Educational Environment: A Theoretical Review. *Pedagogika. Voprosy teorii i praktiki = Pedagogy. Theory & Practice*. Vol. 8, no. 1, pp. 1–12, doi: 10.30853/ped20220221 (In Russ., abstract in Eng.).
7. Ragimova, O.A., Sayapin, V.N., Arkhipova, L.Yu. (2023). The ideas of modern students about human health. *Obshchestvo. Sreda. Razvitie = Society. Environment. Development*. Vol. 67, no. 2, pp. 65–68, doi: 10.53115/19975996_2023_02_065-068 (In Russ., abstract in Eng.).
8. Lisovskii, O.V. (2024). Peculiarities of health state of students in the system of higher medical education. *Obshchestvennoe zdorov'e i zdravookhranenie = Public Health and Health Care*. Vol. 80, no. 1, pp. 34–38, doi: 10.56685/18120555_2024_80_1_34 (In Russ., abstract in Eng.).
9. Olhovskaya, E.B., Sapegina, T.A. (2023). *Issledovanie zdorov'ya sovremennykh studentov pedagogicheskikh vuzov: problemy, puti optimizatsii* [Health research of modern students of pedagogical universities: problems, ways of optimization]. Ekaterinburg: Publishing House of the Russian State Prof.-Ped. University, 118 p. (In Russ.).
10. Lyalyuk, A.V., Tuchina, O.R. (2019). Students' and applicants' Social Perceptions of the Risks of Educational Environment at Higher Education Institution. *Vysshee obrazovanie v Rossii = Higher Education in Russia*. Vol. 28, no. 11, pp. 56–67, doi: 10.31992/0869-3617-2019-28-11-56-67 (In Russ., abstract in Eng.).
11. Tarasov, R.S., Rakhmanov, E.S., Bogomolova, A.V. et al. (2022). Modern factors determining the status of students' health. *Rossiiskii vestnik gigeny = Russian Bulletin of Hygiene*. No. 1, pp. 4–9, doi: 10.24075/rbh.2022.034 (In Russ., abstract in Eng.).
12. Popova, N.V., Danike, K.K. (2021). Health-saving technologies in work with student youth:

- analysis and ways to improve. *Fizicheskaya kul'tura. Sport. Turizm. Dvigatel' naya rekreatsiya* = *Physical culture. Sport. Tourism. Motor Recreation*. Vol. 6, no. 3, pp. 118-124, doi: 10.47475/2500-0365-2021-16319 (In Russ., abstract in Eng.).
13. Kabanova, I.A., Chicherin, V.P., Terekhova, N.V., Tokareva, E.R. (2022). Improving the components of health-saving technologies in a modern university. *Vestnik Universiteta* = *University Bulletin*. Vol. 1, no. 11, pp. 186-193, doi: 10.26425/1816-4277-2022-11-186-193 (In Russ., abstract in Eng.).
 14. Bolotova, M.M., Ermakova, M.A., Chuzova, E.S. (2023). Physical culture, sports and sports-related communities as the basis for the development of social activity among students. *Uchenye zapiski universiteta im. P.F. Lesgafta* = *Scientific Notes of the Lesgaft National State University*. Vol. 217, no. 3, pp. 63-69, doi: 10.34835/issn.2308-1961.2023.03.p63-70 (In Russ., abstract in Eng.).
 15. Dutko, Yu.A. (2020). Generation Z: basic concepts, characteristics and current research. *Problemy sovremennogo obrazovaniya* = *The Problems of Modern Education*. No. 4, pp. 28-37, doi: 10.31862/2218-8711-2020-4-28-37 (In Russ., abstract in Eng.).
 16. Lapidus, L.V., Gostilovich, A.O., Omarova, Sh.A. (2020). Features of Digital Technologies Penetration into Generation Z Life: Values, Behavioral Patterns and Consumer Habits of the Internet Generation. *Gosudarstvennoe upravlenie. Elektronnyi vestnik* = *State Management. Electronic Bulletin*. No. 83, pp. 271-293, doi: 10.24411/2070-1381-2020-10119 (In Russ., abstract in Eng.).
 17. Tarasova, E.M. (2020). Some psychological features of generation Z students. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Psikhologicheskie nauki* = *Bulletin of the State University of Education. Series: Psychology*. No. 2, pp. 62-70, doi: 10.18384/2310-7235-2020-2-62-70 (In Russ., abstract in Eng.).
 18. Shlegel, E.V. (2022). Generation Z: Typical Traits and Value Orientations. *Vestnik Gumanitarnogo universiteta* = *Humanitarian University Bulletin*. Vol. 37, no. 2, pp. 122-130, doi: 10.35853/vestnik.gu.2022.2(37).12 (In Russ., abstract in Eng.).
 19. Stillman, D., Stillman, J. (2017). *Gen Z @ Work: How the Next Generation Is Transforming the Workplace*. USA, Harper Business, 320 p. (Russian Translation: Ed. Yu. Kondukova. Moscow: Mann, Ivanov i Ferber, 2018, 344 p.).
 20. Bonkalo, T.I. (2023). *Zdorov'esberegayushchie tekhnologii v uchebnoi i professional'noi deyatel'nosti* [Health-saving technologies in educational and professional activities]. M.: State Budgetary Institution of the city of Moscow "Scientific Research Institute of Health Organization and Medical Management of the Department of Health of the City of Moscow, 206 p. (In Russ.).
 21. Antonova N.L. (2014). Culture of health conservation: sociological conceptualization. *Perspektivy nauki* = *Perspectives of Science*. No. 12, pp. 49-51. (In Russ., abstract in Eng.).
 22. Chatterjee A., Prinz A., Gerdes M., Martinez S. (2021). Digital interventions on healthy lifestyle management: systematic review. *Journal of Medical Internet Research*. Vol. 23, no. 11, p. e26931, doi: 10.2196/26931
 23. Cockerham W.C. (2005). Health lifestyle theory and the convergence of agency and structure. *Journal of Health and Social Behavior*. Vol. 46, no. 1, pp. 51-67, doi: 10.1177/002214650504600105
 24. Simons-Morton B., McLeroy K., Wendel M. (2011). *Behavior Theory in Health Promotion Practice and Research*. Jones & Bartlett Publishers, 428 p. ISBN: 9780763786793.
 25. Fedorov, V.A. Tretyakova, N.V. (2023). Conceptual framework for health-preserving activities in educational organisations within the Context of quality management. *Obrazovanie i nauka* = *The Education and Science Journal*. Vol. 25, no. 2, pp. 15-45, doi: 10.17853/1994-5639-2023-2-15-45 (In Russ., abstract in Eng.).

26. Zhuravskaya, N.S., Alenitskaya, M.V., Yanovich, V.A. (2022). On the Issue of Forming the Perception of a Healthy Lifestyle among Youth: The Example of Vladivostok University Students. *Zdorov'e naseleniya i sreda obitaniya – ZNiSO = Public Health and Life Environment – PH&LE*. Vol. 30, no. 12, pp. 37-44, doi: 10.35627/2219-5238/2022-30-12-37-44 (In Russ., abstract in Eng.).
27. Zakirova, A.I. Litovchenko, O.G., Tostanovskii, A.V. (2023). Attitude of students toward a healthy lifestyle. *Profilakticheskaya meditsina = Russian Journal of Preventive Medicine*. Vol. 26, no. 3, pp. 75-80, doi: 10.17116/profmed20232603175 (In Russ., abstract in Eng.).
28. Sudjin, S. A. (2020). Health and health-saving practices: an inter-cohort analysis. In: *Social contexts of health*. Nizhnii Novgorod: Scientific Research Sociological Center, pp. 52-67.
29. Berger, P., Lukman, T. (1966). *The Social Construction of Reality: A Treatise in the Sociology of Knowledge*. Garden City, NY: Anchor Books, 240 p. (Russian Translation: ed. by E.D. Rutkevich. Moscow: Medium, 1995, 323 p.).
30. Lupton, D. (2017). *Digital Health: Critical and Cross-Disciplinary Perspectives*. London: Routledge, 178 p.
31. Couldry, N., Hepp, A. (2017). *The Mediated Construction of Reality*. Cambridge: Polity Press, 290 p.
32. Hepp, A. (2020). *Deep Mediatization*. London: Routledge, 260 p.
33. Osipova, N.G., Lyadova, A.V., Zapletnyuk, M.A. (2023). Mediatization of health in the Russian blogosphere. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Sotsiologiya = Vestnik of Saint Petersburg University. Sociology*. Vol. 16, no. 3, pp. 309-323, doi: 10.21638/spbu12.2023.305 (In Russ., abstract in Eng.).
34. Korovnikova, N.A. (2021). Consumption changes in pandemic COVID-19 context (Review). *Sotsial'nye novatsii i sotsial'nye nauki = Social Novelties and Social Sciences*. No. 3, pp. 42-53, doi: 10.31249/snsn/2021.03.03 (In Russ., abstract in Eng.).
35. Kovalchuk, O.V., Lazurenko, N.V., Nifontova, V.A. (2021). Health-saving Behavior of Students: Factors of Formation and Conditions of Preservation. *NOMOTHETIKA: Filosofiya. Sotsiologiya. Pravo = NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*. Vol. 46, no. 3, pp. 461-473, doi: 10.52575/2712-746X-2021-46-3-461-473 (In Russ., abstract in Eng.).
36. Zinurova, R.I., Nikitina, T.N., Fatkhullina, L.Z. (2022). Social practices and socio-psychological characteristics of Generation Z (based on the results of focus group research). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta = Tomsk State University Journal*. No. 476, pp. 146-158, doi: 10.17223/15617793/476/16 (In Russ., abstract in Eng.).
37. Alekseev, S.V. (2021). [Healthy lifestyle: the view of representatives of different generations]. In: *Zdorov'e. Obrazovanie. Partnerstvo: sbornik materialov regional'nykh nauchno-prakticheskikh konferentsii* [Health. Education. Partnership: Materials of Regional Sci. and Pract. Conf., Nov. 11-29 2021]. Sankt-Peterburg: Leningrad Regional Institute of Education Development, pp. 83-91. (In Russ.).
38. Matthews-King, A. (2019). Generation Z Teens “More Depressed Despite Fall in Drinking and Drugs. *Independent*. Available at: <https://www.independent.co.uk/news/health/teenage-depression-mental-health-drugs-antisocial-behaviour-generation-z-a8800291.html> (accessed: 03.06.2024).
39. Papp-Zipernovszky, O., Horvóth, M.D., Schulz, P.J., Csabai, M. (2021). Generation Gaps in Digital Health Literacy and Their Impact on Health Information Seeking Behavior and Health Empowerment in Hungary. *Frontiers in Public Health*. May, doi: 10.3389/fpubh.2021.635943
40. Papathomas, A., White, H., Plateau, C. (2019). Young people, social media, and disordered eating. In: V. Goodyear (ed.). *Young People, Social Media and Health*. London: Routledge, pp. 101-

- 116, doi: 10.4324/9781351026987-10
41. Suarez-Lledo, V., Alvarez-Galvez, J. (2021). Prevalence of health misinformation on social media: Systematic review. *Journal of Medical Internet Research*. Vol. 23, no. 1, p. e17187, doi: 10.2196/17187
 42. Molodtsova, I.A. (2020). [Socio-psychological problems of Z-generation health care in modern conditions: information hygiene]. In: *Psikhologo-pedagogicheskoe soprovozhdenie obrazovatel'nogo protsessa: problemy, perspektivy, tekhnologii: materialy VII Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Psychological and pedagogical support of the educational process: problems, prospects, technologies: Materials of the VII International Sci. and Pract. Conf., Apr. 09-10 2020]. Orel: Orel State University named after I.S. Turgenev, pp. 266-270. (In Russ.).
 43. Nayak, B. et al. (2022). Exploring the factors influencing adoption of health-care wearables among generation Z consumers in India. *Journal of Information, Communication and Ethics in Society*. Vol. 20, no. 1, pp. 150-174, doi: 10.1108/JICES-07-2021-0072
 44. Haas, J., Baber, M., Byrom, N., Meade, L., Nouri-Aria, K. (2018). Changes in student physical health behaviour: an opportunity to turn the concept of a Healthy University into a reality. *Perspectives in Public Health*. Vol. 138(6), pp. 316-324, doi: 10.1177/1757913918792580

Acknowledgment. The study was supported by the Russian Science Foundation, project No. 23-28-01081, <https://rscf.ru/project/23-28-01081/>

*The paper was submitted 20.06.2024
Accepted for publication 01.08.2024*

**Пятилетний импакт-фактор
РИНЦ-2022, без самоцитирования**

ВОПРОСЫ ОБРАЗОВАНИЯ	3,686
ОБРАЗОВАНИЕ И НАУКА	2,668
ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ НАУКА И ОБРАЗОВАНИЕ	2,415
ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ В РОССИИ	2,302
УНИВЕРСИТЕТСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ: ПРАКТИКА И АНАЛИЗ	1,678
ИНТЕГРАЦИЯ ОБРАЗОВАНИЯ	1,544
СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ	1,329
ВОПРОСЫ ФИЛОСОФИИ	0,623
ЭПИСТЕМОЛОГИЯ И ФИЛОСОФИЯ НАУКИ	0,609
ВЫСШЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ СЕГОДНЯ	0,470
АЛМА МАТЕР (ВЕСТНИК ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ)	0,229
ПЕДАГОГИКА	0,005

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ НАУЧНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

ИЗДАЕТСЯ С 1992 Г.

ВЫСШЕЕ образование в РОССИИ

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

НИКОЛЬСКИЙ ВЛАДИМИР СВЯТОСЛАВОВИЧ

СПЕЦИАЛЬНОСТИ ВАК

5.4.4, 5.4.6 – Социологические науки

5.7.6, 5.7.7 – Философские науки

5.8.1, 5.8.2, 5.8.7 – Педагогические науки

ИНДЕКСАЦИЯ

РИНЦ; Scopus: Q1 философия, Q2 социология и политические науки, Q3 образование; Перечень ВАК: K1

Показатель журнала в рейтинге SCIENCE INDEX-2022 9,629

Место в рейтинге SCIENCE INDEX-2022:

Общий рейтинг	158
Тематика "Народное образование. Педагогика"	2
Тематика "Философия"	2
Тематика "Социология"	5

Двухлетний импакт-фактор РИНЦ 2022: 3,622

Двухлетний импакт-фактор РИНЦ 2022
с учётом цитирования из всех источников: 6,054

Пятилетний импакт-фактор РИНЦ 2022: 2,603

Десятилетний индекс Хирша 2022: 60

Белый список журналов Минобрнауки: 2 уровень

ПРИЁМ СТАТЕЙ И ПОДПИСКА

vovr.elpub.ru

РЕДАКЦИОННАЯ ПОЧТА

vovrus@inbox.ru

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Редакция журнала «*Высшее образование в России*» поддерживает положения декларации «*Этические принципы научных публикаций*», принятой Ассоциацией научных редакторов и издателей (rasep.ru) на основе рекомендаций Комитета по этике научных публикаций (*Committee of Publication Ethics*).

Принципы рецензирования статей

1. Оценка соответствия статьи профилю журнала.
2. Оценка соответствия статьи требованиям к публикации.
3. Оценка соответствия статьи современному уровню разработки проблемы (актуальность, новизна).
4. Оценка полноты раскрытия темы научной статьи и обоснованности выводов.
5. Оценка методов исследования проблемы, качества библиографического аппарата.
6. Оценка языка, логики и стиля изложения.

Порядок рецензирования статей

1. Первичный отбор материалов.
2. Предварительная экспертиза статей главным редактором и направление материалов на внешнее рецензирование, осуществляемое членами редколлегии и привлечёнными экспертами – представителями РАН, вузов, ассоциаций.
3. При наличии положительной рецензии начинается редакционная подготовка к изданию:
 - работа редактора с автором по поводу доработки статьи;
 - научное редактирование;
 - согласование правки с автором;
 - литературная правка;
 - корректура верстки.

Порядок приёма рукописей

К публикации принимаются статьи, как правило, не превышающие 40 000 знаков.

Направляемые в редакцию рукописи должны отвечать *требованиям к оформлению статей*.

Оригинал статьи должен быть представлен в формате Document Word 97-2003 (*.doc), шрифт – Times New Roman, размер шрифта – 11, интервал – 1,5). Наименование файла начинается с фамилии и инициалов автора. Таблицы, схемы и графики должны быть представлены в формате MS Word и вставлены в текст статьи. Сложные рисунки и графики должны быть сделаны с учётом формата журнала и представлены дополнительно в формате jpg или tif. В присланном файле, помимо текста статьи, должна содержаться следующая информация на *русском и английском языках*:

- сведения об авторах (ФИО полностью, учёное звание, учёная степень, должность, название организации с указанием полного адреса и индекса, адрес электронной почты);
- название статьи (не более шести-семи слов);
- аннотация и ключевые слова (отразить цель работы, методы, основные результаты и выводы, объём – не менее 250–300 слов, или 20–25 строк);
- библиографический список (20–25). Пристатейный список литературы на латинице (References) должен быть оформлен согласно принятым международным библиографическим стандартам. В целях расширения читательской аудитории рекомендуется включать в список литературы зарубежные источники. *Важно:* при оформлении References имена авторов должны быть в оригинальной транскрипции (не транслитом!), а название источника – в том виде, в каком он был опубликован.

ОБРАЗОВАНИЕ БУДУЩЕГО
И БУДУЩЕЕ ОБРАЗОВАНИЯ

ICMED 2025

МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
ПО РАЗВИТИЮ СОВРЕМЕННОГО
ОБРАЗОВАНИЯ

МОСКВА, РОССИЯ
24–27 МАРТА
2025

открывая будущее, создаем его

ОРГАНИЗАТОРЫ:

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Московский государственный технический университет имени Н.Э. Баумана
Философский факультет Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова
Московский педагогический государственный университет
Российский государственный гуманитарный университет
Российское молодежное политехническое общество
Национальное агентство развития квалификаций

ART & DESIGN WWW.MARINAWEISS.COM

Информационное сообщение / 23. 09. 2024

Международная конференция ICMED'2025 приглашает к участию учёных, представителей органов государственной власти, сотрудников образовательных и научных учреждений, учащихся, вовлечённых в решение проблем развития современного образования, заинтересованных в создании научных методов становления образования будущего.

Становление образования будущего представляет собой фундаментальную задачу современности, от эффективного решения которой зависит благосостояние государств, народов и отдельного человека. Ответственность за её решение лежит на тех, кто способен внести научный и организационный вклад в развитие образования. Конференция ICMED'2025 позволит соединить усилия специалистов из самых разных областей знаний в формировании образов образования будущего, в поиске надлежащих путей, ведущих к ним.

Конференция является официальным мероприятием Десятилетия науки и технологий в Российской Федерации. Сопредседатели конференции – профессор Д.Б. Богоявленская, доктор психологических наук, патриарх российской психологии; А.О. Карпов – доктор философских наук, основатель и руководитель программы «Шаг в будущее». В Программный комитет конференции вошли ведущие учёные в области наук об образовании, философии, психологии, социологии, культурологии. Информационные партнёры конференции – журналы «Вопросы философии», «Высшее образование в России», «Социологические исследования», «Философские науки», «Общественные науки и современность», «Образование и наука» и газета «ПОИСК».

Конференция состоится во время проведения Всероссийского форума научной молодёжи «Шаг в будущее», в котором примут участие более 1000 талантливых школьников-исследователей и студентов начальных курсов. Докладчики и слушатели конференции смогут посетить основные мероприятия форума, в том числе защиту проектов на выставке лучших работ и специализированных секциях.

Цель конференции – междисциплинарная разработка ключевых проблем, направлений и методов развития современного образования в движении к образованию будущего, фундаментальных составляющих образования будущего в целом и на разных ступенях образования; определение целеполагания, роли и места образования в антропологической, социальной, культурной и экономической системе координат общества будущего.

Виды участия в конференции: с научным сообщением и в качестве слушателя. В программе конференции – пленарные заседания, научные секции и дискуссионная площадка для молодых учёных, молодых учителей, аспирантов, студентов и школьников-исследователей в возрасте от 17 до 35 лет. Рабочие языки конференции – русский и английский (обеспечивается перевод). Организационный взнос не взимается. Центральные темы конференции прилагаются.

Авторам докладов рекомендуется придерживаться основных направлений конференции в рамках научной методологии в постановке, анализе и разработке проблем образования. Статьи всех выступивших на конференции будут опубликованы в книге трудов с номером ISBN и поданы на индексацию в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ). Планируется выпустить Молодёжный научный сборник конференции со статьями участников дискуссионной площадки по центральным темам конференции (принимаются к отбору после проведения конференции). Отдельные статьи могут быть опубликованы в научных журналах – информационных партнёрах конференции. Всем участникам конференции (докладчикам, слушателям, участникам открытой дискуссии) выдаются свидетельства международного образца с логотипом Десятилетия науки и технологий.

Для участия в конференции необходимо подать электронную заявку по адресу: шагбудущее.рф/icmed_reg. Участники конференции, планирующие выступить с докладом, при подаче заявки должны загрузить свою фотографию и статью, подготовленную и оформленную в соответствии с правилами (если авторов несколько, заявка со статьёй и фотографиями загружается единожды, при этом указываются все авторы), а также тезисы докладов. Срок окончания электронной регистрации и приёма статей – 19 января 2025 года.

Отбор докладов производится Программным комитетом. Список докладчиков и приглашаемых слушателей планируется утвердить до 25 февраля 2025 года и опубликовать на сайте шагбудущее.рф. После чего по указанным в заявке электронным адресам будут высланы приглашения на конференцию.

Сведения об организации участия, подготовке статьи и доклада приведены в Информационном приложении, а также размещены на главном сайте программы «Шаг в будущее»: <http://www.step-into-the-future.ru>.

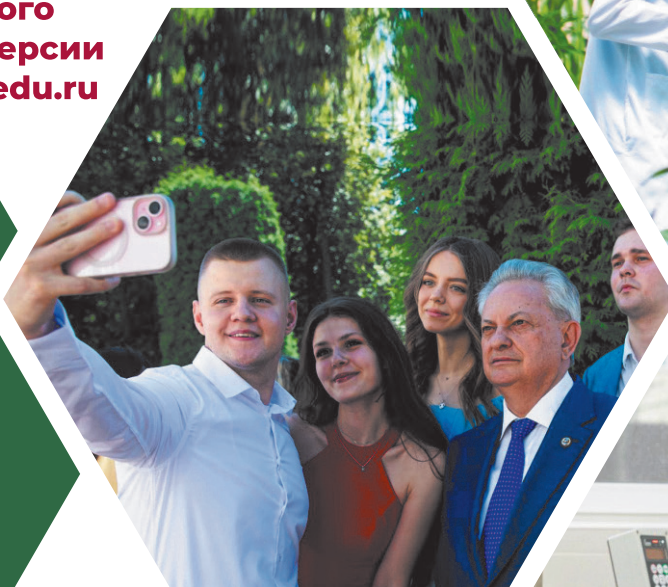
Телефоны Оргкомитета:

+7 (499) 267-55-52

+7 (499) 263-62-82

**РГАУ-МСХА имени
К.А. Тимирязева
вошел в ТОП 25
Национального
агрегированного
рейтинга по версии
портала best-edu.ru**

155

образовательных программ
Российского государственного аграрного
университета - МСХА имени К.А. Тимирязева
прошли международную аккредитацию
в Национальном центре
профессионально-общественной аккредитации

**Профессионально-общественная аккредитация
элиты российского образования**

Национальный центр
профессионально-
общественной
аккредитации

89278886000
аккредитация.рф

